

**ИЗ ПЕРЕПИСКИ
В. А. КОЖЕВНИКОВА И Н. П. ПЕТЕРСОНА**

Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ
26 декабря 1903. Асхабад

Асхабад, 26 декабря 1903 года

Глубокоуважаемый Владимир Александрович! Сейчас получил Ваше письмо от 17 декабря¹ с подробностями несказанно горестного события, которое совершилось так далеко от меня, что я не мог принять никакого участия ни в уходе за больным, ни в хлопотах по погребению. Теперь я боюсь за Вас; сохрани Бог, если Вы разболеетесь; плеврит — это не шутка, в особенности если при этом Вам, не оправившись, придется принимать участие в других похоронах². Сохрани Вас Бог для всех Ваших и для великого дела, которое будет заключаться теперь в издании всего оставшегося после великого и дорогого усопшего. Относительно наследников нечего опасаться — никаких *законных* наследников быть не может, потому что Николай Федорович, как я писал Вам, незаконный сын Павла Гагарина; я думал, что Евстафьев брат его, оказывается, что он ему был шурином и это жена Евстафьева — Юлия Павловна (Зинаида Гагарина была за Тришатным) — сестра Николаю Федоровичу, которого, как я Вам писал, в доме другой его сестры, Полтавцевой, звали Николаем Павловичем³. Да и что наследники могут сделать с его бумагами? Неужели они захотят продать их Черногубову⁴ или еще кому-либо. И что же могут дать за эти бумаги?!.. А если они захотят их печатать на свой счет, то и прекрасно, пусть печатают. Всякий, желающий напечатать что-либо, захочет напечатать в наилучшем виде — как же они могут сделать это без участия в этом напечатании Вас и меня, которые под диктовку великого усопшего написали почти все, что после него осталось. Кроме того, все, что у меня есть, я, несмотря ни на каких наследников, приведу в порядок и напечатаю, потому что,

как ни незначительно было мое участие во всем написанном великим человеком, во всяком случае, мое участие в нем было, и от целого нельзя отделить того, что принадлежит и мне. Я говорю о принадлежности мне не в смысле коммерческом. Сохрани Бог от такого святотатства, чтобы извлекать какую-либо материальную выгоду из великого наследства. Прежде всего надо позаботиться исполнить его завет, чтобы торговли оставшимся после него не было. Я теперь забочусь о том, как бы избавиться от моих судебных обязанностей, если не вполне (чего, к несчастью, сделать нельзя, так как на пенсию прожить не могу), а хоть отчасти, чтобы предаться великому делу приведения в порядок великого наследства и издания его *систематически*, а не урывками только отдаваться этому делу, как это делал я до сих пор. Я не телеграфирую Вам относительно прав наследников Николая Федоровича, потому что в моем письме от 17 декабря⁵, которое Вы теперь уже получили, заключается больше, чем скажет Вам моя телеграмма. Я думаю, у П. И. Бартенева найдется многое о Полтавцеве, муже Елизаветы Павловны, сестры Николая Федоровича, и о Павле Ггарине, его отце.

Теперь о письме Достоевского. Я очень рад, что оно оказалось в Румянцевском Музее, и совершенно, конечно, согласен на то, чтобы оно там навсегда и осталось, — Воронежский Музей за свою небрежность справедливо лишен этого дара⁶. Я писал Звереву несколько раз, и он ни слова мне не ответил; когда же я обратился к нему чрез свою дочь, живущую в Воронеже⁷, то он сказал, что никак разыскать письма не может, и обещал поискать письмо, когда окончатся Митрофаниевские торжества по случаю двухсотлетия со дня успения св. Митрофания⁸.

Почему это Вы пишете в письме от 11 декабря⁹, что Николаю Федоровичу 74 года. Наверно я не знаю, так как определенно Николай Федорович не говорил о своих годах, но по некоторым словам его я всегда думал, что он родился в 1824 году, что он старше Толстого на 4 года и даже с лишком, и 1824 год, кажется, год, приходящийся как раз через столетие со времени рождения Канта. Нельзя ли справиться о годе и числе его рождения в его формулярном списке, который в Румянцевском Музее, конечно, есть¹⁰. В воскресенье, 14-го декабря, когда великий усопший был уже в агонии, я начал статью о 2-х возмутивших меня легендах графа Толстого — «Царь Ассаргадон» и «Три вопроса», которые вышли теперь отдельным изданием¹¹, как недавно сообщили «Русские Ведомости». Когда я писал эту статью, 16-го декабря получил Вашу телеграмму, и статья перешла к тому, кого мы потеряли¹². Статья была закончена в субботу, 20-го декабря, и я хотел нести ее, по обыкновению, в «Асхабад», но ко мне явился редактор «Закаспийского Обозрения» и обратился с просьбой поместить свои ста-

ты в его газете. Так как «Асхабад» отказал мне в напечатании той статьи, которую я посылал затем в «Новый Путь», а потом отправил к Вам¹³, то я и нашел очень удобным поместить написанную статью в «Закаспийском Обозрении» и просил, чтобы ее поместили непременно 23 декабря в девятый день смерти Николая Федоровича. Но потом оказалось, что статья слишком велика, пришлось разделить ее на две, и я радовался, что та половина этой статьи, в которой говорится о великом усопшем, будет помещена если и не в девятый день кончины, то накануне или в самый день Рождества Христа Спасителя. Но, к величайшему моему огорчению, редакция меня обманула, и 2-я статья выйдет только 30-го декабря. Когда появится 2-ая статья, я обе Вам вышлю. Постараюсь написать для «Нового Времени», но для этого потребуется некоторое время; в «Новом Времени» я никакой заручки не имею, и позвольте послать статью через Вас. «Разоружение» я посылал чрез Евгения Маркова¹⁴, который в марте прошлого года умер. — Статью Георгиевского в «Московских Ведомостях» я по получении Вашего письма у одного знакомого нашел; «Русские Ведомости» найду; думаю, что найду и «Московский Листок» с статьею Барсова¹⁵. Кто-то мне прислал «Русский Листок», номер этой газеты от 18 декабря, в котором кратко говорится о смерти Николая Федоровича и об его погребении¹⁶.

Относительно того, что я, несмотря ни на каких наследников, буду печатать то, что у меня есть, — я пишу только для наследников; без согласия же с Вами я ничего не предприму. Говоря о том, что бумаги Николая Федоровича никакой рыночной цены иметь не могут, я забыл, что в числе их есть письмо Соловьева и Фета¹⁷, которые рыночную ценность, пожалуй, иметь могут; но неужели же из-за таких пустяков сестра Николая Федоровича потянется?!.. Та Маргарита, о которой я писал Вам в прошлом письме и о которой я не раз слышал от Николая Федоровича, не решаясь спросить его, кто она такая, — оказывается Маргаритой Яковлевною Браво (не Браве ли), и в таком случае не родственник ли ей Браве или, как он подписывался, Варб, писавший о Румянцевском Музее и несколько лет тому назад скончавшийся¹⁸, и как эта Маргарита Яковлевна приходится Николаю Федоровичу, и почему она близка Чаеву¹⁹. Все бы это интересно было узнать. Что-то смутно и не знаю от кого я слышал, что от отца у Никол<ая> Федор<овича> был какой-то капитал, который он игнорировал и которым, кажется, воспользовались его родственники. Маргарита Яковлевна должна это знать, сведения об этом могут иметь значение при характеристике, при установлении образа усопшего. Сняли ли с него фотографический портрет после смерти; если сняли, пришлите²⁰. В чем заключалось вскрытие; вскрывали ли черепную область и не замечено ли там каких-либо особенностей? Где это, в какой части

города Скорбященский монастырь? ²¹ Надо бы поставить памятник в его духе, т. е. простую каменную плиту, т. е. стол или престол, а пред ним распятие, с адамовою головою и костями, жаждущими обагрения животворящею кровию. В расходах на памятник я принял бы участие.

Покорнейше прошу засвидетельствовать мое глубокое почтение Марье Григорьевне и Анне Васильевне ²². Юлия Владимировна ²³ шлет Вам свой поклон. Какая участь постигла статью, оставленную Вами у С. М. Северова? ²⁴ Как бы хотелось иметь копию этой статьи, если она не будет напечатана. Душевно Вам преданный и глубоко благодарный Н. Петерсон.

Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ

5 января 1904. Асхабад

5-ое января 1904 г.
Асхабад

Глубокоуважаемый Владимир Александрович!

Посылаю Вам письмо ко мне Николая Федоровича от 31 мая 1902 года. Это письмо, я полагаю, может служить достаточным доказательством того, что Николай Федорович скорее мне, чем кому-либо еще, кроме Вас, конечно, поручил бы судьбу своих рукописей ²⁵. С величайшим нетерпением жду разъяснения, кто и каким образом мог явиться не моим конкурентом, а Вашим, которому рукописи переданы самим усопшим перед смертью.

Никаких *законных* наследников у него нет, которые могли бы предъявить свои права на что-либо оставшееся после него; все оставшееся после него есть имущество выморочное и, по закону, должно поступить в опеку, а затем в казну. Но рукописи в состав оставшегося после него имущества причислены быть не могут, потому что они при жизни еще были отданы Вам, отданы были в Ваше распоряжение, потому что усопший знал, что Вы распорядитесь этими рукописями так, как он сам желал бы распорядиться ими, когда его не будет; т. е. он отдал эти рукописи в Вашу собственность, если перевести его волю на общепринятый язык, хотя говорить о праве на собственность на рукописи, оставшиеся после великого усопшего, — величайшая профанация; он и сам никогда не считал себя собственником всего им выраженного, он жаждал одного, чтобы все это сделалось всеобщим достоянием, для этого он и Вам передал свои рукописи, потому что знал, что Вы никогда не обратите их в свою собственность; передавая Вам эти рукописи, он желал также несомненно, чтобы Вы защитили эти рукописи от присвоения их со стороны кого бы то ни было и сделали бы их

общим достоянием. И Вы это можете сделать, потому что получили рукописи еще при жизни усопшего в полное Ваше распоряжение, и нет никого, кто бы мог оспаривать у Вас это право, кроме казны, которая *только* имеет право на все оставшееся после него, так как после него никаких наследников не осталось, потому что он был незаконнорожденным, следовательно, у него нет родных, или — вернее — все ему *одинаково* родственники, он человек государский, и если бы у нас было истинное самодержавие, которому усопший был так предан, то он был бы первым человеком у самодержца и все им написанное было бы издано государством; теперь же надо издать все это для того, чтобы самодержец сознал, наконец, что он есть такое.

Ради Бога, ради великого усопшего, ради всеобщего спасения, не уступайте никому Ваших прав, не губите дела; себя я отдаю в полное Ваше распоряжение на дело издания всего оставшегося после усопшего. Но если бы Вы вздумали передать право распоряжения оставшимися рукописями кому-либо другому, то пусть этот другой знает, что у меня есть второй экземпляр всего, написанного великим усопшим до половины сентября прошлого 1902 года, и я, не стесняясь никакими правами, все это напечатаю так, как найду это наилучшим в видах обращения великого наследства во всеобщее достояние. Прошу засвидетельствовать мое глубокое почтение Марье Григорьевне и Анне Васильевне. Юлия Владимировна Вам низко кланяется. Всею душой Вам преданный, Н. Петерсон.

Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ

13 января 1904. Асхабад

13 января 1904 г.
Асхабад.

Глубокоуважаемый Владимир Александрович!

Когда я писал Вам 6-го января, 25-а то думал, что у Вас оспаривают право на издание родственники Николая Федоровича, считающие себя его наследниками, и потому позволил себе сказать, что имею второй экземпляр всего написанного великим усопшим и не посмотрю ни на чьи права, а буду печатать и издавать оставшееся после него, чтобы сделать все написанное им всеобщим достоянием. Теперь, когда дело разъяснилось и оказывается, что никто прав Ваших не оспаривает, а Вы сами приглашаете людей, близких Николаю Федоровичу, обсудить, как лучше поступить с оставшимися после него рукописями, я считаю своим долгом отказаться от участия в этом обсуждении; мне не позволяют участвовать

в этом обсуждении те чувства, которые питал ко мне Николай Федорович со времени отъезда моего 14 сентября 1902 года из Москвы²⁶. Это, впрочем, не значит, чтобы я отказался от дела, которому служил и при жизни Николая Федоровича, служил, поступая иногда вопреки его воли и желания, но с единственной целью, чтобы сделать его известным, заставить его объявить себя; так без его согласия я писал Достоевскому, в ответ на что получил письмо его, чудесным образом попавшее теперь в Румянцевский Музей; без его ведома отправил в «Новое Время» и статью «Разоружение»²⁷; таким же образом явилось почти все печатавшееся в «Дону»²⁸ и проч. Но теперь, когда он скончался, делать этого не предстоит надобности, и все дело мое будет заключаться в том, чтобы все, что у меня осталось от него, привести в совершенный порядок и переписать так, как следовало бы это напечатать; приведу в такой же порядок и перепишу все, что Вы найдете нужным поручить мне из оставленного им Вам, и как свое, так и Ваше пришлю Вам на Ваше распоряжение, или же, если Вы поручите мне, напечатаю здесь в Асхабаде, или же в другом городе, где буду жить. При этом не могу не сказать, что особая забота о красоте, не говоря уже о роскоши издания, прямо противоречила бы желанию Николая Федоровича, — он не раз говорил, что если печатать, то печатать на грубой, но прочной бумаге, отчетливым, конечно, шрифтом, но без всяких затей; прочную и даже хорошую бумагу можно приобрести и для напечатания в Асхабадской типографии, шрифт здесь тоже может быть найден хороший; здесь три типографии и одна из них, работающая на железную дорогу и издающая «Закаспийское Обозрение», типография Федорова, действует паровую силою и никак не может быть названа плохой. Не могу не сказать и того, что поручать редактирование тем, которые считают Н. Ф-ча атеистом и Бога, Христа, Троицу — несущественными лишь привесками в его учении²⁹, это значит отдавать его учение на величайшее искажение, на обращение его в величайшее нечестие, потому что в учении о Боге-[Отце], Христе и Св. Духе, вообще в учении о Св. Троице вся суть учения Ник. Ф-ча; он истинно и настоящим образом верил во Христа, в Его воскресение, для него Христос был воскресший и воскреситель, он возмущался, когда смотрели на Христа только как на учителя нравственности, он видел в этом величайшее нечестие, он верил в чудеса и смеялся над Толстым, который хотел объяснить чудо с пятью хлебами тем, что все присутствовавшие, имевшие какие-либо запасы, последовали примеру Христа, разделившего нашедшиеся пять хлебов, и разделили с бывшими около них свои запасы, и таким образом, без всякого будто бы чуда были насыщены пять тысяч человек. Он осуждал митрополита Филарета за то, что он не поехал на открытие мощей Тихона Задонского, и назвал его даже за это протестантом; а протестант в устах Н. Ф-ча было очень

плохое слово; я помню, как ему понравилось, когда служитель в одной из купален г. Воронежа выразился про тех, которые устраивают увеселения с музыкою под большие праздники, когда у Митрофания совершается всенощная: «это — хуже протестантов»; после этого Ник<олай> Ф<едоро>вич часто употреблял — «это хуже протестантов». Вот все, что я считаю нужным сказать по поводу издания оставшихся после Николая Федоровича рукописей, и говорю это исключительно Вам, участвовать же в обсуждении этого вопроса с теми, которых Вы считаете нужным собрать, не считаю себя вправе в силу того неудовольствия, которое питал ко мне Николай Федорович в последнее время; не дает мне права на участие в обсуждении и посланное Вам 6 января письмо, потому что восстановившиеся было добрые ко мне чувства вновь были порваны, и это случилось 14 сентября, т. е. несколько месяцев спустя после написания письма. Прошу сообщить, что стало со статьею, которую Вы возили в Петербург, и если можно — прислать мне копию этой статьи³⁰. Статью для «Нового Времени» постараюсь написать, она будет заключаться в моих воспоминаниях о Ник. Федоровиче. Другого ничего не могу придумать. Письмо Георгиевскому³¹ прилагаю.

Юлия Влад<имировна> Вам кланяется. Прошу засвидетельствовать мое глубокое почтение Марии Григорьевне и Анне Васильевне. Всею душою Вам преданный и благодарный Н. Петерсон.

Все, что Вы сделаете, будет хорошо, за это мне ручается Ваше письмо от 5 января, которое с величайшим сожалением во исполнение Вашего распоряжения сжигаю. Оно сожжено.

Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ

21 июля 1904. Коккоз

Глубокоуважаемый Владимир Александрович!

Я не сомневаюсь, что три детских впечатления относятся, т. е. испытаны самим Н-м Ф-чем³². О черном хлебе он и мне говорил не раз; я помню даже, что видел он этот хлеб в барской усадьбе, где жил с матерью, а м<ожет> б<ыть>, и не с матерью, этого хорошо не помню, но усадьба эта была в Елатомском уезде, куда ездил между прочим к ним Керенский помещик Тутолмин Алексей Андреевич. Тутолмин был довольно мелкопоместный, имел тарантас, в котором жил, можно сказать, тройку лошадей, играл в карты и, кажется, был шулер, и разъезжал подобно Чичикову по помещикам на огромное пространство вокруг своего имени дер. Крутовки в Керенском уезде, которое получил от помещика — генерала Поливанова, выдавшего за него свою воспитанницу, по всей вероятности дочь. Поливанов был тоже известен Н-ю Ф-чу в дет-

стве. Н-лай Ф-ч вспомнил это, встретив у меня сына этого Тутолмина, Сергея Алексеевича, бывшего в Керенске сначала членом Земской управы, мировым судьей и затем земским начальником. А если черный хлеб произвел впечатление именно на Н-я Ф-ча, то, несомненно, и другие впечатления испытаны им же. Я, по крайней мере, нисколько в этом не сомневаюсь.

Что касается совета Юрия Петровича³³, то возможно печатать и в Москве, если только Вас не стеснит корректура, причем корректура второго и следующих томов не будет труднее первого, потому что и для второго тома я доставлю Вам все отремингтонированное так же, как «Супраморализм» и статья об обыденных храмах³⁴. Однако же окончательно решать этот вопрос подождем, быть может, в Верном окажется хорошая типография и печатание там будет не дороже московского; цензура же имеет оправдание для снисходительности в том, что печатается не для продажи, а для рассылки в учреждения и к лицам, которых не совратишь, и притом в ограниченном количестве экземпляров; хотя мне жаль, что в 400, а не в 600 экземплярах; ведь это как будто прямо рассчитывать, что произведения Н-лая Ф-ча не произведут впечатления. <...>

Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ

15 августа 1904. Верный

15 августа 1904 г.
г. Верный

Глубокоуважаемый Владимир Александрович! 10-го августа мы добрались до Верного вполне благополучно³⁵, но до сих пор живем в номерах, потому что занятая нами квартира приводится в порядок и будет готова к 18-му августа. Все местное здесь поразительно дешево, кроме квартир, впрочем, и дров, а привозное не слишком дороже асхабадского. Весь город в зелени, жизнь проста, и все это делает из него скорее большую деревню, чем город. Мы пока довольны и нисколько не разочарованы в наших ожиданиях. Одно дурно: почти тотчас по приезде, а именно 1-го сентября, мне приходится уехать из Верного с выездной сессией Суда тысячи за полторы верст на границу с Семипалатинской областью и Китаем, и возвращусь я из этой поездки лишь во второй половине октября; это обстоятельство отдаляет приступ к тому делу, которое я считаю единым на потребу. Во всяком случае, я зашел в единственную здесь типографию Областную, и там сказали мне, что будут рады заказу, и для примера дали несколько страниц печатаемого ими отчета съезда ветеринарных врачей, за *напечатание*

такого листа (т. е. 16 страниц) назначают цену в 12 рублей, а за бумагу — по стоимости бумаги, можем мы и сами доставить бумагу, какую захотим. — Я не имею понятия, дорого или дешево они назначают за печатание, потому что не знаю цен на бумагу, — если бы бумага пришла сюда рублей за восемь, то 480 экземпляров в 20 листов стоили бы рублей четыреста; впрочем, это без брошюровки и без обложек. Во всяком случае, зная стоимость напечатания здесь, Вам легко решить, где выгоднее печатать, в Верном или в Москве. Одну страницу из данного мне здешней типографией образца при сем прилагаю. Кроме шрифта, которым напечатан прилагаемый образец, здесь есть и другие шрифты, есть и шрифт, подобный шрифту, которым печатается «Русский Архив». Прилагаю еще отрезок печатаемых здесь ежедневно телеграмм.

Какая жалость, что Николай Федорович не проехал по дороге от Ташкента до Верного и не видал Чимкента, Аулье-Ата, Пишпека и самого Верного, а также гор, тянущихся по дороге с Южной стороны от самого Чимкента с снежными вершинами, и поселений, встречающихся на пути, как бы сильно и хорошо вышло у него описание этого пути. Горы здешние гораздо грандиознее асхабадских, напомнивших Н-лаю Ф-чу стихотворение, в котором говорится, что они прихотливы, *как мечты*³⁶. Я не знаю, чье это стихотворение, не помню и самого стихотворения, Вы, вероятно, знаете его, и я бы очень был Вам благодарен, если бы Вы указали, где я могу найти это стихотворение. Когда Вы въезжаете в здешние города и большую часть селений, Вам кажется, что Вы едете по широкой лесной просеке, постройки же — и в городах низкие, — скрываются за деревьями громадной величины, с которыми нельзя сравнить жалкую растительность Асхабада, хотя и здесь вся растительность сажена и поливная, только на горах и близ Верного встречается самостенная лесная поросль. Селения сартовские, киргизские и таранчинские — вообще народов степных, восточных — отличаются от русских тем, что постройки их не прячутся за деревьями, а выступают вперед, на улицу, и у каждого дома имеется навес, а под навесом прилавок, или тахта, на которой стоит самовар и принадлежности чаепития, или же разложены товары и сидит хозяин; вообще селения восточных людей представляют собою как бы сплошной, громадный базар или ярмарку, на которой идет постоянный торг, хотя и не всегда бойкий. Селения здесь не частые, но зато громадные, многие тянутся на пять и более верст; но в этих больших селах церковки небольшие, иные недурны, но есть и в высшей степени жалкие, с маленькими колоколами; и сам Верный не имеет хорошего звона, больших колоколов; впрочем, я познакомился здесь еще с тремя пока церквями — Крестовой, Покровской и Софийской, — но если бы где-либо были хорошие колокола, это было бы слышно сегодня, в такой большой праздник, как Успение. По

сторонам дороги часто встречаются четверугольные пространства, обнесенные глиняными стенами с отверстием для входа с одной стороны, обыкновенно со стороны дороги, в этих огороженных местах видны холмики — это семейные кладбища киргизов, которые везут на эти свои кладбища своих покойников, где бы они ни умерли. Иногда вместо загоронок устроено нечто вроде мавзолеев с вычурными украшениями; иногда стены, окружающие кладбища, ажурные, прозрачные, а иногда встречаются и просто холмики без всякой загороди, вроде холмиков, устроенных в Аулиетанском уезде по всему протяжению дороги, верст на 300 или больше, по северной стороне дороги, вместо вёшек, которые ставят в Европейской России зимою по дорогам на случай метелей. Страна здесь видимо изобилует всем, белый хлеб стоит $2\frac{1}{2}$ коп<ейки> фунт, мясо 5 коп<еек> и дешевле, арбузы и дыни покупаются возами, воз можно купить за рубль, цыплята такие большие, что трех было достаточно на нас восьмерых, в числе которой самой маленькой 11 лет, остальные в таком возрасте, когда аппетит особенно силен, — такие цыплята пара стоит 25 копеек; есть цыплята и по 15-ти коп<еек> пара. Везде видишь громадные стада гусей и уток, которые видимо благоденствуют, не обращая внимания на исчезновение сотоварищей, а утром поднимается пение пегухов в такое множество голосов, что я, право, ничего подобного в других местах не слышал. Дешевизна до того доходит, что получающие не более 70 руб<лей> в месяц имеют по лошади и по корове, иметь лошадь считается здесь не роскошью, а крайнею необходимостью, потому что извозчики здесь, хотя и есть, но они выезжают, как говорят, лишь тогда, когда сухо, а как грязь, они не выезжают; а грязь здесь по временам бывает и, говорят, весьма сильная. Вот пока все, что могу сказать Вам о новом моем месте жительства. <...>

Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ

27 октября 1904. Верный

<...> По ремингтонированию дела здесь плохи. Я хотел, как в Асхабаде, воспользоваться машиною Суда, но оказалось, что сознание права собственности здесь несравненно живее, чем в Асхабаде, и мне пришлось отказаться от пользования казенною машиною для дела пока еще частного; поэтому я приобрел машину подержанную, которая требовала некоторого исправления. Доставлена была эта машина без меня и некоторое время работала, но затем стала плохо работать, и когда я возвратился 17-го октября из полуторамесячной служебной поездки (в которую отправился 2-го сентября), машина не работала и до сих пор я не могу добиться-

ся исправления машины; и уже решил, если машина не будет исправлена сегодня, то возвратить ее хозяину и приобрести другую, более новую и совершенно исправную, но зато более дорогую; эта стоила 100 рублей, а за новую, боюсь, что придется заплатить рублей двести; эту купил в рассрочку, а за ту, боюсь, как бы не потребовали деньги вдруг; а я весьма оскудел, потому что пришлось переехать на собственный счет, т. е. сделать заем, взять третное вперед; ни прогонов, ни пособия до сих пор не дали, да по всей вероятности и не дадут, по случаю войны. Хорошо, что здесь все дешево, так что нам кажется, что все дают нам даром. Несмотря на дешевизну, расширять нашу жизнь против асхабадской мы не думаем, и потому надеемся года в два, три совсем поправиться. Все здесь имеют сбережения, хотя и живут как помещики, имея по две и по три лошади. Мы лошадей иметь не думаем.

Не могу не сообщить Вам, что мои дочери, ремингтонируя — одна «Собор», а другая «О соединении церквей» начали понимать, что они ремингтонируют нечто особенное и великое, начали сознательнее относиться и к тому, что ими приобретено в Гимназии. А путешествуя по области в соупутствии молодого Товарища Прокурора и занимаясь в свободное время перечитыванием того, что должно быть ремингтонируемо для первого тома, я не удержался и познакомил его с учением Николая Федоровича и дал прочитать «Ответ на вопрос “Что такое Россия?”» и «Самодержавие»; и это произвело на молодого человека сильное впечатление, он просит познакомить его со всем, с чем возможно из произведений Николая Федоровича³⁷. Молодой Товарищ Прокурора — из Западного края, из духовного сословия, брат его священник, человек искренно верующий, и братья друг друга очень любят, хотя Тов<арищ> Прокурора, по фамилии Войцеховский, к религии относится, как и вся интеллигенция, отрицательно. <...>

Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ

9 декабря 1904. Верный

<...> Относительно заглавия я согласен с Вами — нельзя озглавить *Труды*, это ничего не выражает, но и *Философия дела* мне не по душе, едва ли по душе было бы это название и Н. Ф-чу, для него было важно самое *дело*, а не философия, не любомудрие, не любовь лишь к мудрости, что-то бездеятельное, платоническое, а сама *мудрость*, побуждающая к делу. А потому не лучше ли озглавить так: «*Призыв к делу — к общему и единому делу всех людей*, всего рода человеческого в его совокупности!» Это заглавие длинно, но и сам Н-лай Ф-ч делал всегда длинные заглавия, рекламы в этом заглавии, я думаю, найти нельзя, и оно, мне кажется-

ся, будет вполне соответствовать всему, что напечатается под этим заглавием. А затем, пониже этого заглавия, нужно напечатать — «Мысли, статьи, отрывки и письма Н. Ф. Федорова». Это, по-моему, будет хорошо, и я очень буду рад, если Вы согласитесь на это заглавие.

Очень буду рад прочитать в Вашей статье изложение того, как представлял себе Н-лай Ф-ч самый процесс воскрешения, физические и физиологические условия этого процесса, — все это мне знакомо, но еще раз прочитать это, обновить все это в своей памяти, очень хочется. Бояться соблазна в этом случае не следует, — кто вчитается и вдумается в излагаемое, поймет, что иначе это и быть не может. И каким это образом Вы можете испортить дело, как это надеется Черногоубов, и чем Вы его можете испортить. Понять этого я решительно не могу. Пришлю Вам исторический очерк, только перечитав его и проремингтонировав, пришлю как подлинник, так и копию, снятую ремингтоном. Исторический очерк не имеет заглавия, он обнимает, собственно, всю историю с точки зрения учения Н-лая Ф-ча, по мнению которого — история есть воскрешение, совершающееся до сих пор бессознательно, а потому и медленно с задержками и частыми попятными движениями... <...>

Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ

29 января 1905. Пржевальск

Глубокоуважаемый
Владимир Александрович!

В дополнение моему письму, несколько дней тому назад отправленному из Верного, считаю необходимым сказать, что здешняя, т. е. Верненская типография обладает очень небольшими средствами и на такую работу, как печатание произведений Н-я Ф-ча, она смотрит как на приватную работу, которую будет исполнять лишь тогда, когда у нее останутся силы и время от работы обязательной; поэтому печатание будет продолжаться очень долго и первый том выйдет не ранее, как к концу года. Поэтому я думаю, что первый том надо во всяком случае печатать в Москве, а остальные, если дозволит цензура, можно печатать и в Верном. Первый том хотелось бы иметь поскорее, потому что теперь настает, как мне кажется, то время, когда необходимо сделать всеобщезвестным то, что говорил Н-лай Федорович. <...> Если бы мир был заключен³⁸, то нужно стараться, чтобы это было не перемирие, а настоящий мир, в видах этого и нужно поскорее издать 1-й том. Рассылая его в публичные библиотеки и разные просветительные учреждения, необходимо будет послать по экземпляру Леруа-Болье, Масперо, Стэду и

Лонгу³⁹, кому-нибудь из немцев, знающих русский язык, американцам и, конечно, в главные национальные книгохранилища французов, немцев, англичан и американцев; но главнее всего необходимо послать несколько экземпляров в Японию, нельзя ли через преосвященного Николая, хорошо бы было послать тому японцу, который подарил Н-лаю Ф-чу свою карточку, карточка эта должна быть у Вас⁴⁰. Кроме того, на первой странице надо напечатать не только о том, что произведения великого человека издаются для продажи, но также и о том, что предоставляется пользоваться этими произведениями всем и каждому, как кто найдет это наилучшим, каждый может делать всякие извлечения и перепечатки, в каком угодно размере, переводить на иностранные языки, даже выпустить эти произведения новым изданием, так как произведения эти составляют собственность всех и никого в особенности. Вы говорите — кто послушает. Нет, найдется много людей, которые захотят послушать. Между прочим, я хотел обратить ваше внимание на статьи Розанова в «Новом Времени» от 4 и 5 января (№№ 10363 и 10364-й, особенно последний) под заглавием «В мире нашего сектантства»; в этих статьях много кривлянья, как и всегда у Розанова, но нечто есть и верное в разъяснениях того, что говорил хлыстовский христос⁴¹; у Н-лая Ф-ча тоже говорится <...> что Евангелие — книга неоконченная, которая требует постоянных дополнений. Нечто подобное проглядывает и в словах Розанова, которому, мне кажется, тоже нужно будет послать один экземпляр. Если читают Розанова и ему подобных, которые чувствуют необходимость высшего, но у них все это мутно и смутно, как же не прочтут то, что дает великое, озаренное таким чудным светом, в чем нет ничего ни мутного, ни смутного. Но чтобы понять, надо быть, конечно, внимательным и уметь последовательно мыслить. Неужели же не найдется таких?.. <...>

Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ

19 февраля 1905. Верный

19 февраля 1905 года

Глубокоуважаемый Владимир Александрович!

Вы напрасно меня подозреваете, что в тайниках души своей я Вас осуждаю за то, что Вы так долго не раскрываете учения Н-лая Ф-ча вполне. Слишком велики предрассудки, которые следует побороть, чтобы учение Н-лая Ф-ча явилось не противоречием учению Христа, а лишь полным его раскрытием. Хотя бы учение о Страшном Суде, как его понимают обыкновенно, и по представлению Н-лая Ф-ча, — как наказание за уклонение от заповеди Христа не отдельными лицами, а всем родом человеческим. Ведь

это значит не понимать Христа, если думать, что каждый отдельный человек может достигнуть меры возраста Христова (Посл. Ефес. IV, 13); если бы это возможно было, то зачем же церковь, зачем всеобщее объединение и проч. Обратите внимание в «Собо-ре» на то место, где говорится о Католицизме как о религии ужаса, о том чувстве, которое испытывал Лютер ко Христу⁴². И я помню, что в детстве, когда только что начал учиться краткому катехизису, на меня тоже напал страх, ужас от предстоящей участи в загробной жизни; никакой возможности избежать ада мне не представлялось, и я сожалел, что родился на свет, что смерть не прекращает существования. И это все я испытал в самом раннем детстве, когда мне не было еще и десяти лет.

Обратите также внимание на те места, где говорится, что названия, даваемые Богу, — Господин, Владыка, осуждались некоторыми отцами церкви (не помню, в «Соборе» это или в «Историческом очерке»⁴³); Бог нам не Господин и не Владыка, а Отец, Который воспитывает нас, чтобы довести до Себя, в меру возраста Христова, и можно ли Отцу приписать мысль оставить своих детей в вечном несовершеннолетии?! Сделать же людей совершеннолетними возможно, лишь дав им участие в деле всеобщего воскресения, сделав их воскресителями, и тогда только они и достигнут меры возраста Христова. И почему Бог при воскресении будет действовать на силы природы непосредственно, а не чрез человека? Разве человек менее этого достоин, чем слепые силы природы? А между тем в 1-м посл<ании> Коринф<янам> XV, 21 говорится: «человеком смерть бысть и человеком воскресение мертвых»⁴⁴. Человек будет недостоин участвовать в деле воскресения мертвых в том лишь случае, если окажет полное упорство Божественному водительству и предпочтет совершеннолетию, достижению меры возраста Христова, игрушки и забавы, которыми он теперь развлекается. Тогда страшный Суд для виновных в упорстве и полурайское состояние для тех, которые противодействовали этому упорству и не в силах были побороть его.

Обратите внимание на примечания и к «Собору», и к «Историческому очерку». Там есть много удивительного — между прочим, там говорится, что языческие религии суть религии *народные* (языческие), а христианство есть религия *всенародная*, объединяющая все народные религии, которые не могут быть названы ложными, а лишь неполными; говорится о поминовении умерших как *общем* всех религий, которое и может примирить все религии (это по поводу создания Шенаваром эклектического жертвенника⁴⁵); говорится о Христианстве как примиряющем все противоречия, как посреднике разделившихся, как посреднике между иудейством и язычеством. Христос приходил ради этого объединения, ради объединения иудейства и язычества, которые и объедини-

лись, но лишь для того, чтобы распять Христа. Если всеобщее воскресение не последовало немедленно за воскресением Христа, то, конечно, для того, чтобы соединение язычества и иудейства состоялось уже для осуществления христианства на деле, в жизни. Если христианство или Царство Божие лишь *внутри* каждого, а не *среди* (au milieu), как это по французскому переводу, — людей, то зачем же наука, искусство, и каким образом мы можем предать себя, друг друга и всю жизнь нашу Христу, Богу нашему? Только создавая сами Царство Божие, и не внутри лишь нас, — что и невозможно без внешнего устройства, — а и вне, нам нужны и наука, и искусство, и тогда только мы всецело можем предаться Христу. <...>

Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ

27 марта 1905. Верный

<...> Отправившись в 1-ю сессионную поездку (в сентябре), я захватил с собою бумаги Н-я Ф-ча, чтобы подготовить их к печати; с нами был Товарищ Прокурора, довольно молодой еще человек, — он заинтересовался моими занятиями, я ему кое-что прочитал, ему, как он говорил, понравилось мировоззрение Н. Ф-ча, и он мне сказал, что брат его, ныне умерший, был священником в Западном крае и сам он принимал всегда участие в богослужении, и как ему было больно, когда приехавшие к нему товарищи студенты смеялись над тем, что для брата его было свято... Это нас сблизило, и я много с ним говорил и уже считал своим, как декабрьские события так его взбудоражили, что я должен был прекратить с ним всякие разговоры...

Вы пишете, что я исхожу из того убеждения, что истина учения Н-я Ф-ча имеет самодовлеющую силу и самодостаточную доказательность, а потому считаю достаточным простое изложение этого учения... Несомненно я признаю в учении самодовлеющую силу и самодостаточную доказательность, но, увы, люди нашего времени лишены органов, посредством которых истина могла бы дойти до их мысли и до их сердца, — в этом я слишком убедился множеством примеров; поэтому нужно что-нибудь слишком поразительное, чтобы разбудить людей нашего времени от их спячки; того, что совершается, еще недостаточно; надобно, чтобы война всех коснулась, чтобы всякие внешние кредиты были для нас закрыты, чтобы государственная служба стала действительной службою, а не синекурою, как она ныне есть; вот тогда, быть может, раскроются наши глаза и наши сердца; нужно прекратить усиленные оклады находящимся на войне офицерам, которые они пропивают и проиг-

рывают, а это отвлекает их от действительной службы (незадолго до Мукденского погрома один верненский (т. е. житель Верного) офицер в землянке на передовой позиции был убит японским снарядом за картами, три его партнера тяжело ранены), — может быть, и совсем надо прекратить всякие оклады, потому что на войне им все содержание доставляется казною, остается только заботиться об их семействах и еще об их будущем, когда они воротятся с войны. Но мы не можем, конечно, ожидать, когда сами события разбудят спящих, а потому я считаю своим долгом с осени устроить у себя дома школу с помощью моих дочерей, а может быть, и сына, который в нынешнем году кончает курс гимназии, — школу, в которой обучение было бы соединено, по возможности, с исследованием местности, школу с вышкою для изучения небесных явлений, с метеорологическою станциею; в устройстве этой школы я надеюсь на Вашу помощь, заключающуюся в указании пособий для определения растений, насекомых, руководств для производства ботанических и зоологических экскурсий; в особенности не можете ли Вы мне помочь указанием руководства для геологических исследований — здесь это особенно важно: снеговые горы от нас всего в пяти-шести верстах. Сделайте милость, не откажите помочь в этом; живя в Москве, Вам легко это сделать. <...>

Очень рад пробуждающемуся интересу к Н<икола>ю Ф-чу и его произведениям и очень был рад узнать, что Басаргин — это профессор Введенский; очень благодарен за присланную Вами его статью⁴⁶; но я здесь нашел один экземпляр «Московск<их> Вед<омостей>» и прочитал эту статью раньше <...>.

Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ

Август 1905. Верный

<...> Спешу ответить на письмо Ваше от 12 июля, полученное вчера, и послать Вам то, что, по мнению моему, отвечает на смущающий Вас вопрос, — как возможно «восстановление давно рассеянного составного материала, сочетавшегося некогда в живой организм». Впрочем, мне кажется, Вы все это найдете и в отремингтонированном уже и посланном Вам для напечатания, найдете в той части Впроса о небратстве, которая начинается словами: «Воскрешение, как акт совершающийся, объединяет... верующих и неверующих, или сомневающихся» и проч.⁴⁷ Прочтите все прилагаемые при сем листы почтовой бумаги, весьма уже ветхие, а потом и листик простой бумаги; когда прочтете, я уверен, Ваше недоумение будет рассеяно. <...>

В. А. КОЖЕВНИКОВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ

18—23 февраля 1906. Москва

Москва. 18 ф<евраля> 1906

Глубокоуважаемый Николай Павлович!

Третьего дня был очень обрадован получением первых листов 1-го тома⁴⁸. Слава Богу! Есть надежда на осуществление великого дела напечатания трудов великого Учителя! Опечатка на 1-й странице, да еще в заглавии, чрезвычайно досадна. Придется заклеймить лентою, но только, чтобы уже все это заглавие было на ленте, а не одни ошибочные слова. Надо постараться, чтобы наклейка вышла опрятно и аккуратно. Или, быть может, перепечатать 2 первых страницы? Посмотрите, как выйдет с лентою: если очень безобразно, лучше уж перепечатать 2 первых страницы и вклеить их; не думаю, чтобы это составило большую возню и большой расход. А может быть, сойдет и лента? Вам виднее!.. Вообще же печать недурна, только краска бледна; бумага достаточно бела. В итоге будет неплохо. Не нравится мне только жирный шрифт вместо курсива.

Требуемые Вами рукописи⁴⁹ вскорости вышлю ценной посылкой, хотя, не скрою, отсутствие их очень стеснит и затруднит мою работу⁵⁰. Вы, вероятно, удивитесь, как она медленно подвигается; но ответ на это один: проклятая политика берет все время, так что уже и спать почти некогда. В январском №-ре «Архива» напечатана моя статья⁵¹, которая Вам едва ли понравится или которую, вернее, Вы сочтете ненужною, в чем я позволю себе разойтись во мнении. На здешних же читателей, в особенности на Д. А. Хомякова⁵², она произвела самое хорошее впечатление. В февральской книжке напечатана другая статья, очень важная⁵³; только что вышел № и лишь завтра услышу отзывы об этой статье. (Сегодня комплименты Н-ю Ф-чу и мне за компанию говорил Шарапов!⁵⁴) Обе статьи на днях вышлю Вам. <...>

Чрезвычайно обязан Вам за указание на письмо Соловьева в 79 №-е «Вопросов»⁵⁵. Это документ первостепенной важности, вполне удостоверяющий, что Соловьев принимал учение Н. Ф-ча о воскресении и только не имел смелости исповедывать его открыто. Я на днях пойду к Ивакину⁵⁶ и буду просить его узнать от Толстого, когда и по какому случаю писано было это замечательное письмо. Для моей работы оно прямо неоцененно!

Статьи из «Нов<ого> Времени» выписал из Питера; здесь невозможно достать.

Я очень счастлив тем, что интерес к Великому Старцу растет и читавшие о нем иначе уже не говорят о нем, как с удивлением и благоговением, и не постигают, как могла такая сила оставаться

потаенно столь долгое время. Но ведь пока статьи еще не доходили до завзятых философов (кроме Введенского). Коварный Петр Ив<анович>⁵⁷ присылает мне так мало оттисков, что многим я не могу послать. Это жаль!

Спасибо Вам за труды по печатанию и корректуре! Очень прошу все напечатанное высылать мне немедленно; мне это необходимо. Читатели высказывают пожелание, чтобы мои статьи были закончены до выпуска подлинных сочинений Н. Ф-ча, но теперь-то именно и затруднено писание статей, частью политикою, а частью — отсылкою рукописей: приходится переделывать указатели и т. д. Ко времени заканчивания 1-го тома надо будет условиться о его выпуске в свет и о предисловии к нему. Я стоял бы за предисловие довольно краткое, предполагая, что при 1-м томе главным читателям будет разослана и моя книга. <...>

23 февраля 1906

Заканчиваю письмо через несколько дней. Причина — цензурный вопрос и переписка посылаемых статей. Я должен был сделать множество выписок из «Супраморализма» и «Оглавления» для себя. Затем давал Юрию П<етрови>чу⁵⁸ процензурировать эти статьи и «Самодержавие». Теперь все готово, и я Вам все это посылаю. <...> Вас же убедительно прошу высылать все печатаемое по частям, не дожидаясь окончания; это меня значительно облегчит в работе. Впрочем, до Пасхи едва ли найдется для нее время: надо все время отдавать предвыборным занятиям, приготовлению к Съезду⁵⁹ и составлению записки по аграр<ному> вопросу: как ни противно все это, а уклониться невозможно. <...>

Относительно последней статьи о Н. Ф-че, не ради хвастовства, а из чувства радости о растущей известности нашего Учителя, сообщаю Вам следующий отрывок из письма Дм<итрия> Алекс<еевича> Хомякова⁶⁰: «Ваша последняя статья прямо удивительна. В Вашем изложении “Федоровский Гнозис” оставляет в душе и уме чарующий осадок, так что хочется сугубо помолиться за душу человека, столь глубоко переживавшего свои мысли в то время, когда у людей вообще умственные вопросы почти ничего не имеют общего с задушевностью. Федоров, конечно, более чем крупная величина. Как мелок сравнительно с ним В. Соловьев! И конечно, большим для Вас утешением должно быть то, что Вам удалось вставить такую “величину” в соответствующую рамку. Ведь рамка к Дюреровской “Троице” сама представляет предмет художественного чествования!» и т. д.

Другой господин, фамилию коего я не успел запомнить, выразился так, что он не иначе как «со священным трепетом следит за развитием учения Н. Ф-ча и только одним смущается — вполне ли оно согласимо с христианскими взглядами?» Интересно знать,

какое он вынес впечатление из ответа на это сомнение в последней статье? — Хотелось бы дать статьи Л. Тихомирову⁶¹, который при знакомстве с ним оказался очень вдумчивым человеком, и проф. Лопатину⁶²; но нет оттисков некоторых статей. — О получении посланных рукописей прошу Вас меня уведомить. Еще раз всего лучшего Вам желаю, Юлии Владимировне и сыновьям Вашим.

Преданный Вам В. Кожевников.

P. S. Будьте добры еще раз посмотреть «Супраморализм» (а пожалуй, и «Оглавление»), прежде чем отдавать в печать: есть немало описок, а кое-где и неясности в изложении.

В. А. КОЖЕВНИКОВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ

20 апреля 1906. Москва

<...> Вы спрашиваете про отзыв Дм<итрия> Алексеевича Хомякова? Вот отрывок из него: «Ваша последняя статья прямо удивительна. Вы сумели так поднести читателю Федоровский гнозис, что при всей трудности его по-христиански переварить, он все же оставляет в душе и уме чарующий осадок, который делает то, что сугубо хочется помолиться за душу человека, так глубоко переживавшего свои мысли, в те времена, когда у людей вообще умственные вопросы почти ничего не имеют общего с задушевностью. Федоров, конечно, более чем крупная величина (как мелок сравнительно В. Соловьев!), и, конечно, большое для Вас утешение должно быть, что Вам удалось вставить эту “величину” в соответствующую рамку». Две статьи Введенского (Басаргина), также сочувственные, я Вам посылаю⁶³. Лично проф. Введенский говорил мне, что он, знакомясь с мышлением Н. Ф-ча, перепроверял свои философские убеждения и дивится глубине и самобытности этого гениального ума. Теперь у меня много новых знакомых здесь и в Петербурге, и я их знакомя с учением Н. Ф-ча (на съезде был и Энгельгардт, но он так несимпатично тщеславен, что я не стал ему напоминать о давней переписке по поводу Н. Ф-ча⁶⁴). Дальнейшие отзывы буду сообщать. <...>

Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ

25 октября 1906. Верный

<...> Письмо Ваше от 9-го октября так же меня обрадовало, как огорчало Ваше молчание; я пишу Вам обширные письма, хотелось бы еще многое сказать, а Вы не находите времени и желания побеседовать со мною. Меня стала глотать даже ревность к Вашим но-

вым друзьями, увлекающим Вас в политику, которая кроме огорчения ничего не может дать. Между прочим, Вы ничего не написали мне даже по поводу письма Розанова, которое отправил к Вам еще на Пасху⁶⁵; не помню даже, чтобы Вы извещали меня о получении его. Впрочем, в письме этом ничего интересного нет, Розанов мне представляется каким-то развинченным существом. Ваше письмо от 9-го получил 22-го, и в тот же день отправился к заведующему типографиию, чтобы попросить его напечатать обложку и дать еще один экземпляр книги; и заведующий предложил мне приготовить два экземпляра в том виде, какими они будут совсем готовыми, только в этих экземплярах вместо Вашего предисловия будут пустые листы. Вчера один экземпляр я Вам уже отправил, не успев сделать в нем исправлений важнейших опечаток, а потому г-ну Владимиру Миронову лучше было бы послать тот Ваш экземпляр, который посылался Вам по мере выхода. Я, с своей стороны, разошлю книгу весьма немногим — первоприсутствующему в Гражд<анском> Кассац<ионном> Д<епартаменте> Прав<ительствующего> Сената, знакомому мне лично по Пензе, где он был Председ<ателем> Окр<ужного> Суда, Н. Н. Мясоедову с тем, чтобы он познакомил с этой книгой и сенатора Кони, Логвинову, бывшему Керенскому Предводителю дворянства, который, познакомившись отчасти с произведением Н-лая Ф-ча и будучи чрезвычайно скупым, полагавшим всю душу свою в имение свое при с. Шеине, — сказал — «ах, если бы это так, тогда Бог с ним и с Шеином»⁶⁶. Пошлю 1 экз. Денисенке⁶⁷ — Председателю Д<епартамент>та Новочеркасской Судебной Палаты, женатому на родной племяннице Л. Н. Толстого; 1 экз. Телятникову — тов. Прокурора Киевского Округного Суда, брату своему — Григ<орию> Павловичу⁶⁸, еще, быть может, человекам двум-трем, в том числе и здешнему архиерею — Димитрию, большому поклоннику Антония Волынского⁶⁹; разобрать нашего архиерея я до сих пор, впрочем, еще не мог, хотя и был у него раз пять. Всего для меня нужно будет экземпляров 10—12. <...>

Вы пишете, чтобы Ваше предисловие было напечатано первым и говорите о местничестве; из посланного Вам экземпляра Вы убедитесь, что место для Вашего предисловия было приготовлено заранее и на самой обложке, которая на белой бумаге была напечатана еще в августе, Ваше имя было поставлено первым, несмотря на то, что Вашею рукою оно было поставлено вторым; такое самоволие я позволил себе потому, что для меня решительно невыносимо было видеть мое имя первым, мне не хотелось бы совсем его видеть на книге, а почему, я уже Вам говорил. Я готов быть последним из последних, лишь бы видеть, что приступили наконец к осуществлению великого дела, а Вы думаете, что я могу вступать в споры о местничестве или же, если не вступать в споры, то хотя втайне по-

желать быть первым!! Как мало Вы меня знаете. Все Ваши распоряжения относительно срока выпуска книги и всего прочего в точности будут исполнены. Я совершенно с Вами согласен, что отдельным — серьезным лицам надо послать раньше; хотя в моем предисловии и сказано, что прежде всего книга будет разослана в ученые общества, в общественные библиотеки, известным ученым и писателям, но если мы пошлем раньше известным ученым и писателям, а затем лишь в ученые общества и библиотеки, — это не будет противоречить заявленному в моем предисловии.

Наперед прошу простить мне нижеследующее: Вы как будто опасаетесь за учение Н-лая Ф-ча, как будто боитесь, что новейшие научные течения могут в чем-либо опровергнуть это учение; а между тем истинное направление знания может только приближать науку к учению Н-лая Ф-ча. И в самом деле, логично ли ставить какие-либо пределы совершенствованию, если только согласиться, что слепые силы, путем эволюции, из мертвой материи создали жизнь, т. е. материю живую и, наконец, существо, носящее разум? Вместе с тем наука же признает, что в мире ничто не теряется и, следовательно, с явлением разума к тем силам, которые действовали раньше, присоединилась новая, и эта сила как бы раскрыла очи у сил слепых. И если *слепые* силы дошли до разума (дошли, когда были слепы), то что же для них невозможно, когда они стали зрячими?!.. И наконец, логично ли думать, что силы, создавшие мир, следовательно, имевшие созидательную до сих пор силу, дойдя до разума, потеряли эту созидательную силу и мир должен идти к разрушению. Слепо созданные чудеса должны исчезнуть, когда явилось зрение?! Не назначено ли, напротив, зрение на то, чтобы уничтожить то трение, которое причиняет нам боль и которого нельзя было избежать при создании открывшихся пред нами чудес — при создании их слепым путем эволюции?! К уничтожению этого болезненного трения и ведет регуляция, которая может быть созданием только разума, на что разум и предназначен в эволюции мировых сил.

Столь же странно, что и верующие согласны с эволюционистами, что и верующие полагают, будто мир, создание Бога, предназначен к гибели и не может достигнуть совершенства, что творение не может быть равносильно Творцу. А между тем Сам Творец дал нам «*область чадом Божиим быти*» (Иоанн. I, 12), и какой же отец не желает, чтобы его дети были не только равны, но, если это возможно, то и выше его?!.. И только Богу мы приписываем стремление держать своих детей ниже себя?!.. Еще раз простите меня, глубокоуважаемый Владимир Александрович, но в последней Вашей статье, помещенной в «Русском Архиве» за настоящий год⁷⁰, на странице 286-й, слова «*разумеется, в пределах возможного для*

творения, конечно, не равносильного Творцу», — должны быть вычеркнуты, если возможно совсем изглажены, потому что иначе можно подумать, что Вы признаете *совершенство несовершенное* (?!). Да ведь и из всего предыдущего видно, что, воссоздав себя, возвратив все, ему данное, все полученное без труда, и заменив это своим собственным, трудом созданным, человек перестает быть творением, или *тварью*, и только тогда может осуществиться молитва Господа Нашего Иисуса Христа — «да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино»⁷¹. И как же возможно, чтобы, достигнув единства с Богом, мы не достигли бы и Божественного совершенства в полной его мере и силе?!.. Еще раз прошу извинить мне все это. <...>

Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ

26—29 ноября 1906. Пишпек

<...> По просьбе нашего Преосвященного Димитрия, я поместил в № 1-м «Туркестанских епархиальных ведомостей», вышедших 15-го августа, это предисловие⁷², которому заглавие — «Истинный христианин нашего времени» — дал сам Преосвященный. <...>

<...> Перехожу к *принципиальному*; но поэтому надеюсь, что придется говорить немного, так как важны не принципы, а возможность приступить к общему для всех делу (ссылаюсь на разбор реферата Соловьева в «Проекте соединения церквей», стран<ица> 469—491-я), а таковую возможность Н-лай Ф-ч допускал, допускал возможность соединения для общего дела даже верующих с неверующими. И в самом деле, какое может иметь значение для приступа к метеорической, например, регуляции, разногласие в том, какого совершенства мы достигнем, будем ли совершенны, как Отец Наш Небесный совершен, или же как-нибудь иначе?! (Если я неверно понимаю слова молитвы «Да будут все едино» и проч., то как понять, если не понимать их буквально, слова не Н-лая Ф-ча, а Спасителя Нашего — «Будьте совершенны, как Отец Ваш Небесный совершен»?!⁷³ О том же, чтобы быть *даже выше* Отца Нашего Небесного, такого безумия у меня никогда и в голове, конечно, не было; приводимые же Вами из моего письма слова — «не только равны, но, если это возможно, то и выше его» — выражают чувства отца в отношении сына, это то же, что и известное выражение «*Ему расти, а мне малиться*»; и, конечно, такое чувство у отца может быть лишь до того времени, когда род человеческий придет к тому совершенству, к которому призывает его Наш Христос-Спаситель; при достижении же совершенства как можно говорить о том, чтобы кто-либо был выше или ниже, все мы будем *в меру возраста Христова*, но каж-

дый по-своему, так как будем едины, но неслиянны. Да и в настоящее время, если отец и сын живут душа в душу, то и всякое умственное и нравственное приобретение сына тотчас же становится приобретением и отца, всякое возвышение сына есть возвышение и отца.) Только участие в общем деле приведет нас и к единомыслию, и только единомыслие, опирающееся на общее дело, имеет ценность и прочность; одни же рассуждения, стремящиеся установить принципиальное (если можно так выразиться) лишь единомыслие, ведут только к спорам и раздорам, от которых Н-лай Ф-ч уклонялся, и я считаю необходимым следовать его примеру, когда встречаюсь с несогласным...

Но почему это воскрешение чрез человека не есть воскрешение самим Богом?!.. Разве Бог, действуя на мир, не действует чрез Им же созданные силы и почему же действия Его чрез слепые силы — Его собственные действия, а действия Бога чрез человека, носящего разум, т. е. силу, также созданную Богом, не будет действием самого Бога?!.. Содействие самого Бога делу сынов человеческих (в то же время и Божиих), на котором Вы настаиваете и подчеркиваете, которое, как Вы справедливо заметили, всегда признавал и Н-лай Ф-ч, всецело признаю и я <...> да и как может отрицать такое содействие христианин, верующий в Иисуса Христа, Сына Божия, нас ради спешшего с небес и проч. Я также никогда не отрицал необходимости разъяснения учения Н-лая Ф-ча, согласования их с научными данными, т. е. не отрицал необходимости того, что Вы предприняли в ряде Ваших статей, печатающихся в «Русском Архиве», и очень сожалею, что так долго нет продолжения их. Не я ли Вам писал, что Вы делаете для Н-лая Ф-ча то же, что Кони сделал для доктора Гааза; если же Вы думаете, что все это я говорю неискренно, то в этом уже не моя вина, я, со своей стороны, не дал Вам основания подозревать меня в неискренности; напротив, в чем я с Вами не согласен, я это прямо Вам всегда и выражаю...

Что же касается до *научного* обоснования учения о воскрешении (Н-лай Ф-ч много иронизировал над употреблением слова *научный*), — неужели же Вы думаете, неужели возможно признать *научно* обоснованным такое учение, по которому *живая* материя произошла из мертвой путем эволюции слепых сил, путем той же эволюции слепых сил из живой материи произошли все живые существа, в том числе и человек, носитель разума, т. е. новой и величайшей силы, величайшей потому, что она может располагать всеми остальными, которые все остались налицо, никуда пропасть не могли; и вот когда явилась эта новая великая сила, миру остается будто бы только погибнуть, по *научным* будто бы данным, он или замерзнет, или же сторит (хороши эти *или, или*). Пока не было разума, слепая сила могла создать такие чудеса, как

мир растительный, как мир животный; хотя все это и несовершенно в высшей степени, но тем не менее поистине чудесно; когда же явилась новая сила, разум, то все созидательное во всех остальных куда-то будто исчезло и миру остается только погибнуть, а не идти к совершенству, к созданию новых чудес или же к пересозданию бывшего, но в несравненно совершеннейшем состоянии? Это ли научно обоснованная теория? И возможно ли эту теорию поставить рядом с построениями великого человека?!.. <...>

Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ

6 января 1907. Верный

<...> Вместе с тем посылаю Вам два листа № 2-го 1907 года «Семиреченских Областных Ведомостей»; на обороте 1-го листа и на следующем Вы увидите сообщение о чтении, бывшем у нашего Преосвященного⁷⁴. Может быть, Вы найдете, что до выхода книги⁷⁵ не следовало допускать таких чтений; но, живя с людьми, я не могу не беседовать с ними о том, что для меня самое важное и дорогое, а отсюда и выходит иногда необходимость сделать такой шаг, который при более рассудительном отношении к делу, может быть, и не следовало бы делать. Продолжение заметки, напечатанной в № 2-м и которая появится в № 3-м, я вышлю Вам заказною бандеролью. <...>

Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ

8 апреля 1907. Верный

<...> Вместе с сим препровождаю Вам в трех посылках 15-ть экземпляров 1 тома «Философии Общего дела»; а так как и письмо, и посылки Вы получите в самый праздник Пасхи, то и прошу Вас от меня, жены моей и известных Вам сыновей моих принять наше поздравление с этим великим и высоко торжественным праздником; прошу поздравить также Марью Григорьевну, Анну Васильевну и детей Ваших. Теперь разошлю и те тридцать экземпляров, которые Вы поручаете мне разослать в Вашем письме от 15 января и тридцать первый экземпляр Дурново⁷⁶ в Саратов, а затем буду думать, как переслать Вам и все остальные экземпляры книги. Может быть, Вы найдете возможным оставить их здесь до осени, тогда сыновья мои привезут Вам все оставшиеся от рассылки экземпляры. А между тем по Вашим сообщениям я буду отправлять экземпляры книги туда, куда Вы найдете нужным. Список опечаток на особом листе; в посылаемых Вам экземплярах

я не исправил опечаток в самом тексте, потому что боялся растрепать книги, хотя смотритель типографии уверял меня, что теперь брошюровка сделана крепче. В настоящее время я занят написанием статьи, в которой, извещая о выходе книги, пишу и по поводу наиболее жгучих вопросов, возбуждаемых книгой, вопросов, разрешение которых требуется именно нашим временем, тем моментом, который переживается нами. Статью эту вышлю Вам с просьбой поместить ее, если найдете возможным, в «Московском Голосе», в «Русском Деле», в «Дне», «Московских Ведомостях» или, вообще, где Вы найдете нужным и возможным (м<ожет> б<ыть>, в «Русском Архиве») и если найдете статью стоящего того, чтобы напечатать ее. Меня крайне удивляет, что до сих пор не появляется продолжения Ваших статей о Н-лае Ф-че; я говорю «не появляется», потому что уверен, если бы они появились, то оттиски статей Вы мне прислали бы. <...>

Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ

21—22 апреля 1907. Верный

<...> Сегодня поднес экземпляр нашей книги здешнему Перво-священному и спросил его, не найдет ли он возможным переслать один экземпляр Антонию Волынскому, и он с удовольствием принял на себя эту миссию. Кроме того, Преосвященный посоветовал мне послать один экземпляр архимандриту Феофану — инспектору С<анкт>-Петербургской Духовной Академии⁷⁷. Чтобы Вы не послали в те же места, куда и я пошлю, прилагаю сообщенный Вами мне список, по которому я начал рассылку, — вот он: 1) В Петербургский университет, 2) Петербург<скую> Дух<овную> Акад<емию>, 3) П<етер>бургскую семинарию, 4) Петербург<скую> Публичную библиотеку (нужно ли — не пошлет ли туда Цензурный комитет?), 5) Библиотеку Академии наук в Петербурге, 6) Библиотеку генерального штаба 7) Библиотеку Гельсингфоргского университета, 8) Библиотеку Юрьевского университета, 9) Варшавск<ого>, 10) Харьковского, 11) Казанского, 12) Одесского, 13) Томского, 14) Казанскую Духовн<ую> Академию, 15) Киевскую Духовн<ую> Академию, 16) Библиотеку Киевского университета, 17, 18, 19 и 20 — в Семинарии: Казанскую, Харьковскую, Одесскую и Томскую; 21) в библиотеку Ярославского Демидовского лицея, 22) библиотеку Нежинского филологического лицея; 23) Виленскую Духовн<ую> семинарию, 24) Тамбовскую гимназию; 25) Тамб<овскую> публичную библиотеку, 26) Тамб<овскую> Духовную семинарию, 27) библиотеку Саратовского городского музея, 28) Воронежский городской музей, 29) св<яц.> Звереву⁷⁸, 30) Афонину⁷⁹ и 31) Н. А. Дурново. Всем этим учреждениям и лицам я вышлю,

Звереву и Афонину уже выслал. Просил бы Вас сообщить мне, в какие учреждения поступают те одиннадцать экземпляров, которые Типография пересылает в Цензурный Комитет? <...>

Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ

7 мая 1907. Верный

<...> По списку, сообщенному Вами, не всем еще отправлено, но отправлено уже многим; задерживается исправлениями опечаток, на каждый экземпляр требуется потратить для этого не менее трех часов времени. Посылаемые Вам экземпляры оставлены без исправления. Кроме посланных по данным Вам адресам, посланы мною Сенатору Николаю Николаевичу Мясоедову, первоприсутствующему в Гражданском Кассационном Д<епартамен>те, по особым моим к нему отношениям и по личному моему с ним знакомству; в конце 1905 года я послал ему одну юридическую статью с просьбой, если он найдет ее заслуживающею внимания, то отдал бы куда-либо для напечатания, и она была напечатана в «Журнале Министерства Юстиции»⁸⁰. Затем нашему Преосвященному вручил 2 экземпляра — один для него, а другой для Архиепископа Волынского Антония; один экземпляр послал в Новочеркасск Председателю Департамента Судебной Палаты Денисенко, женатому на родной племяннице Толстого, бывшему Председателю Воронежского Округного Суда, с которым я продолжаю быть в переписке; и затем, по указанию нашего Преосвященного, послал один экземпляр Архимандриту Феофану, инспектору Петербургской духовной Академии, один экземпляр — Гильдебрандту, родному брату составителя Справочного и объяснительного словаря к Новому Завету⁸¹, с которым, т. е. с братом, я лично знаком; и наконец, один экземпляр я послал профессору Московской Духовной Академии Александру Дмитриевичу Беляеву по такому случаю: наш Преосвященный указал мне в одной из духовных газет выписку из брошюры Беляева «Самодержавие и Народовластие», в которой говорится о Николае Федоровиче⁸². Тогда я написал Беляеву открытое письмо с просьбою выслать мне его брошюру наложным платежом; он мне выслал брошюру без наложного платежа, и я выслал ему книгу в благодарность за брошюру. Но затем получил от Беляева открытое письмо, в котором он пишет, что не наложил платеж, потому что брошюра с пересылкою стоит всего 25 коп., и просит выслать ему 4 семикопеечные марки по расчету — 25 коп. брошюра и 3 коп. на открытое письмо. Я послал и, кстати, послал ему напечатанное в №№ 2, 3, 5 и 6 «Семиреч<енских> Обл<астных> Вед<омостей>», так как из брошюры увидал, что профессор совсем не понял Н-лая Ф-ча, хотя и делает довольно большие выписки из Ваших статей

в «Русск<ом> Арх<иве>» и, по-видимому, такие выписки, которые должны бы были устранить его собственные рассуждения, которыми он заканчивает свою статью «Самодержавие», причем как будто вполне соглашается с Н-лаем Ф-чем. Вместе с тем я просил его не отказать сообщить, если бы где-либо появились отзывы о книге «Философия Общего Дела». Кроме перечисленных, я своим еще разослал двенадцать экземпляров книги, всего же, кроме посланных Вам 20-ти экземпляров, отправлено в разные учреждения и лицам 27 экземпляров, и с каждым днем количество это будет увеличиваться, и когда Ваш список будет исчерпан, то всего будет отправлено 50 экземпляров. Буду ждать Ваших указаний, куда и кому посылать еще. Послать ли Толстому и как послать, при письме или просто, если при письме, что написать? Сам же я не знаю, куда и кому посылать. Надеюсь, что о всяком появившемся отзыве Вы меня уведомите и притом так, чтобы я имел возможность добыть этот отзыв, потому что на каждый отзыв считаю нужным и в свою очередь отзываться. <...>

Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ

12 июня 1907. Верный

<...> Сейчас посылаю Вам еще десять экземпляров книги, так что Вам послано теперь в Москву 15-ть и в Ялту 15-ть экземпляров, т. е. вполне исполнено Ваше требование в этом отношении; Георгиевскому я также отправил один экземпляр тотчас по получении Вашего первого письма из Ялты. По списку Вашему, присланному в письме от 15-го января, послано в настоящее время 20 экземпляров и, кроме того, согласно Ваших писем, Н. А. Дурново и Г. П. Георгиевскому; остается еще послать в Духовные Семинарии — Харьковскую, Одесскую, Томскую, Виленскую, Саратовскую, в библиотеки Ярославского Демидовского лицея и Нежинского филологического, Тамбовской публичной библиотеке, библиотеке Саратовского городского музея и Воронежского городского музея (*Звереву лично отправил еще на Пасху*), и тогда весь Ваш список будет исчерпан. <...>

<...> Относительно Беляева должен Вам сказать, что послал ему, потому что прочитал его брошюру «Самодержавие и Народность», где о Самодержавии он говорит с точки зрения епископа Феофана и Н. Ф. Федорова; говоря с точки зрения последнего, Беляев делает большие выписки из Ваших статей и попутно говорит о своем личном знакомстве с Н-лаем Ф-чем и говорит о нем с большою теплотою. Посылая Беляеву книгу, я послал ему и мои статьи в Семиреченских Обл<астных> Ведомостях и просил уведомить, если где появятся отзывы о книге Н-лая Ф-ча, но никаких

известий до сих пор не имею. Я не думаю, что Беляев поспешит высказать свое мнение о книге, если она ему не понравится. Судя, впрочем, по его брошюре «Самодержавие», он совсем не понял Н-лая Ф-ча, и я боюсь, что и не способен понять его. <...>

В. А. КОЖЕВНИКОВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ

28 июня 1907. Исар

<...> С некоторого времени я прямо завален письменными просьбами о книге. Некий «К» (не знаю кто? я никому из носящих фамилию на К. не посылал еще) в № 474-м «России» от 13 июня 1907 г. напечатал библиограф<ическую> заметку о книге, с большими похвалами, но, по моему мнению, неумело составленную⁸³. Тем не менее, по прочтении ее, посыпались ко мне письма, как увидите, от лиц разного рода. Каждый день доставляют по нескольку. Это доставляет мне немалое утешение, и, будь жив наш дорогой учитель, и он был бы утешен, видя жажду поучения у разного рода лиц, между прочим военных, духовных и т. д. Очень может быть, что многие ждут от книги не того, что она дает; но все же некоторым надо послать. Пишу Вам подробный список с отметками, как поступлено или как надо поступить сообразно с характером письма и признаками свойств писавшего его. Во избежание двойных расходов по пересылке, я прошу Вас некоторым послать из Верного; расходами не смущайтесь, в этом — сочтемся (записывайте, пожалуйста, издержки)*.

Итак, вот список в хронологическом порядке:

1. Редакция газеты «Северо-Запад<ный> край». Ответил: будет прислано, если останутся экз<емпляры>. Причина такого ответа та, что мы еще ни в одно периодич<еское> издание не посылали.

2. «Литератор» (!) Николай Андреев<ич> Россовский из Петербурга («интересуется работами недюжинных людей в области философии и нормальной семейной жизни»). Ответ: как предыдущему. Быть может, следует послать, но попозднее, когда поразошлем более известным лицам.

3. Преподаватель Коломенской гимназии М. П. Павлов (адрес ему: Коломна, Ивановская ул., д. Краузе). Ответ: «пришлем для библиотеки Вашей гимназии». Вас прошу послать 1 экз. в Коломенскую гимназию, а на обложке книги напишите: «В библиотеку Коломенской гимназии от издателей»). Ввиду нескольких пи-

* [Нота Бене!] Ввиду того что почти все пишущие письма просят отнестись расходы пересылки на их счет, быть может, некоторым следует послать за их счет? Или уж не стоит экономничать?

сем от учителей учебн<ых> заведений, я полагаю, следует послать не им лично, а в библиотеки их учебн<ых> заведений. — Прошу, по прочтении, написать его мнение о книге⁸⁴.

4. К. А. Домбровский, редактор «липсовского» (что это значит — не понимаю!) научно-литературного журнала «Draugijos» в г. Ковне. Ничего не отвечал. Если сочтете нужным послать, пошлите. Странно, что обращается с просьбой литвин или поляк?..

5. Николай Иван<ович> Новосильцев в г. Калиш, через Варшаву. Ответ: пришлем, если останутся свободные экземпляры. Подождите посылать.

6. Врач Н. П. Каменев. Тула, Психиатрическая больница. Ответ: постараемся выслать. — Полагаю, следует послать из Верного⁸⁵.

7. Подполковник Никол<ай> Петр<ович> Вишняков. С<анкт>-П<етер>бург, Больш<ая> Пушкарская, д. 30, кв. 14. Ответ: постараемся выслать. Не знаю, посылать ли? Предоставляю решить Вам. Пожалуй, послать? Пишу ему, как и другим, коим будет послано, сообщать их мнения по прочтении⁸⁶.

8. Сергей Никитич Кокин. Станция Горбатовка Моск<овской> Нижегород<одской> ж<елезной> д<ороги> или в г. Горбатов, собственная усадьба. Письмо малограмотное; не отвечал.

9. Священник Псковской Алексеевской церкви Константин Ковалевский. Псков. Ответ: если есть, пришлем. Посылать ли, предоставляю Вашему благоусмотрению. Иерей оговаривается, чтобы прислали бесплатно⁸⁷.

10. Доцент С<анкт>-П<етер>бургского университета Борис Никол<аевич> Никольский, мой знакомый, один из главных вождей «правых» в России вообще, талантливый оратор, но «очень уж правый»; сотрудник Дубровина⁸⁸ и пр. Книгу ему я послал.

11. Иеромонах Авраамий из г. Супрасля, Гродненской губ. Ответ: постараемся выслать. В виду того что это пока единственный инок, к нам обратившийся, — не послать ли ему? Если согласны — пошлите⁸⁹.

12. Михаил Константинович Соколовский, член учредитель Русского военного Исторического Общества, член Импер<аторско>-Археологического Института. СПб., Васил<ьевский> остров, 7 линия, д. 60. Пошлю сегодня ему 1 экз. Он предполагает оповестить о книге в «Русс<ком> Инвалиде», в «Братской Помощи», «Войне и Мире», «Офицерской и Морской жизни» «для ознакомления военной среды». «С сочинением знаком только отчасти понаслышке»⁹⁰.

13. Священник села Севрикова Т. Рыжков, Курск<ая> губ. в г. Белгороде, в магазин В. И. Никулина. Ответ: «пришлем, если есть свободные экз<емпляры>». Думаю, подождать пока посылать: посмотрим, много ли еще будет подобных требований?

14. Иван Алексеевич Путохин, Вышний Волочек, Тверс<кой> губ., дом Певцова. Это знакомый моего приятеля Новоселова (издателя «Рел<игиозно>-Филос<офской> библиотеки» и учредителя нашего «Кружка ищущих христиан<ского> просвещения») ⁹¹. Прошу Вас ему послать ⁹².

15. С. Прядкин, преподаватель Воронеж<ской> гимназии. Воронеж, Халютинская, д. № 2/21. Надо послать; пошлите; я ему так и ответил ⁹³.

16. Александр Вас<ильевич> Яблонев, г. Рязск, Рязанс<кой> губ. Пишет, что очень заинтересован; прислал свою брошюру «Воздухоплавание», отлично изданную. Я ответил, что будет выслана, и прошу Вас ему послать. Аэронавтика и регуляция — это друзья. Я очень рад этому запросу ⁹⁴.

17. Николай Семенович Китлов, Рязань, Садовая, д. Докудовской. Ответ: «если есть свободн<ый> экз<емпляр> — вышлем». Полагаю, подождать высылкой.

18. Смотритель Балашовского Духовн<ого> училища Ник<олай> А. Сырнев. По прочтении обещает передать в библиотеку Духовн<ого> училища. Ответ: вышлем в библиотеку оно; так и прошу Вас послать, с надписью на книге ⁹⁵.

Продолжение — завтра или на днях!

Вы видите, дорогой Николай Павлович, что слух о Николае Ф-че прошел «по всей Руси великой» даже от одной маленькой и неважной статейки.

Желательны бы более серьезные отзывы. Я послал проф. Введенскому и просил его написать. Еще послал Новоселову (но он боится Н. Ф-ча с религиозной стороны), Ф. Д. Самарину ⁹⁶; пошлю Д. А. Хомякову. Послал Бартеневым — отцу и двум братьям ⁹⁷. Первому отправил и свою статью о регуляции; пишу следующую о том же; но Петр Ив<анович> перед летним отъездом заранее «набрал» целых 3 книжки «Архива», и мои статьи поэтому появятся только в сентябре. Это досадно! Теперь бы самое время!

Перерываю письмо до завтра. Привет от нас всех Вам и Вашим! Преданный Вам В. Кожевников. Пишите!

В. А. КОЖЕВНИКОВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ

29 июня 1907. Исар

Исар. 29 июня 1907

Глубокоуважаемый Николай Павлович!

Продолжаю список лиц, желающих получить том I-й.

19. Заведывающий Народной библиотекой учитель А. М. Лощилин. Адрес: «г. Кирсанов, Тамб<овской> губ. Село Вяжли,

контора их превосходительств гг. Марковых». Ответ: пришлем, если останется экземпляр свободный. Не знаю, посылать ли? Принципиально, в Народной библиотеке — место для книги; в действительности же едва ли по силам будет там усвоить ее. Но, ради принципа, не послать ли? Решите Вы! Если пошлете, надпишите на книге, что она — в библиотеку Народного училища. С другой стороны, — не нарушим ли этим правил о Народн<ых> библиотеках?.. ⁹⁸

20. Михаил Захарович Попов, Прилуки, Полтав<ской> губ. Никаких указаний на то, кто просящий. Не отвечал. Не посылайте ⁹⁹.

21. Яков Дмитриевич Пасхалов. Керчь. Стемиковская, № 20. Сходно с предыдущим. Не отвечал. Не посылайте.

22. Павел Семенович Желтиков. Тирасполь. Херс<онской> губ., Садовый переулок, д. № 5. Тоже. Не посылайте.

23. Штаб-ротмистр Борис Аркадиевич Панаев. Межибужи, Подольск<ой> губ. 36 драгунский Ахтырский полк.

Ответ: если останется, пришлем. Посылать ли — решите вы. Если посылать, не лучше ли в Полковую библиотеку. Полк считается одним из хороших ¹⁰⁰.

24. Профессор Русс<кой> истории Харьков<ского> университета, издатель журнала «Мирный Труд» (монархист, мой знакомый, отличный господин) Андрей Степанович Вязигин, Харьков, Девичья, № 14. («Сделаю, что могу, для распространения идей великого русского человека. Если бы кое-что можно было поместить в «Мирном труде» из его творений, был бы счастлив»). Послан 1 экз. ¹⁰¹

25. Н. П. Литвиненко. Почтов<ая> станция Дераксня (??), Буневский сахарный завод. Не ответил. Не посылайте.

26. Александр Владимирович Васильев, член Русс<кого> собрания в г. Хомне Люблинск<ой> губ. Присылку книги «богатой и своеобразной русской природы» в библиотеку Русского Хомского собрания, «выдвинутого как форпост в борьбе двух национальностей», называет «добрым делом». Ответ: пришлем. Пошлите непременно ¹⁰².

27. С. Корниевский, г. Сквир, Киевск<ой> губ., Дворянская улица. Не посылайте! ¹⁰³

28. Учитель И. С. Поваров. Почтов<ое> отделение Репьевка (или Реньевка) Симбирск<кой> губ., Сызранс<кого> уезда, село Заборовка.

Ответ: пришлем, если и т. д. Полагал бы подождать посылать.

29. Инженер-механик при Рязанс<кой> Губерн<ской> Управе Яков Федорович Архангельский. Рязань, Никольская ул., собственн<ый> дом. В очень интересном, длинном письме вспоминает о Ник. Ф-че, учителе в Богородском училище в 1859—63 гг., когда учеником его был и автор письма. Воспоминания эти дают

очень яркую характеристику Н. Ф-ча как преподавателя истории и как человека, написанную с живым чувством благодарности. Архангельский вспоминает с сочувствием и другого учителя, приятеля Н. Ф-ча, «учителя математики Петерсона (имя и отчество его он забыл), которого ученики также ужасно любили. Это был молодой человек по виду лет 23—25, по образу жизни подходивший к Н. Ф-чу».

Ответ и книгу я Архангельскому завтра пошлю¹⁰⁴.

30. Антон Степанович Вишняк, учитель в деревне Ризне. Адрес: местечко Малин, Киевск<ой> губ. Ответ: пришлем, если найдется свободн<ый> экз<емпля>р. Письмо малограмотное. Полагаю, подождать посылать.

31. Карл Казимирович Косцюшко-Валюжинич, член Императорской Археологической Комиссии. Заведывающий раскопками и Музеем в Херсонесе. Это воскреситель Херсонеса, чрезвычайно заслуженный археолог. Пишет, что желал бы в Музее Херсонеса, откуда, т. е. с места крещения Кн. Владимира, началось русское просвещение, иметь произведения «русского философа, достойного потомка великих греческих мыслителей, учителей наших».

1 экз. я ему послал, с письмом и просьбою сообщить мнение по ознакомлении с книгой¹⁰⁵.

32. Председатель Витебского Окружного Суда (фамилия неразборчиво, имени и отчества нет¹⁰⁶). Просит книгу для библиотеки Суда. Ответ: будет выслано Н. П. Петерсоном. Пошлите ему — быть может, как коллега, и напишите нечто об отношении учения Н. Ф-ча к Суду и т. п.¹⁰⁷

33. Учитель села Бравича Г. В. Сментынов. Адрес: станция Каларат, Бессарабской губ. «Желал бы познакомить здешнюю публику с объявленной книгой Н. Федорова». Просит выслать доплатной бандеролью. Ответ: вышлем, если будет свободн<ый> экз<емпля>р. Как хотите!¹⁰⁸

34. Студент Казанского университета Тимофей Шатуров. Адрес: ст. Яновичи Витебской губ. Село Когово. Т. С. Шапурову. «Живо интересуюсь вопросом о смысле жизни», просит прислать книгу, по прочтении коей им и его знакомыми, обещает передать ее в какую-либо общественную библиотеку. Ответ: пришлем из Верного. Надо послать; это пока единственный студент, заявивший желание познакомиться с книгой. Пошлите ему поскорее, пока длится вакационное время. Пишу сообщить мнение. При отсылке справьтесь в почтовой книге о станции: Яневичи? или Яновичи? Витебск<кой> губ.¹⁰⁹

35. Никол<ай> Георгиевич Кудрявцев. Орел. Черкасская улица. Судя по письму, следует послать. Пошлите; пересылку просит отнести на его счет¹¹⁰.

36. А. И. Поляков, г. Литин, Подольской губ. Посылать не следует, судя по свойствам письма.

37. Ольга Васильевна Соколова. Город Спасск Тамбовской губ. Собственный дом против Городского сквера. Эта дама пишет, что очень интересуется книгой «Философия Общего дела», но письмо ее помечено 29 мая, т. е. задолго до статьи в «России» (13 июня). Поэтому я просил ее написать мне, откуда она узнала о книге и почему заинтересовалась ею? Но ответа по сие время нет. Ввиду того что это пока единственная женщина, попросившая книгу, пошлите ей ее и попросите сообщить, по прочтении, ее мнение¹¹¹.

38. «Литератор» П. А. Россиев, Звенигород Московской губ. Солдатская слободка, дом М. К. Семенова. Просит «удостоить экземпляром книги. Ваша воля потребовать от меня, взамен того, отплаты за этот экземпляр. Пока же могу только обещать, если для Вас это сколько-нибудь интересно, написать о «Философии» в одном-двух из периодических изданий». Не знаю, что делать с этим вторым уже «литератором». Сдается, это какой-нибудь литератор либерального фасона? А впрочем, такие едва ли читают «Россию»?.. Рискнем послать? Пошлите, а я ему напишу, чтобы сообщил свое мнение и статьи, если напишет их¹¹².

39. Инспектор мужской гимназии в Симбирске Платон Андреевич Селиванов. Пишу, что пришлем в Гимназическую библиотеку. Пошлите с соответственной надписью.

Вот пока все запросы. С нынешнего дня они прекратились; предыдущие дни ежедневно приносили по несколько писем. Сегодня не было ни одного. Быть может, эффект статьи в «России» тем и исчерпан?.. Ну, да и это все-таки не дурно! Ведь мы пока ни в какие газеты и журналы не посылали. Теперь думаю послать в «Вопросы философии» и особо их редактору Рачинскому, кот<орый> уже говорил, что очень интересуется моими статьями и самим Ф<едоровы>м. Послал нашему врагу (по изданию) Н. Н. Черногоубову (это долг корректности). На днях побеседуем еще. Жду ответа, а пока — всего наилучшего и привет сердечный Вам и Вашим от всех нас.

Преданный Вам В. Кожевников.

Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ

9 июля 1907. Верный

<...> Получил письмо от профессора Беляева из Троице-Сергиевой Лавры, в котором он благодарит за книгу, но книги еще не читал, не прочитал даже предисловий, письмо от половины июня.

В газете «Россия» в № 474-м от 13-го июня имеется сообщение о выходе книги, и довольно большое¹¹³.

По Вашему списку осталось отправить только четыре экземпляра (28 отправлено), а именно в Тамбов — Духовной Семинарии и Публичной Библиотеке, в Саратов — Городскому Музею и в Воронеж — Городскому Музею. Уведомления о получении книги имеются от университетов С.-Петербургского и Юрьевского и от С.-Петербургской Духовной Академии.

Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ

22 июля 1907. Верный

<...> Ваши письма от 28 и 29 июня, полученные мною 14 и 16 июля, не утешили только, но и бесконечно обрадовали меня, — в ком-нибудь и найдет себе добрую почву, прорастет, созреет и даст плод... 17-го июля я отправил: 1. Александру Васильевичу Яблону в Рязск, приславшему брошюру «Воздухоплавание»; 2. Александру Владимировичу Васильеву в г. Холм и 3. Студенту Казанского университета Шапурову, на ст. Яновичи, Витебской губернии. 18-го июля послал: 1. Ивану Александровичу Путохину в Вышний Волочек и 2. Николаю Георгиевичу Кудрявцеву в Орел. 20 июля отправлено: 1. В Тулу — врачу психиатрической больницы Н. П. Каменеву и 2. В Звенигород литератору П. А. Россиеву; и 22 июля — 1. Преподавателю Коломенской гимназии М. П. Павлову с надписью: В Библиотеку Коломенской гимназии от издателей и 2. Инспектору Симбирской мужской гимназии Платону Андреевичу Селиванову и таже с надписью. <...>

Вот еще вопрос, который я Вам задавал уже, но ответа не получил, — посылать ли книгу Толстому, и если посылать, то как сделать: Вы ее пошлете, или же я, а, может быть, не послать ли ее через Ивакина? <...>

Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ

3 октября 1907. Верный

<...> Окончивши деловое, приходится обратиться к моей статье¹¹⁴. Было бы неискренно, если бы я сказал, что возвращение мне статьи не огорчило меня, тем более, что я просил Вас, если не найдете возможным исправить статью сами, отправить ее в редакцию «Мирный Труд», предоставив исправление статьи самой Редакции, если бы она нашла исправление необходимым. Сам же я исправлять статью не могу, потому что иначе, как написана статья, я писать не могу, потому что религия, признающая страш-

ный суд неизбежным, есть не религия любви, а религия ужаса, от которой бледнел еще Лютер, да и я сам, когда еще был ребенком, не достигшим еще 10-ти лет, знавшим религию по словам моей няни, ужасался предстоящей участи и думал, что лучше бы не родиться или же лучше бы, если бы после смерти ничего не было, и в то же время я был пламенно религиозен, как и моя няня, крепостная, необразованная старуха, которую я так любил, что просил Бога послать мне смерть раньше смерти этой старухи, так мне была страшна смерть ее... Да, по религии, официально ныне исповедуемой, признающей страшный суд неизбежным и даже не догадывающейся об *общем деле*, спасение возможно только для людей исключительных; и это, конечно, не истинное христианство, хотя его, нынешнее, официальное хр<и>стианство, неистинным и не должно называть, как это говорится в статье, но оно не завершено еще ни по объему, ни по содержанию. И обещания религии, о которых говорится в статье, суть обещания по понятиям не известной лишь части верующих, как говорится в Вашем письме от 14-го июня¹¹⁵, а именно всей официальной церкви. Об ап. Павле я также не могу иначе говорить, как сказано в статье; признавая его во многом, в большей части им оставленного, великим и святым, нельзя не упрекнуть его за то, за что он упрекается в статье. Также и о науке, то, что наука теперь, она, а не некоторые только служители ее, ведет к бесцельности и бессмысленности жизни. Во всяком случае, впрочем, если уже Вы не согласны с моей статьей, то кто же с ней согласится, а потому и печатание ее бесцельно, и книга Николая Федоровича, очевидно, не будет понята людьми нашего времени и, надо думать, останется теперь незамеченною и будет иметь значение лишь в будущем. Одно меня утешает в великом огорчении, которое испытываю все больше и больше, это слово Спасителя — «аще зерно пшенично пад на землю не умрет, то едино пребывает; аще же умрет, много плод сотворит»¹¹⁶. Мы, очевидно, приближаемся к такому взаимному разобщению, которое будет равняться смерти, и ужас одиночества, в котором мы окажемся, соберет наконец нас в такое единство, которое расторгнуто уже ничем не будет, и тогда только воссияет книга Н-лая Ф-ча. Мне не кажется утешительным и то, что Вас утешает, а отзыв [Хомякова], в котором говорится, что Н. Ф-ч кажется ему *иногда* выше В. Соловьева, — я считаю просто кощунственным — сравнивать Н-лая Ф-ча с этим фигляром?!.. Неутешительно в особенности то, что этот призыв к делу никого еще не обратил к действительному делу. И я вот сам, несмотря на искреннее желание обратиться именно к делу, — а это обращение могло бы заключаться в том, чтобы пристроиться к какому-либо учебному заведению, чтобы ввести там изучение местности, где это учебное заведение находится, — не могу этого сделать, потому что из тринадцати человек детей у меня

только четверо пристроены и не нуждаются в моей помощи, а уйди я теперь с занимаемого мною места в отставку, например, то и с пенсией в полторы тысячи я не в состоянии буду прожить с такою семьею, как моя. <...>

Обращаясь опять к своей статье, не могу не пожалеть, что она не напечатана, потому что в конце говорится о соборе¹¹⁷ и предсказывается не только бесплодность, но и вредоносность его, если только он не обратится к единому на потребу, на что рассчитывать, очевидно, невозможно. У меня возникает мысль написать и послать статью митрополиту Антонию, но неприятности по службе едва ли дадут мне на это время. <...>

Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ

27 декабря 1907. Верный

<...> Я не отвечал Вам на письмо от 26 октября, потому что оно получилось без меня, во время сессионной поездки, из которой я возвратился лишь 18-го декабря вечером, да и по существу своему письмо это не требовало ответа, кроме разве одного, — я должен был известить, что книга С. А. Остроумову в Симбирск, Лисинская ул., № 1-й, послана, и поблагодарить еще за указание на статью Мережковского «*Последний святой*» в №№ 8 и 9 «Русской Мысли»; статью эту я прочел, а кстати прочел и другую статью Мережковского в №№ 2 и 3 той же «Русской Мысли» под заглавием, если не ошибаюсь, «Революция и религия». Эти статьи дополняют одна другую, но статья «Последней святой» — рельефнее¹¹⁸. Мне очень бы хотелось многое сказать об этих статьях, но для этого нужно иметь книги с этими статьями по крайней мере на несколько недель, но здесь я нигде не могу достать «Русскую Мысль» на такой долгий срок. Оказывается, что в Москве стал выходить журнал «Живая жизнь» и в № 1-м этого журнала помещена статья Мережковского «*О воскресении*»; в библиографической заметке в газете «Россия» от 8 декабря в № 627-м делается такая выписка из этой статьи: «Христианство основано вовсе не на любви к ближнему, как обыкновенно думают, — эта любовь есть и в законе Моисея, и у всех древних учителей мудрости, от Сократа до Марка Аврелия, от Конфуция до Бодисатвы, — не на праведной жизни и крестной смерти Христа, а на неотразимо доказанной опытом реальной возможности физического воскресения»... Интересно бы знать адрес редакции и стоимость этого журнала, из библиографической заметки в «России» этого не видно. Удивило меня сообщаемое Вами мнение Д. А. Хомякова о книге Н-лая Ф-ча, неужели же г-н Хомяков думает, что вера и рационализм или наука, разделенные и даже

враждебные в настоящее время, и навсегда останутся в таком же положении и что они несоединимы по существу; если это так, то на что же обречен, значит, род человеческий? Впрочем, когда Вы мне сообщали мнение о Н-лае Ф-че Хомякова, которое он составил о нем по Вашим статьям, и когда он говорил о каком-то гностицизме в учении Н-лая Ф-ча, мне и тогда казалось, что Хомяков видит совсем не то, что это учение из себя представляет. Все это мистики, как и Мережковский и Розанов, и едва ли возможно с ними сговориться. <...>

В. А. КОЖЕВНИКОВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ

22 февраля 1908. Москва

Москва. 22 ф<еврля> 1908

Глубокоуважаемый и дорогой Николай Павлович!

Препровождаю 10 р. на пересылочные расходы по отправке почтою книг. Бывшие у меня экземпляры разошлись. Требуется еще. Замечается спрос среди священников. Раздаю и некоторым профессорам, специалистам по философии. Жду рецензий в «Вопросах философии» и в «Нов<ом> времени». Интерес кое-где есть, но большею частью не с того конца, с которого следовало бы. О многом имел бы побеседовать с Вами. Но до $\frac{1}{2}$ марта запряжен в неотложные, срочные дела (публичные чтения, заседания и т. п.). 18-го марта надеюсь уехать на Исар до Страстной и там немного отдохнуть от переутомления умственной работой. Оттуда подробно побеседую с Вами, а пока большое спасибо за Вашу статью¹¹⁹, которую прочел с удовольствием. Сына Вашего¹²⁰ очень давно не видал. Наши все и я также шлем Вам сердечный привет. Передайте мое глубокое почтение многоуважаемой Юлии Вл<адимиров>не. Будьте здоровы. Искренне преданный Вам В. Ко<жевников>. Очень опасаясь возможной статьи Розанова по поводу Н. Ф-ча. Богословы молчат.

Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ

2 мая 1908. Верный

<...> От П. А. Сергеенко, известного автора книги о Л. Н. Толстом, я получил письмо, в котором он предлагает мне принять участие в сборнике при альманахе имени Л. Н. Толстого, издаваемом к 80-ти-летию Толстого¹²¹. В этом письме Сергеенко говорит, что Л. Н. относится сочувственно к этому начинанию и сам указал

на меня «как на достойнейшего участника»; в Ясной Поляне сообщили Сергеенко и мой адрес. Письмо от 8 апреля, следовательно, указание на меня и сообщение моего адреса было после получения Толстым моего письма и книги «Философия Общего Дела». Поэтому я надумал обратиться к Толстому с письмом, черновик которого при сем прилагаю, и покорнейше прошу Вас, если Толстой обратится к Вам или если я телеграфирую Вам о доставлении Толстому статьи Н-лая Ф-ча о нем, то не откажите отправить Толстому ту статью, которая была в цензуре и цензурой не пропущена; статья эта остается у Вас¹²². Я надеюсь, что и Вы признаете громадное значение напечатания этой статьи в сборнике к 80-ти-летнему юбилею Толстого, и напечатания ее по настоянию самого Толстого. <...>

Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ

16 июня 1908. Верный

<...> Сегодня полученное письмо Ваше от 31-го мая¹²³ доставило мне величайшее удовольствие и главным образом Вашею заботою о том, чтобы пробить, наконец, то непонятное равнодушие, с которым встречают книгу, в будущем несомненно великую. Необходимо, конечно, послать книгу и во все возможные иностранные издания; наши ждут авторитетного указания; авторитетов мы не признаем, а без авторитетной указки никогда ничего не увидим. Везде нужна чужая указка, все мы носим лишь с чужого плеча. Поэтому чрезвычайно важно задеть за живое Толстого, чрезвычайно важно, чтобы он высказался о книге, и Ваша телеграмма, полученная третьего дня, что Толстой просит выслать статью о нем, меня бесконечно обрадовала; это значит, что он читает книгу, и она его затрогивает. 15-го мая послал Сергеенке статью о Толстом для сборника; она вышла в половину меньше статьи о письме Гр. Петрова¹²⁴; я читал ее нашему Преосвященному, и он очень хвалил статью, нашел в ней большую искренность, и очень просил ее для Епарх<иальных> Ведомостей, если она почему-либо не попадет в сборник. Но я думаю, что ее напечатают, потому что я пишу о таком времени, о котором до сих пор никто ничего не писал, о школах в Ясной Поляне и в соседних с ней селениях, открывавшихся Толстым, когда он был мировым посредником; а затем перехожу к Н-лаю Ф-чу, говорю и о сношениях его с Толстым, и опять делаю выписки из книги, хотя их гораздо меньше, чем в статье о Петрове. Я не льщу Толстому, но говорю о нем с почтением... <...>

Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ

24 июня 1908. Верный

24 июня 1908 года

Глубокоуважаемый Владимир Александрович!

Посылаю Вам копию письма ко мне Толстого, которое получил 20 июня, и черновик моего ему ответа, который послал 22 июня¹²⁵; при переписке некоторые выражения изменены, но сущность осталась та же. Простите, что посылаю черновик, а не переписываю его набело. Статья, о которой говорит Толстой, та самая, которую я Вам посылал прошлого года, а затем отправил в октябре прошлого года Митрополиту Антонию¹²⁶, от которого никакого ответа, конечно, не получил, копию этой статьи я и отправил Толстому, и весьма рад был бы, если бы он ее окончательно потерял, может быть, сознание вины заставило бы его отозваться о книге Н-лая Ф-ча. Рассчитывать на это, впрочем, мудрено, так как это было бы слишком большим счастьем, на которое в таком большом деле рассчитывать нельзя; надо думать, что все пойдет надлежащим порядком, т. е. только страдания заставят людей расширить область исследования, область знания. Так как письмо это дойдет до Вас незадолго до 15 июля, то я и жена моя, а также и известные Вам сыновья наши приносим Вам поздравление со днем Вашего ангела, Анне Васильевне, Марье Григорьевне и детям Вашим поздравление с дорогим именинником и желаем всем Вам доброго здоровья и всего наилучшего.

Глубоко Вас уважающий и всею душою преданный

Н. Петерсон.

Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ

22 июля 1908. Верный

<...> Прочитав книгу Мережковского «Грядущий Хам», я вспомнил, что в одном из Ваших писем Вы говорили, что пошлете книгу Мережковскому, но затем Вы не писали мне, послали ли Вы ему книгу. Если не послали, то пошлите, пожалуйста, и возможно скорее, или же сообщите мне адрес Мережковского, я пошлю ему, и во всяком случае сообщите мне его адрес, я думаю ему написать. Мережковский — мистик, но в нем есть что-то, что дает надежду на возможность с его стороны понимания; он иногда подходит так близко, а потом вдруг ударится в сторону. Важно то, что он верит в действительное воскресение Христа, а это — основа всего. Хотел было Вам даже телеграфировать, чтобы выслали книгу Мережковскому, но потом подумал, что на две недели позд-

нее не делает большой разницы. Впрочем, мы в настоящее время отрезаны и недели две не получали почты, да и теперь получаем неаккуратно, по случаю прорыва Оренбурго-Ташкентской дороги верст на двадцать с лишком. Я пишу теперь статью — разбираю Философию Общего Дела и статью «Реалисты» Писарева¹²⁷, потому что не раз слышал от представителей молодого поколения, кое-что слыхавших о Фил<ософии> Общ<его> дела, будто Писарев то же говорил, что и в этой книге, и в особенности в статье «Реалисты» <...> Послали ли статью Толстому? Если и не напечатают ее, то он сам ее прочтет и это может значить что-нибудь; хотя, по правде сказать, я потерял на него надежду; и боюсь сознаться, но и обращение ко мне, по прочтении моей брошюры, кажется, только лицемерие. Дай Бог — ошибиться. <...>

В. А. КОЖЕВНИКОВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ
1908

<...> [книгу] пожелали иметь бывший товарищ министра Нар<одного> Просв<ещения> Герасимов и Обер-прокурор Извольский¹²⁸.

Теперь, отчаявшись дожидаться благоприятных или хотя бы просто серьезных отзывов в русс<кой> периодической печати, я думаю послать по экземпляру в иностранные философ<ские> издания (в «Философские» журналы и в некоторые «общие», напр<имер> «Revue des deux mondes»; «Fortnightly Review», «Revue des Revue», «Deutsche Rundschau» и т. п.). Не окажутся ли западные восприимчивее восточных? Напишите мне, пожалуйста, Ваше мнение по этому поводу. Наводит меня на эту попытку то обстоятельство, что за последнее время, читая очень много о современном новом направлении в естествознании, я нередко наталкиваюсь на частичные приближения к взглядам Н. Ф-ча на отношение к природе и к науке. Но все они бредут ощупью и указать им «царский путь» было бы нужно. К несчастью, большинство не знакомо с русс<ким> языком. В редакциях журналов, однако, русский знают и дают иногда рецензии о русс<ких> книгах. <...>

Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ
14 мая 1909. Верный¹²⁹

После того как 8-го мая я отправил Вам мое последнее письмо, я получил письмо от сына¹³⁰ с копией из моего письма к нему с тремя вставками в это письмо, сделанными Вами; с двумя первыми вставками я вполне согласен, а с третьей я не могу сказать, чтобы

не был согласен, но она требует некоторых объяснений. У меня сказано (если исключить все вводные) так: «только достигнув всеединства, мы можем войти в единство с Богом, стать Его сыном», — а Вы к этому прибавили — «не переставая быть человеком, т. е. не равным Богу, не тождественным с Ним»; и это совершенно верно — человек войдет в единство с Богом, *не переставая быть человеком*, подобно тому, как Христос, *не переставая быть Богом* — Сыном Божиим, во всем равным Богу Отцу, — стал и истинным человеком, не умалив чрез это нисколько своего божественного достоинства. Из церковных же песнопений мы знаем, что Христос вознес наше человечество одесную Бога Отца, что Христос *обожил нас*. Если все это есть в церковных песнопениях, то это значит, что это признается церковью *за истину*. Что же касается тождественности с Богом, то и Сын и Дух Святой — не тождественны с Богом Отцом, тождественность — это слияние, это — смерть, а Бог есть жизнь. Я не настаиваю и на равенстве, желал бы вечно остаться рабом Божиим, но желал бы одного, чтобы быть таким рабом, который был бы *едино* с Богом, как об этом и молился Спаситель Наш; ради чего Он и приходил на землю, Сам стал человеком, принял все человеческое, *кроме греха*, чтобы и в нас, *сохранив все человеческое*, исключить все греховное; и когда все греховное будет из нас исключено, все последствия греха будут уничтожены, тогда только мы, оставаясь такими же людьми, как и теперь, — *кроме греха, который в нас живет теперь*, — тогда только мы будем едины с Богом. А будем ли мы тогда с Богом равны или не равны, — в сущности, это идеология, для нас в настоящее время неразрешимая, а потому могущая вызывать только на споры, поселять разъединение, вражду, т. е. не приближать, а удалять нас от Бога.

У Николая Федоровича есть по поводу этого, на страниц<ах> 724 и 726, следующее: «Обращение дарового в трудовое, принудительного в добровольное и есть задача школы, ибо труд есть высшая добродетель, уподобляющая нас Богу, создавшему все из ничего. Безусловно добродетель эта принадлежит только Богу, Который творит из ничего, — творение из ничего есть безусловное отрицание дарового». «Творить из ничего человек не может, а Творящий из ничего может, конечно, чрез него, чрез человека, воссоздать и создать *все*. Превращение дарового в трудовое и есть осуществление цели, блага, добра, Царства Божия, бессмертия, воскрешения»¹³¹. — При единстве Бога и человеческого рода как говорить, что воскрешение — дело Божие, а не человеческое, как говорить, что в Священном Писании, — ясно будто бы свидетельствующем о безусловности страшного суда, — ничего не говорится о воскрешении; а между тем у ап. Павла говорится — «как смерть чрез человека, так чрез человека и воскресение мертвых» (1 Кор. XV, 21),

в Евангелии же Иоанна говорится — «и на суд не придет, но придет от смерти в живот» (V, 24), — как это возможно при безусловности Суда, на который должны явиться все, без всяких исключений?!.. Я не знаю, как Вы об этом думаете, но так говорил моему сыну г-н Новоселов, сказавший между прочим, что христианство *иррационально*. — Чем я больше узнаю о г-не Новоселове, тем страннее он мне кажется. Был толстовцем, стал христианином; сделавшись христианином, боится читать книгу Никол<ая> Федор<овича> из-за ее рационализма, и в то же время издает философско-религиозную библиотеку, т. е. хочет рационально изъяснить то, что, по его мнению, иррационально. Но если исповедуемое Новоселовым христианство боится разума, то, очевидно, это христианство — нечто жалкое, а не истинное христианство; истинное христианство разума не боится, оно в высшей степени разумно, как это признается и церковью в песнопении — «Рождество твое, Христе Боже наш, воссия миру Свет *разума*»¹³². Этот же г-н Новоселов в доказательство безусловности страшного суда привел слова одного врача, сказавшего, что если бы не было страшного суда, то он, *врач*, не принял бы христианства. Ну как же с этим быть? Неужели, чтобы удовлетворить этого врача, надо признать, что страшный суд — не угроза младенчеству человеку, а то, что неизбежно будет, хотя бы люди и вышли из младенческого состояния, хотя бы и достигли совершеннолетия. Для этого врача многое еще окажется непонятным в учении Христа, непонятным окажется радость об одном грешнике больше, чем о 99 праведниках, притча о рабочих, получивших за один час работы одинаковую плату с трудившимися целый день, непонятным окажется всякое помилование грешника, преступника, непонятно будет ему значение «*милости хочу, а не жертвы*», как непонятно, что милость и любовь больше, неизмеримо больше *правды*, которая может быть и жестокою, страшно жестокою. А жестокость может ли быть совместима с понятием о Боге, который есть любовь, милость, всепрощение... А известная проповедь Златоуста¹³³ покажется этому врачу совсем бессмыслицею. Все это свидетельствует лишь о том, что врач, произнесший такое жестокое и неразумное слово, — что он не принял бы христианства, если бы не было страшного суда, — что врач этот еще младенец, для которого еще неприемлема твердая пища и он может питаться лишь «*млеко*», по выражению апостола Павла. И как мог отнестись иначе к этому странному, в высшей степени самонадеянному, чтобы не сказать наглому, заявлению этого врача г-н Новоселов, считающий нужным учительствовать. Чему же может учить г-н Новоселов, если не может разобраться в таких простых вещах. А он учит своей религиозно-философской библиотекой не грамотных ребят, как я в своей школе, а людей уже достаточно про-

свещенных. Иррационально не христианство, а толстовство, и любитель иррационального г-н Новоселов не возвратится ли опять в толстовство, и тогда время, которое он был христианином, представится ему лишь временным заблуждением. Толстой — такой же любитель иррациональности, как и Новоселов, что, между прочим, видно из письма Сергеенки, которое я приложил к моему последнему письму, посланному Вам в Крым. Все это, впрочем, идеология, которая только разделяет, — самое лучшее к ней не обращаться, а обратиться к делу, к общему делу, которое все соединит, а дело это, кроме издания произведений Н-лая Ф-ча, *учительство*, но не проповедь к учащейся молодежи, которая — я уверен, зная эту молодежь, — останется бесплодною. Для Вас особенно настает время необходимости учительства — необходимость учить Ваших детей, и эту обязанность Вашу Вы, вероятно, уже не обратите в денежную повинность, не переложите на других, имея возможность устроить для Ваших детей целое учебное заведение, но не в Москве, конечно, а в Козлове, напр<имер>, где у Вас, верно, обширный сад, или же на Исаре, а может быть, там и тут для разных времен года. Вот это будет настоящее дело, этим Вы положите начало действительному осуществлению учения Н-лая Ф-ча, т. е. учения Христа, так как Н-лай Ф-ч ничего не говорил, что бы не заключалось в учении Христа.

Простите, если я огорчу Вас этим письмом, но я считал долгом сказать то, что думаю. Юлия Владимировна Вам кланяется, а я прошу засвидетельствовать мое глубокое почтение Марье Григорьевне и Анне Васильевне.

Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ

4 июля 1909. Верный

Глубокоуважаемый
Владимир Александрович!

В высшей степени тяжело мне отвечать на Ваше письмо от 1-го июня¹³⁴, поэтому и не мог приступить до сих пор к ответу. Как трудно людям в чем-либо согласиться! Вот мы двое, в руках которых тот *бисер*, ради которого, казалось бы, надо все оставить, от всего отказаться, лишь бы сделать его, этот бисер, достоянием всех, и мы оказываемся ни в чем не согласными. Неужели даже для того, чтобы только приступить к общему делу, нужно прежде полнейшее разделение, такое, к которому приводит смерть, подобно тому, как зерно пшеничное, пад на землю, еще не умрет, то едино пребывает, а еще же умрет, мног плод сотворит?! Как Вам могло прийти в голову, что я становлюсь защитником так называемых интеллигентов? Я их слишком хорошо знаю, чтобы защи-

щать их, и они несравненно ярче, чем в «Вехах», очерчены еще Герценом; прочтите это изображение хотя бы в статье Глинского «Крамола, террор и реакция» в № 4-м «Историч<еского> вестника» за нынешний год. Вы, конечно, это изображение давно уже читали, но вновь его прочитать, особенно после «Вех», — весьма поучительно. Я не защищаю интеллигентов, но нахожу, что авторы статей в «Вехах» те же интеллигенты, но только худшие из интеллигентов; из писаний этих господ видно, что они и не думают отказываться от *credo* интеллигентов, заключающегося в том, чтобы разбить самодержавие, которое будто бы препятствует нашему эволюционированию, в надежде, что бессмысленная, слепая эволюция приведет нас ко всему, что нужно. Авторы «Вех» — предводители интеллигентов, натравливавшие их на бунт, и после неудачи бунта обрушившиеся на предводимых ими. Это было бы похоже на то, если бы Куропаткин, после постигшей его неудачи в Манчжурии¹³⁵, стал ругать бывших под его командой солдат; к чести Куропаткина надо сказать, что он говорил — вероятно, говорит и теперь, — если с такими солдатами, как русские, не будет победы, то винить нужно не солдат, а предводителей их. Авторам «Вех» нужно было не обличать интеллигенцию, а, признав свою полную солидарность с интеллигенцией, принести раскаяние в том, что ими совершено. Только такое покаяние имело бы цену, оно наилучшим бы образом подействовало и на интеллигенцию. Обвинять же других, обвинять своих — что может быть хуже этого? И кто же обвиняет? Те самые, которые вели неудачников на их отчаянное дело!.. Ведь авторы «Вех» — профессора, и это они именно внушили эти верования, которые привели к бунту, и от них зависело расширить кругозор своих учеников. И все они самые непримиримые враги того дела, к которому призывает Н-лай Ф-ч, они именно внушили вражду к этому делу и интеллигентам, не прямо, конечно, а косвенно, своими учениями, совершенно противоположными призыву к общему всех делу. И почтительно, нечего сказать, отнесли их к учению Н-лая Ф-ча, назвав писания его *корявыми*¹³⁶. Если бы они действительно были загронуты этим учением, то, ссылаясь в своих «Вехах» на Юркевича, Лопатина, Соловьева и других, они весьма могли сослаться и на Н-лая Ф-ча; решившись же на это, их *Вехи* преобразились бы, стали бы другими, они обратились бы именно в покаяние, а не в осуждение других, исполнявших только волю авторов «Вех». Я не верю искренности авторов «Вех», я не вижу в них совести, объединение же с ними возможно лишь после того, когда они принесли бы покаяние во всем, содеянном ими, о чем они и не думают.

Что касается Мережковского, то я остановился было на нем, потому что он верит в Христово воскресение. Но оказывается, что и вера в воскресение Христово не делает еще последователем Хри-

ста, что и верующий во Христа может идти не за Христом, а за антихристом. Что делать, я на многих возлагал надежды, но — увы — до сих пор остаюсь одиноким. Не я только, но и Вы думали о Мережковском иначе, чем он оказался; Вы находили, что хорошо бы было послать Мережковскому мою статью, которую не сочли возможным послать в Харьков, к знакомому Вам профессору, члену государственной Думы, издающему в Харькове *правый* журнал, названия которого теперь не припомню, но могу припомнить и фамилии профессора, хотя он и очень известный человек¹³⁷.

О Новоселове я сужу по тому, что узнал о нем, — весьма возможно и ошибочно. Во всяком случае, признание им христианства иррациональным свидетельствует, что он еще весьма далек от того, чтобы прийти в разум истины. На мое указание, что Рождество Христово воссияло свет разума, Вы пишете, что сами напечатали на этот текст целое Рождественское Слово; это Вам не помешало, однако, тотчас же прибавить, что «и по рассуждению, и по жизненному опыту» Вы должны признать «сверхразумность христианства во многом и многом». Но в чем же именно, Вы не говорите; для меня в высшей степени было бы интересно узнать хоть что-нибудь, что в христианстве сверхразумно; я ничего такого не знаю и считаю христианство в высшей степени разумным, разум же признаю самым высшим, самым величайшим из всего, что есть. В разуме и истина, и красота, а в этом и *благо*. Если бы и нашлось что в христианстве такое, которого в настоящее время мы не могли бы *уразуметь*, то это свидетельствовало бы не о *сверхразумности* христианства, а о том, что мы еще в *разум истины* не пришли. «Сверхразумность» — так же искусственна, как и «сверхчеловек», и «сверхразумное» тождественно, по моему мнению, неразумному и безумному.

Переходя к Вашему ответу на мое письмо от 14-го мая, я должен напомнить Вам, что в церковных песнопениях, на которые я указал в письме, говорится не только, что Христос вознес наше человечество одесную Бога-Отца, но и что Христос *обожил нас*; а это выражение делает уже несомненным, что Христос, вознося именно *наше* человечество одесную Бога, делал это не для *Себя*, а ради нас. Впрочем, если бы и не было этого выражения «обожил нас», то и в таком случае было бы ясно, что, вознося *наше* человечество одесную Бога, Христос не мог, Ему незачем было делать это для *Себя* — Он делал это только ради нас, ибо и на землю приходил только ради нас; а если наше человечество вознесено Христом только в Своем лице, как Вы говорите, то потому же, конечно, почему и воскрес только Он и не наступило еще всеобщее воскресение. Впрочем, повторяю, что не только не настаиваю на равенстве, но и считаю невозможным даже говорить об этом, и не потому, чтобы считал этот вопрос неважным, а потому, что счи-

таю его теперь для нас неразрешимым, вопрос этот разрешится лишь тогда, когда, по молитве Спасителя Нашего, мы будем едины с Богом, будем совершенны, как Отец Наш Небесный совершен. Зачем же мы теперь будем заниматься этим неразрешимым для нас в настоящее время вопросом: не для того ли, чтобы иметь еще лишний повод к спорам и раздорам, как будто без этого у нас мало споров, раздоров и всякого рода несогласий.

Прошу извинить меня за непрошенное указание дела, которое могло бы объединить нас, несмотря даже на различие в наших мнениях. Если я и позволил себе сделать это указание, то лишь в надежде закрепить наши отношения, так как я боюсь, что наше разномыслие наконец прервет их. — Говоря об устройстве двух школ в Козлове и на Исаре, я не предполагал, что в этих школах будут и другие дети, кроме Ваших. Под школами я разумел те приспособления, которые необходимы для обучения Ваших детей: метеорологические станции, астрономические вышки, физические и химические кабинеты и т. п. Я не думал также, что Вы одни будете учить Ваших детей — помощники в этом деле необходимы, — я думал только, что во всем, чем будут заниматься Ваши дети, и Вы будете принимать участие.

Что касается педагогических способностей, то я не знаю, есть ли такие хоть у кого-нибудь; если же и есть, то это явление исключительное, а учить надо всех, как и всем надо быть учителями. Недавно был 2-й психологический съезд, в котором принимали участие и педагоги, и одну из главных ролей играл там известный профессор Бехтерев¹³⁸, очевидно, не чуждый педагогии и, нужно думать, даже способный педагог. И этот-то профессор Бехтерев говорил, что в учебных заведениях необходимо не *учить* только, как это ныне есть, но и *воспитывать*. Прочитав это, я подивился, — неужели такой человек, как профессор Бехтерев, не знает, что всякое *научение* воспитывает, что нельзя учить, не воспитывая, и что нет другого способа, другого средства для воспитания, как научение. Разве воспитание не научение и научение не воспитание, — научение и воспитание неразрывно между собою связаны. Разве, например, сведение, что Бога нет, не воспитывает? Да и всякое даже техническое знание, развивая наше уменье, делая нас сильнее, не может не действовать на нас и воспитательно.

Что касается моего начинания, то я боюсь за него, потому что оно держится на таком непрочном основании, как моя личность, а мне уже 66-й год. Кроме того, теперь я содержу на собственные средства (плачу за квартиру, отопляю, приобретаю учебные пособия и проч.) эту школу¹³⁹, в которой 12-ть человек учащихся, я сам и учу их, но расширить школу я уже не могу, я должен буду навсегда остаться при этих 12-ти человеках и начинать сначала, когда они кончат свое образование. Средств на расширение шко-

лы, на то, чтобы по окончании года принять новых учеников и пригласить для занятий с ними учителя, я не имею и неоткуда их получить. Нет средств и на постройку школы, с постройкой которой нашлись бы, вероятно, средства и на содержание ее помимо моих. Я предназначил было на постройку школы выручку с моей брошюры «Переписка с Толстым»¹⁴⁰, но она напечатана всего в 150 экземплярах и продается по 15 коп., да и разошлась здесь всего в 60-ти экземплярах, кроме разосланных мною даровых; не найдется ли кто (может быть, Новоселов) переиздать эту брошюру с тем, чтобы чистая выручка за нее пошла на постройку школы при храме Введения в г. Верном? И вот еще беда — после открытия школы 2-го февраля я начал болеть, болел в конце февраля и проболел дней десять, — в это время в течение нескольких дней заменял меня в школе законоучитель; затем заболел в начале мая. Но тут учения я не прерывал, перемогался; и наконец заболел 23 мая и в этот раз так, что в течение недели почти не вставал с постели, а затем едва оправился к 20-му июня, и школа все время оставалась без учителя. Моя мысль была не прерывать учения и летом, но болезнь, прервав учение, вынудила меня прерыв этот продолжить до 1-го сентября; впрочем, с началом полевых работ половина учеников перестала посещать школу.

Относительно Вашей проповеди взрослой молодежи¹⁴¹, — я должен признаться, что не ожидаю от нее успеха, потому что хорошо знаю эту молодежь, которая постоянно проходит передо мною в лице товарищей моих детей, мужского и женского пола; знаю ее и по себе, так как, когда был молод, принадлежал к этой же бунтующей молодежи, которая с тех пор ни на одну, можно сказать, черту не изменилась; и знаю, что Ваша проповедь ни на меня, ни на моих сверстников никакого действия не произвела бы. Нам нужно было указание дела, общего дела, для дела мы готовы были жертвовать всем. Вы же, проповедуя, никакого дела не указываете и даже, что для меня в высшей степени странно, никогда не упоминаете о призыве к делу, который делает Н-лай Ф-ч в своей книге, и о нем Вы всегда молчите, за исключением, конечно, Вашей книги, специально ему посвященной, которую прочтут весьма немногие уже потому, что ее купить нельзя, и потому, что она велика. Вы думаете, что для призыва к делу, о котором говорит Н-лай Ф-ч, нужна *подготовка*? В этом случае я с Вами совершенно не согласен, и та подготовка, которую Вы разумеете, не только не приближает к делу Н-лая Ф-ча, а напротив, отдаляет от него; например, присланная Вами брошюра «Исповедь Атеиста»¹⁴², в которой Вы также ни словом не обмолвились о Н-лае Ф-че, а между тем как много можно было бы привести по поводу Ле-Дантека из Н-лая Ф-ча. Прочтите, например, на стр. 219 примеч. 5-ое, а также то место на стр. 142-й, к которому сделано это примеча-

ние; и Вы увидели бы, что Ле-Дантек, в сущности, не атеист, а человек знания, не выражающегося, не переходящего в дело, для которого все лишь *вопрос*, т. е. Ле-Дантек из людей нашей породы, но последовательнее и добросовестнее других, а это и приближает его к делу, к которому призывает Н-лай Ф-вич. Ле-Дантек приходит в ужас от того, что находится в рабстве у слепой, бессмысленной силы, независимой от нас (стр. 19-я Вашей брошюры), а потому указание на возможность взять в свои руки эту силу, от нас ныне независимую, а потому и бессмысленную, едва ли прошло бы для Ле-Дантека бесследно. Для него как индивидуалиста тотчас же представится несоответствие сил, конечно; но указание на объединение рода человеческого, разрешающее все проблемы современной общественной жизни и в то же время делающее из рода человеческого силу, которой нельзя будет отказать в соответствии с теми силами, которые надлежит взять нам в свои руки, также не может не произвести впечатления на Ле-Дантека. И мне казалось бы, что именно с ним следовало бы снестись, — Ле-Дантек мог бы быть великим приобретением для общего дела. Не зная французского языка, я лишен возможности снестись с Ле-Дантеком. По поводу статьи Вашей — «Исповедь атеиста» — у меня множество мыслей, но в письме всего не выскажешь.

Возможно, впрочем, что все эти мысли, как и все изложенное в этом письме, Вам покажется и опрометчивым, и ужасно неосторожным, какими показались Вам мои письма, на которые Вы отвечали 1-го июня, — но что поделаешь, вероятно, я и умру опрометчивым и неосторожным, в мои годы трудно измениться. Вам не понравилась и моя решительная формулировка верной по существу мысли в письме к Кузнецову¹⁴³; но решительность формулировки имеет и хорошую сторону, она устраняет возможность недоразумений, видно человека сразу, и сразу делается ясным, можно и нужно ли иметь дело с таким человеком или же нет.

Во всяком случае, я прошу извинить меня за это письмо, если оно огорчит Вас, — огорчать Вас мне совсем не хотелось бы. Юлия Владимировна кланяется Вам и я покорнейшей прошу засвидетельствовать мое глубокое почтение Марье Григорьевне и Анне Васильевне. Глубоко Вас уважающий и душевно Вам преданный Н. Петерсон.

4 июля 1909 г.

Не откажитесь послать моему сыну Михаилу Вашу брошюру «Исповедь Атеиста» в г. Нижний Ломов, Пензенской губ. в дом Добротиной; если Вы не исполните этой моей просьбы, мне придется послать свой экземпляр.

Когда будете в Москве, не забудьте сообщить мне точное название Вологодской географии и укажите, откуда я могу ее выписать.

В. А. КОЖЕВНИКОВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ

20 сентября 1909. Исар

Исар. 20 с<ентября> 1909

Глубокоуважаемый Николай Павлович!

Вы не ошиблись, предположивши, что Ваше письмо от 4 июля с<его> г<ода> огорчит меня! Оно настолько меня огорчило, что я решил не отвечать на него, не потому чтобы обиделся на что-либо, а именно потому, что слишком огорчился содержанием его в главных мыслях, а также и резкими и, по моему убеждению, несправедливыми приговорами над несколькими очень мною уважаемыми и любимыми людьми, которых Вы, конечно, по незнанию их ближе, не только свалили в одну кучу с типичными интеллигентами, но и сочли их за «гораздо худших и более вредных», чем таковые. Огорчили, наконец, и Вашим, не раз уже высказывавшимся мнением, будто в неуспехе учения Н. Ф-ча в значительной степени виновен я: то безучастием и ленивым отношением к нему, то излишнею осторожностью (вернее — трусливостью), либо уклончивостью (вернее — двоедушием?), замалчиванием и еще разными иными грехами. Да! Вы правы в том, что расхождения во мнениях относительно способа действий у нас велики; есть расхождения и во взглядах на само учение и в оценке его значения. Но все это не дает ни оснований, ни права отрицать во мне главное в данном случае, а именно: искреннюю и глубокую любовь к учению Н. Ф-ча (с какими бы оговорками я ни принимал его) и добросовестное старание потрудиться на пользу проведения его в общественное сознание своим посильным словом, устным и печатным (первым, разумеется, несравненно чаще, чем вторым, ибо совершенно лишен Вашей способности трактовать столь сложную и для непосвященных столь трудную тему кратко, попутно и встречно, так сказать, «оппортунистически»). Я полагаю, что, несмотря на сказанные различия, нам нет никакого основания прекать друг друга и еще менее — сердиться друг на друга, как нечего из-за *наших* расхождений отчаиваться в самом деле. Надо сознать, что препятствия и промедления, непонимание и непринятие, равнодушие и противодействие вызваны здесь не нами, а целым рядом причин, крупных, важных и от нас двоих не зависящих.

В Вашем же письме ясно проведен взгляд совсем иной на вышеуказанное, и чувство недовольства моим образом действий и мыслей сквозит слишком явно, а местами и прямо выражается. Я, повторяю, за это *ничуть не в обиде, но огорчаюсь несомненно*, и потому, отчаявшись разубедить Вас, решил молчать на Ваше то письмо, что и исполнял, пока вновь пришедшее письмо (с письмом Вашим к Толстому) не заставило меня прервать молчание, и вот —

пишу Вам и откровенно излагаю причину молчания. Но в силу вышесказанного, а также и по сложности вопросов, затронутых в 1-м письме, не решаюсь вновь пускаться в ответы на них по существу: в письме кратком этого не сделать. Возьмем, напр<имер>, хотя бы вопрос о разумности и сверхразумности Христианства. Мы здесь очень разнимся в убеждениях. Вы, в обоих письмах, доказываете мне *разумность* Хр<истианст>ва и попрекаете меня моим признанием «многого сверхразумного» в нем же. Но доказывать 1-е совершенно излишне, ибо, повторяю, в разумности Хр<истианст>ва я не думаю сомневаться; а вот то меня удивляет, что Вы (выражаясь Вашими подлинными словами) «ничего не знаете *сверхразумного* в Христианстве». Я же убежден, что в нем сверхразумного не только много, но что это многое есть, пожалуй, самое существенное в Христианстве, специфически ему свойственное. Такие пункты, как Боговочеловечение в лице Христа, Искупление рода человеческого от греха Крестным подвигом Спасителя, действие Благодати спасающей, из веры в Искупителя и Спасителя исходящей (да и это ли одно!), — все это не противоразумно, т. е. не противно принятию разумным существом, и в этом смысле — разумно, но вместе с тем это и — сверхразумно, потому что *одними естественными силами и ресурсами разума* тайны божественные эти, тайны природы и сущности Христа и Его процесса спасительного в нас, постигнуты быть *не могут*, в своих объяснениях *помощью только разумных* (из разума исходящих) данных, посылок, выводов и умозаключений: эти истины для своего восприятия требуют силы не противоразумной, не неразумной, но более чем разумной (в человеческом смысле), что и обозначается общепринятым у отцов Церкви и апологетов термином, — силы сверхразумной, каковая и есть *вера*, начало, не враждебное разуму, но самостоятельное от него, самобытное, имеющее происхождение из источника благодати Божией, т. е. из области не того же самого естественного порядка, к которому относятся данные и выводы разума в его по кр<айней> мере *теперешнем* состоянии, несовершенном, по греховной природе теперешнего человеческого организма.

Признавая, вместе со всею, так называемую, правоверную христианскую философией, или теологией, это различие между неразумным, противуразумным, разумным и сверхразумным, я уже и раньше, а за нынешний год в особенности имел случай с прискорбием убедиться, что у людей положительно-религиозно настроенных и, в общем, расположенных во многом к учению Н. Ф-ча, крупным препятствием к принятию его целиком оказывается как раз опасение, связанное с только что обсуждавшимся вопросом: должно ли Христианство быть признано *только разумным?* или же и *сверхразумным?* Лица этого рода, в силу вышеизложенных

соображений о сверхразумности некоторых основных истин Хр<истианст>ва, опасаются, *не есть ли учение Н. Ф. — гениальная и по-своему совершеннейшая попытка настолько рационализировать Хр<истианст>во, что из него этим путем устранится или же из чудесного и божественного претворится в естественный и человеческий процесс сверхъестественное, чудесное начало искупления и спасения Божественною, благодатною силою?* В осязательной, конкретной форме вопрос этот они применяют и к дилемме: воскресение или воскрешение? Каждый раз, как заходит речь об этом сомнении, в 1-й ли (общей) форме или во 2-й (частной), я стараюсь доказать им, что Н. Ф. был искреннейший христианин не только по жизни, но и по своим убеждениям; что сам он себя считал несомненно за христианина и иным кем-то быть не хотел. Они нимало этого его мнения о себе и убежденности его в этом не оспаривают, но не могут признать, чтобы такое его самоопределение было верно, если только считать, что учение его есть опыт установления Хр<истианст>ва в вышеизложенном смысле. Если это так, говорят они, то оказывается, что, сам того не сознавая, Н. Ф. выходил уже за пределы Хр<истианст>ва в его установленном и Церковью вселенскою (в учении ее) принятом смысле, так как (опять-таки — сам того не замечая) он полагал существенное в процессе спасения человечества не в акте Божественном (в Искуплении Христом и Благодатью), а в акте всечеловеческом — в общем деле (в известном смысле Н. Ф-ча). После такого замечания я всегда стараюсь убедить их, что они так думают по незнанию учения Н. Ф., так как в нем не отрицается акт Божественный и действие Благодати. На это они отвечают: «Не спорим относительно того, чего не слышали из уст Н. Ф-ча и не читали в 1-м томе его; но из содержащегося в напечатанном мы видим подтверждение наших сомнений, а не Вашей защиты, ибо в 1-м томе об Спасении Человечества самим Богом (в Искупительном акте Христа) и Благодатию говорится и мало, и бледно, и не в этом, видимо, полагает автор центр тяжести своего учения, а в процессе человеческого совершенствования нравственного и умственного, в чем и видит он действие Благодати (в осуществлении воли Отца), которая-де (по Н. Ф-чу) является в наибольшем смысле *содействующею* силою во всем процессе, *а не основною, изначальною* и существеннейшею». Как бы Вы не прогневались на меня за сейчас следующие слова, а все же я принужден сознаться, что доселе напечатанное (а ведь это — главное!) из Н. Ф-ча в значитель<ной> степени дает повод к такого рода сомнениям, хотя (смею оговориться) сам Н. Ф. думал иначе и был убежден, что повода к такому искушению он не подал. Считаю Н. Ф-ча христианином *вполне* по жизни (за исключением мелких вспышек страстей (напр<имер>, гнева, несправедливости), которых, думаю, он не сумел победить, потому

что не сочувствовал аскетике и чужд был ее дисциплине *духовной*), я считаю его и в его учении христианином *чрезвычайно высокого типа, но тем не менее — типа, не совпадающего с установленным жизнью и учением первохристианства церковным, «правоверным» типом христианина.* Этим я ничуть не порицаю и не осуждаю, а только определяю, и стою на том, что для приурочения учения Н. Ф-ча к Хр<истианст>ву в установленном церковным учением смысле пришлось бы доказывать, что Н. Ф. приписывал непосредственному Божественному действию (Искуплению Христом и благодатию) несравненно большее значение, чем сколько можно заключать по выраженному в писаниях Н. Ф-ча. Это обстоятельство было мною не раз указываемо и самому Н. Ф-чу при беседах с ним. В этих последних я получал то же впечатление о том, что для него действие благодати являлось *скорее вспомогательным, нежели основным* в процессе спасения. Так, однажды на мое замечание о трудности задачи (общего дела) для сил только человеческих, он с добродушной усмешкою ответил: «Но ведь надо же принять во внимание и то, что Бог поможет!» Как бы то ни было, а мне постоянно приходилось до сих пор перед читателями, которые не могут отрешиться от церковного понимания Хр<истианст>ва, отстаивать присутствие истин сверхразумных в христианстве так, как его понимает Н. Ф., и этим отстаивать и его, так сказать, *правоверность.* Но вот Вы как раз по поводу этого существенно важного для судьбы учения Н. Ф-ча вопроса объявляете решительно, что *в самом Хр<истианст>ве* (независимо от истолкования его Н. Ф-чем) нет ничего сверхразумного, что «Вы такового *ничего* не знаете». Вместе с тем, признавая понимание Н. Ф-чем Христианства за правильное понимание Хр<истианст>ва вообще, Вы, eo ipso, и в учении Н. Ф-ча отрицаете возможность включения чего-либо сверхразумного (применительно к Хр<истианст>ву). Выходит таким образом, что по отношению к лицам, взгляды коих я излагал, Вы отдаете его учение, с этой стороны, прямо под удары их возражения против этого учения как расходящегося с общепринятым (церковным) пониманием Христианства. Это обстоятельство очень серьезно и его следует выяснить: таково ли действительно Хр<истианст>во, по учению Н. Ф-ча, как Вы его понимаете, когда говорите, что в нем нет ничего сверхразумного? Если это так, придется признать, что система Н. Ф-ча есть действительно (хотя бы и несознаваемая им самим и Вами) *попытка рационализировать и гуманизировать супрарациональную и божественную сторону Хр<истианст>ва,* и тогда на принятие этого учения христианами церковного образа мыслей надежда будет потеряна и прибавлю (как это ни больно!) — с основанием. В таком случае я и сам бы отказался от учения Н. Ф-ча, если было оно таково, как Вы думаете по вопросу о сверхразумности. Но спешу добавить: я убежден, что Вы ошибаетесь и дважды ошибаетесь: во

1) ошибаетесь в том, что в Хр<истианст>ве нет ничего сверхразумного, а во 2) в том, что Н. Ф. думал так же, как Вы об этом пункте и что поэтому и в его учении нет места сверхразумному. Я же полагаю по обоим пунктам противоположное Вам и этим утверждением стараюсь в беседах с вышеуказанными людьми убедить в согласности учения Н. Ф-ча с церковным учением о Хр<истианст>ве. Но для этого надо не обострять и не подчеркивать рационалистическую (а через это и секуляризирующую) тенденцию учения Н. Ф-ча, а наоборот, смягчать ее и выдвигать и развивать его религиозизирующую сторону, т. е. его способность вместить в себя основную сверхразумную истину Хр<истианст>ва: *Искупление Христом и действием благодати.* Вы же уже не раз подчеркивали, и резко, расхождение Н. Ф-ча с церковным учением (напр<имер,> по вопросу об условности Суда, о богоуподоблении человека, об аскетизме...), и это, повторяю, — крайне опасно! Если бы Вам удалось доказать несогласность положений Н. Ф. с церковным вероучением или (чтобы избежать этого) если бы Вы настаивали как на необходимом на истолковании самого Хр<истианст>ва в смысле, не совпадающем с церковным взглядом на Хр<истианст>во (как в данном случае — отрицанием его сверхразумной стороны или растворением оной — в чисто рационалистическом элементе, что всегда (исторически) приводило к атрофии специфического начала в Хр<истианст>ве), тогда — знайте это! — учение Н. Ф-ча было бы обречено на провал, ибо, как оно ни ценно, христиане церковные, держащиеся учения апостолов, отцов Церкви, исповедников, мучеников и всего сонма угодников Божиих, не могут променять своего священного предания даже на все жемчужины Н. Ф., ибо бесценный бисер Христос и Его учение — еще дороже! Повторяю — для меня такой страшной дилеммы нет, а следовательно, нет и такой опасности (для меня) по отношению к учению Н. Ф-ча. Я считаю его согласным с вероучением традиционного Хр<истианст>ва, но для этого надо признать, что в нем (в учении Н. Ф-ча) не все, сюда относящееся, достаточно ясно и полно высказано; надо сознаться, что хотя в нем участие акта Божественного в процессе спасения человечества не исключено, но что, сравнительно с участием самого человечества в том же процессе, акт Божественный выяснен недостаточно, выражен не с должною силой, что и подает многим добросовестным и вдумчивым людям повод опасаться учения Н. Ф. как несознаваемой самим мыслителем тенденции в сторону замены действия Божественного действием человеческим, чудесного — естественным, сверхразумного — чисто рациональным. Опасность эту сам Н. Ф. хорошо сознавал и многократно высказывал опасение, что его сочтут за атеиста (так — по поводу Черногубова¹⁴⁴), и прибавлял, что впасть в это заблуждение о нем вовсе не трудно (подлинные его

слова в неоднократных беседах со мною и даже — главный мотив передачи им рукописей в мое ведение во время предсмертной болезни). Мне очень бы хотелось изложить Вам, в каких трагических чертах выразились те же опасения у двух талантливейших людей, признавших с полною искренностью, что учение Н. Ф-ча влечет их к себе с почти непреодолимою силою и в то же время страшит их как «гениальнейшее искушение веры разумом», искушение потому именно и столь опасное, что оно исходит из наилучших намерений, не сознается (если только опасение справедливо!), кажется, и самим автором и, при вполне последовательном и решительном развитии своем, приведет к подчинению начала религиозного (божественного, чудесного) началу научному (человеческому, естественному), атрофирует самобытную силу веры, разложивши ее в рассудочное Знание, и таким образом подменит Христианство Христа, апостолов и Церкви рационалистическою и (вопреки желанию и намерению автора) гуманистическою системою в новом смысле (сравнительно с прежним рационализмом и гуманизмом), но более радикальною, чем предыдущие попытки заменить сверхъестественное естественным и божественное человеческим. Но сейчас уже нет времени и места для дальнейшего развития этих мыслей. Я счел нужным изложить Вам этот, как я считаю, наиважнейший пункт сомнений относительно применимости учения Н. Ф-ча с церковно-христианскою точки зрения, ибо не только для лиц, о которых я упоминал, но и для меня самого, да и вообще, я полагаю, этот пункт — есть первый в судьбе учения Н. Ф-ча, *conditio sine qua non*¹⁴⁵ его жизненности. Прошу Вас неспешно и безгневно обдумать вышеизложенное и объективно ответить мне, а кроме того (так как мало в данном случае комментария чьего бы то ни было, а нужен подлинник), прошу Вас (как лучше меня знающего теперь Н. Ф-ча) дать мне список тех его выражений (с указанием страниц), где он наиболее ясно и сильно признает, во-первых, присутствие сверхразумного в Христианстве, а во-вторых — божественное действие актов Искушения Иисусом Христом и Его благодатию в процессе спасения человечества. Это положительно необходимо обоим нам для самоуяснения, а затем и для внешней полемики и апологетики учения: надо выяснить, так сказать, *maximum* данного в этом отношении Николаем Ф-чем в его подлинных речах и писаниях. — Простите бесконечную длину письма: она вызвана важностью вопроса, и я даже сожалею, что не имею времени списать копии с этого моего письма, вследствие чего прошу Вас сохранить его. — Большое спасибо Вам за Ваше энергичное письмо к Толстому¹⁴⁶. Оно резко написано, но — по заслугам и бьет не в бровь, а в глаз, Но Т<олстой> безнадежен, и на него никто и ничто не воздействует!

Очень мне грустно было прочитать, что Вы стали прихварывать и что нездоровье отозвалось на Вашей школе; впрочем, и помимо того, это дело весьма трудное и одному вести его или с малою постороннею помощью едва ли возможно.

Относительно переиздания Вашей брошюры Новоселовым я переговорю с ним, но не имею надежды на то, чтобы он взялся за это: его средства издательские и силы целиком отданы его «Рел<игиозно>-филос<офской> библиотеке», а толки всякие о Толстом он считает уже вопросом, потерявшим очередное (главное) значение.

Сноситься с Ле-Дантеком, поскольку я его понимаю, было бы совершенно бесполезно: это — неразубедимый, хотя и очень искренний человек.

«Исповедь атеиста» сыну Вашему давно отослал.

Название точное Вологодской географии сообщу по возвращении в Москву, куда думаем прибыть 28 сентября. Тогда надеюсь получить от Мих. Николаевича и статью Вашу (другую) о Толстом, о которой Вы упоминаете в посылаемом письме. Мать, Анна Вас<ильевна>, дети и я сердечно кланяемся Вам. Прошу Вас передать мой поклон глубокоуважаемой Юлии Владимировне. Преданный Вам В. Кожевников. Я все лето был поглощен изучением памятников древне-христианской письменности, Отцов Церкви и пр.

Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ

5 ноября 1909. Верный¹⁴⁷

Вопрос заключается в том, признаете ли Вы необходимым участие человека в спасении от смерти, т. е. в деле воскрешения. Вопрос и в том также, в чем, по Вашему мнению, должно заключаться это участие человека, т. е. в делах ли, которые сами в себе силы, спасающей от смерти, не имеют, а лишь облегчают страдания, каковы — напоить жаждущего, накормить голодного и т. п., и принимаются лишь как заслуга, за которую дается спасение как награда. Или же Вы признаете, что человек *сам строит* свое спасение, что все его дело и заключается в строении этого спасения, в создании Царства Божия, того рая, который и станет его уделом, потому что он сам, человек, создаст его?.. Н-лай Ф-ч, как я его понимаю (а понимать его иначе значит обратиться в ничто все им созданное, все им завещанное), признавал, что дело человека состоит именно в строении своего спасения, — к этому делу он и призывает, в этом только деле, по его мнению, и может объединиться род человеческий во имя Отца и Сына и Св. Духа, т. е. по образу и подобию Пресвятой Троицы. С этим призывом Н-лай Ф-ч и обращается ко всем людям, ко всем смертным, не к верующим

только, но и к неверующим, к признающим действие благодати и отвергающим таковое. Н-лай Ф-ч не сомневался, что сошедшие в одном деле сойдутся в конце концов и в мнении, в мысли, как бы велики ни были их противоречия в этой области сначала. Сам же Н-лай Ф-ч не сомневался в существовании Бога, и Бога Троиственного. Он говорил, что только вследствие измены отцам и братьям, приведшей к измене и *Богу отцов*, возник вопрос о происхождении веры в Бога, когда же произойдет объединение в общем деле, тогда возникнет вопрос о происхождении не веры, а о том, как могло произойти *неверие*. Убежденный, что только дело *всеобщего спасения* от смерти, дело всеобщего воскрешения может объединить людей и в самой мысли, Н-лай Ф-ч и призывает всех смертных к этому делу, ибо дело только объединяет, а диспуты разъединяют, как это мы видим, например, в том, что происходило в Византии, в Константинополе, где диспуты только усиливали рознь, а все роды розни вносили ожесточение в прения¹⁴⁸. Н-лай Ф-ч не сомневался, что мир есть создание Бога, Который, по благодати Своей, создав человека и вдунув в него душу живую, сделал его, человека, душой мира, которая (т. е. душа) есть способность достигнуть совершенства, заповеданного Богом при самом сотворении мира, когда сотворенный мир был отдан в управление человеку (но без достижения совершенства такое управление невозможно), заповедь эта повторена и в словах Спасителя Нашего Господа Иисуса Христа — «будьте совершенны, как Отец Ваш Небесный совершен». Достигнуть же совершенства возможно только при полной самостоятельности¹⁴⁹. Мы будем совершенны, как Отец Наш Небесный совершен, только тогда, когда не будем тварью, а будем существами, сами себя воссоздавшими, тогда достигнем и единства с Богом, тогда осуществится и молитва Господа Нашего Иисуса Христа — «да будут все едино как Ты, Отче, во Мне и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино». Создавая мир, создавая душу мира, т. е. человека, Господь, наш Творец и Вседержитель, вложил в созданное Им все необходимое для такого совершенства (*«для создания ограниченных существ не нужно ни всемогущества, ни всеведения и даже нужно не иметь любви»* — стр. 64—65¹⁵⁰); но человек, душа мира, соблазненный прелестями мира, отдаваясь наслаждению, забывал и забывает о своем назначении быть *орудием Бога* в управлении всего, Богом созданного, направляя это божественное создание к предназначенному ему совершенству. Когда забвение это усиливалось, тогда являлась необходимость напоминать человеку об его назначении, являлась необходимость руководить им, человеком, но так, чтобы не подавлять его самостоятельности, свободы, чтобы не парализовать его самостоятельности. Чем нечестие было, однако, больше, тем и божественное руководство должно было проявляться сильнее, яснее, ярче, отсюда и выражение апос-

тола — когда умножился грех, стала преизбыточествовать благодать (посл. Римл. V, 20). При наступлении же величайшего нечестия, грозившего роду человеческому, а с ним и миру, окончательной гибелью, Господь послал в мир Сына Своего, Господа Нашего Иисуса Христа, Спасителя Нашего, Спасителя потому, что без пришествия Его заблудившийся род человеческий не мог бы уже найти истинного пути. Но и это явление Господа не лишило род человеческий самостоятельности: Христос не сошел со креста и тем не парализовал нашей самодеятельности, по воскресении Он явился сравнительно немногим, а все остальные предоставлены сами себе и свободно могли принять даже веру в воскресение Господа... Н-лай Ф-ч, несомненно, верил в такое божественное руководство, он верил, что Господь Иисус Христос есть Сын Божий, пришедший в мир спасти его от гибели; ради этого Он воплотился, или вочеловечился, через Пресвятую Деву Марию, жил с людьми, пострадал до крестной смерти и воскрес. Можно ли так верующего заподозрить в том, что он отвергает участие благодати в деле нашего спасения?! Кроме того, Н-лай Ф-ч не раз мне говорил, что мы можем не бояться такой катастрофы, как столкновение земли с каким-либо другим подобным телом, катастрофы, которая уничтожила бы землю и род разумных существ, потому что до этого не допустит Создатель мира, создавший мир не для гибели, а для того, чтобы он достиг совершенства. Выражена ли эта мысль в писаниях Н-лая Ф-ча, я не знаю, но твердо помню эти слова его. Так понимал действие благодати в жизни людей и мира Н-лай Ф-ч, по крайней мере я так понимаю Н-лая Ф-ча. При таком только понимании действия божественной благодати и можно было призывать к тому, чтобы *«все сделать предметом знания и всех познающими, не отделяя притом знания от дела, а это значит — не оставить праздную ни одной способности, это значит поставить всеобъемлющее дело на место участия всех в комфорте, на место развития всех способностей, давая им будто бы досугом, но на досуге занимаются тем, в чем нет необходимости, ненужным»* и пр. Это Вы найдете в статье «Библиография», на стр. 681—684. Ставя, таким образом, в основу всего существующего, а следовательно, и в основу спасения божественный акт, акт вочеловечения Христа, его страдания, смерти и воскресения, Н-лай Ф-ч признавал не менее необходимым в деле спасения и действие человеческое: как без акта божественного не могло быть спасения, так немисливо *всеобщее* спасение и без акта человеческого. Прочтите, начиная со слов — «Как понять, как представить, что за воскресением Христа не последовало всеобщее воскресение», стр. 139—144 до пункта г, начинающегося словами — «*Поворотом к делу воскрешения*» и проч., и там Вы найдете, что «воскрешение — действие еще не оконченное, но и не такое, которое имеет совершиться только в будущем; оно не вполне про-

шедшее и не исключительно будущее, — это акт совершающийся (“Грядет час и ныне есть”), Христос ему начаток, через нас же оно продолжалось, продолжается и доселе. Воскрешение не мысль только, но и не факт: как слово, или заповедь, как Божественное веление, оно есть факт совершившийся, а как дело, исполнение, оно акт еще не оконченный, как Божественное оно уже решено, как человеческое — оно еще не произведено». На стр. 309-й говорится, что слово о воскрешении вышло в 1-м веке, как указ, например, об освобождении крестьян 19 февраля 1861 года, но как этот указ и теперь не вполне еще приведен в исполнение — и теперь еще не все расчеты крестьян с помещиками окончены, — так и указ о воскрешении не приведен еще в исполнение. Как крестьяне не даром получают землю (даровое всегда дурно и должно быть выкуплено), так и всеобщее, *вселичное* воскрешение есть дело, труд всего христианства, всех сил, всех способностей человека, т. е. соединенных науки и искусства и проч. Когда же соединятся не только наука и искусство, но и весь род человеческий, то можем ли сомневаться, что тогда будет с нами и Тот, Кто сказал: «Где два или три собраны во имя Мое, там и Я посреди их»; можем ли мы сомневаться, что тогда будет с нами сама благодать. И неужели же без всякого участия благодати делается призыв к такому единению, которое есть условие нашего благодатствования, если можно так выразиться? Прочитав стр. 139—144, стр. 309 и след., скажите, как возможно без возмущения слушать, что язык книги *корявый*, что не в акте Божественном Н-лай Ф-ч полагает *существенное* в процессе спасения, а только в акте *всечеловеческом* и проч. А между тем Н-лай Ф-ч только не отделяет акта Божественного от акта человеческого, как не отделяется, согласно с истинным и именно церковным пониманием христианства, Воскрешение Христа от всеобщего воскрешения. И какая дерзость [утверждать], будто Н-лай Ф-ч, сам того не замечая, сам того не сознавая (уж в чем другом, а в *бессознательности* Н-лая Ф-ча обвинить нельзя), выходил за пределы христианства. Те, которые говорят это, сами не понимают, что христианство *беспредельно*, что оно все обнимает, все в себе заключает. На стр. 223-й в примечании 18-м говорится, что религия Гомера — религия *общего* предприятия, а религия Христа — религия *всеобщего* предприятия... Греческая религия была языческая, т. е. народная, а христианская — всеязыческая, т. е. всенародная. Прочтите стр. 567 (со слов «Собор, имеющий целью *действительное примирение всех религий*»), 568—572-ую до слов «Ислам признает войну открытую, а еврейство ведет войну скрытую» — со всеми примечаниями к этим страницам и Вы увидите, что все религии, все ереси есть не что иное, как искажение христиан-

ства, есть лишь крайности, в которые впадали останавливавшиеся на чем-либо одном в этой всеобъемлющей религии.

Вы говорите о действии *благодати спасающей*, из веры в Искупителя и Спасителя *исходящей*. Неужели же для спасения достаточно только веры? А что же будет с теми, которые не имели и, главное, не могли иметь веры в Искупителя и Спасителя?! И разве придавать такое исключительное значение *вере* не значит ли впадать в протестантизм? По этому поводу прочтите стр. 185 (со слов «Католическое дело, или литургия» и проч.), 186 и 187 почти до конца, до слов «Мысль западноевропейская берет свое начало». На этих страницах Вы найдете, что полагать «спасение в *одной только вере*» значит ставить «вне спасения всех, кто не имел веры или не признавал ее единственно спасительною, т. е. весь языческий мир, древний и новый, и даже весь христианский, не согласный» и проч. На этих же страницах говорится, что вера сама по себе не может быть спасительна, только дело, захватывающее всю душу, т. е. чувство и мысль (тут и вера, и знание не бездейственное, а прилагаемое к делу спасения), может произвести нравственный переворот и пр. На этих же страницах говорится, что трансцендентное воскресение (т. е. воскресение без участия в этом деле человека) произойдет не тогда, «когда воля человеческая подчинит себя воле Божественной, а наоборот, когда противление Божественной воле достигнет высшей степени», так что «воскрешение должно явиться как наказание, а потому оно и возбуждало страх». Воскрешение же при участии человека, имманентное воскресение, «необходимым условием составляет подчинение человеческой воли воле Божественной, и при этом воскрешении не может быть той странности, как при трансцендентном, при коем воскресение, т. е. избавление от всех зол, возвращение всех утрат, является карою». На стр. 340-й говорится, что самая важная ошибка Запада состояла в том, что он все делил, отвлекал, и там указано, что случилось с религией по отделении от нее знания и нравственности, что случилось с государством по отделении его от церкви, с нравственностью — по отделении ее от религии и проч. Отделение веры от знания, признание возможным спасение одною верою, спасение не всеобщее, а отдельных только лиц, несмотря на гибель других, отцов и братьев наших, — при чем упраздняется заповедь о любви, полагающей душу свою за други своя, — и делает веру неискреннею, а знание бессильным, ненужным. На стр. 442-й говорится: «В безусловном разделении трех идей, или предметов разума — Бога, человека и природы, — и заключается причина зла, из такого разделения происходит и разделение на два разума». Прочитав же стр. 442 и 443, на стр. 444 Вы найдете, что «движение от Канта вперед будет призывом к объединению двух разумов чрез расширение предмета практического разума до широ-

ты теоретического, причем Бог, признаваемый теоретическим разумом лишь за идеал, из регулятивной идеи знания становится Существом, Которое через самого человека приводит в исполнение план спасения». Только разум *практический* может и должен доказать бытие Божие и бессмертие души, он и будет таким доказательством, «сделавшись орудием воли Бога отцов», «сделавшись орудием в деле уничтожения зла».

На стр. 446 Вы прочтете, что «вопрос о двух разумах и трех предметах теоретического разума, — т. е. мы — познающие, мир (природа) — как предмет знания и дела и Бог — как создатель того и другого (нас и природы) — разрешается подчинением познающих (т. е. нас) Богу, причем подчинение это выражается управлением познающими (нами) миром (природою). Подчинившись Богу, став Его орудием, люди становятся правящими и вместе с природою станут уже миром, а не миром^{150a}, как это ныне есть...» И неужели же, глубокоуважаемый Владимир Александрович, прочитав все, здесь мною указанное, Вы повторите, что написано в Вашем последнем письме, а именно, будто в 1-м томе о спасении человечества самим Богом и благодатию говорится мало и бледно. Напечатанное в 1-м томе только и говорит о том, вполне ясно и точно, что человек, чтобы осуществить, исполнить свое назначение, должен сделаться орудием Бога и все зло происходит от того, что человек, злоупотребляя своею свободою, которая есть необходимое условие совершенства, достижения совершеннолетия, уклоняется от пути Господня, перестает быть Его орудием, отдаваясь наслаждению, заботе о своем личном благополучии, ведущем к разъединению, ко вражде. Все зло от разделений, которые были однако, необходимы, потому что только измерив, испытав всю глубину зла, можно победить зло. Также не имеет основания и незаконно разделение на разумное и сверхразумное: сверх разума ничего нет и быть не может, разум все объемлет, все в себе заключает. Высшим разумом обладает Бог, для которого все ясно, ничего нет непонятого, так как Им все создано, он всеведущ и для него нет ничего чудесного, нет чудес. Самое величайшее чудо — Воскресение Христа, Его вочеловечение, бессеменное зачатие, вхождение и исхождение при запертых дверях и пр. — все это явления не чудесные, не сверхъестественные, а вполне согласные с сущностью естества, самим Богом созданного и изначально уже обладающего всем, что необходимо для осуществления всех этих на наш взгляд чудес. Для нас же, у которых разум едва пробуждается, даже все явления, которые мы называем естественными, в сущности чудесны, — не бессеменное только, но и зачатие при участии семени, не воскресение только, но и смерть для нас не менее чудесны. Если же мы называем эти явления естественными, то только потому, что видим их постоянное повторение при наступлении известных условий. Но

как, каким образом при наступлении определенных условий происходит то, что происходит, мы не знаем, уразуметь, объяснить не можем. Господь обладает *высшим* разумом, но и наш разум отличается от *высшего* только степенью, а потому и нет основания высший разум называть *сверхразумом*, а все, для нас ныне непонятное, чудесное, *сверхразумным*.

Но даже если и допустить, что Вы правы, что в 1-м томе мало и бледно говорится о спасении Самим Богом и благодатию, то не надо забывать, что Н-лай Ф-ч обращает свой призыв к людям, он призывает *людей* к делу, а потому ярче и яснее всего он должен был показать, в чем это дело людей должно заключаться, что должны делать именно люди, что нужно делать человеку, а не Богу. Богу таких указаний не надо, и действие благодати, если оно не зависит от наших действий, то не зависит и от наших слов. Н-лаю Ф-чу необходимо было показать также, что происходит от уклонения людей от дела спасения и к чему ведет *не-делание*. Все это с особенною яркостью и выражено Н-лаем Ф-чем. Между прочим, на стр. 320-й говорится, что первая христианская община, основанная только на чувстве, не могла удержаться на первоначальной высоте и должна была ввести внешний закон под видом канонического права, потому что не имела в основе *знания*, т. е. пренебрегала разумом. На стр. 229-й говорится, что при «самом открытии шестивия по заповеди «*научите*» мы встречаем в проповедниках-учителях отрицание самой способности знания в человеке». «Потому-то христианство и дало лишь ограниченный смысл заповеди «*научите*», потому-то оно и бичевало все, одаренное сильными умственными способностями, не указывая дела, в котором умственные способности могли бы найти приложение; потому-то и само христианство, вместо указания действительных способов к освобождению от зависимости от сил небесных и земных (т. е. матери и природы), усвоило лишь гордый взгляд на материю и природу, уча по ветхозаветному не поклоняться ничему, что на небе и на земле». Что произошло от пренебрежения разумом, ярко изображено на стр. 157 (в конце, со слов «При Константине вошло в церковное употребление поклонение кресту» и пр.) и особенно на стр. 158 (обратите внимание на примечание 24-ое, где говорится, что двигателем было чувство, христиане служили Богу всем своим чувством, но не всею мыслью и знанием), стр. 159, 160, 161 (тут можно пропустить вставку со слов «таким образом К<онстантино>поль, кроме противоречий и проч.» строк 15—16 и читать дальше), стр. 162, 163, 164, 165, 166. Особенно прошу обратить внимание на стр. 172 и 173, где говорится — «Уподобление Богу — это желание не быть грешниками, это неличемерная любовь к Богу как совершенству. Называть это гордостью значит иметь оскорбительное понятие о Боге и скотское о человеке». Обратите внима-

ние и на примечание 35-ое на стр. 239-й, где говорится о том, что вера и знание не были примирены в Византии, потому что вера была неискренна, а знание бессильно, и что этим элементам надо соединиться, чтобы вера стала искренней, а знание проявилось бы в действительности.

Хотелось бы еще указать место, где с еще большею ясностью говорится, что христианство не вошло в жизнь только потому, что церковное понимание христианства слишком презрительно относится к способности познающей, к разуму, не придавая ему, в сущности, никакого значения и возлагая все упование свое на благодать и веру спасающую, и это вопреки даже народному пониманию, по которому «на Бога надейся, а сам не плошай». Мне кажется, что боящиеся рационализма Н-лая Ф-ча относятся к числу тех идеалистов, о которых говорится на стр. 150, 151 и 152, в параграфе под буквою б, прошу Вас, прочтите эти превосходные страницы, прочтите и несколько выше, на стр. 149-й со слов «В первые времена по воскресении Христа, когда началось соби- рание во имя Христа». Читая все это, я не могу не удивляться, что язык, которым написана книга, называют *корявым*. Я думаю, что отзывающиеся так об языке книги не в силах войти в круг идей, заключающихся в книге, а потому и язык им кажется корявым. Недостаток книги заключается в том, что мысль часто прерывается вставкою побочных обстоятельств. Несомненно, что придерживающиеся церковного, т. е. нынешнего церковного учения *безусловно*, с неизбежностью страшного суда и ада, с возможностью спасения личного (т. е. каждой личности в отдельности), причем одни будут сиять как солнце, другие — как месяц и проч., признающие, что одни из людей предназначены к гибели, а другие к блаженству, подобно тому как горшечник одни сосуды приготавливает для низкого, а другие для высокого употребления, — эти с толкованием христианства, даваемого Н-ем Ф-чем, не согласятся, как не согласятся и стоящие на противоположном конце, как не были согласны со Христом ни иудеи, ни язычники; но, не будучи согласны между собою ничем, иудеи и язычники согласились в одном, что Христос должен быть распят. Так должно быть и со всяким истинным последователем Христа, так должно случиться и с Н-ем Ф-чем. Но надежда последнего не на то, что он может согласить все противоположности в одном мнении, — всю свою надежду он полагает в объединении всех враждующих между собою в одном деле, общем для всех смертных, в деле всеобщего спасения от болезней и смерти; соединившись же в этом деле, враги станут друзьями, сойдутся и в мысли. Призывая к этому делу, Н-лай Ф-ч старается как возможно меньше говорить о том, что между ныне враждующими может возбудить только новые споры, обострить вражду, а потому, по мнению одних, он мало и бледно говорит об участии Бога, а другие обвиняют его как раз в противо-

положном. Для Н-лая Ф-ча все заключается в том, чтобы объединить, собрать воедино и верующих, и неверующих, как и Христос имел в виду не иудеев только, но и язычников. Нельзя, однако, сказать, что современное церковное христианство склоняется на сторону иудеев и отходит от язычников далее, чем следует, а между тем христианство, по крайней мере христианство православное, должно стоять как раз в центре между ними и обнимать их собою. Толкование христианства Н-лаем Ф-чем как учение ни на что другое, как на провал, и рассчитывать не может ни у церковно верующих, ни у совершенно неверующих. Но не как учение, а как *призыв к делу всеобщего спасения* оно может быть принято теми и другими в особенности тогда, когда бедствия, к которым мы, по-видимому, приближаемся, дадут себя почувствовать всем и особенно тем, которые в настоящее время ограждены от этих бедствий или богатством, или же общественным положением, дающим средства к существованию. На благоразумие рассчитывать, по-видимому, мудроно — только бедствия отрезвят нас.

Вот что считаю пока нужным ответить на Ваше письмо. Очень буду рад, если расхождение наше не будет уж так велико, что Вы не захотите даже и отвечать мне.

В. А. КОЖЕВНИКОВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ

16 июля 1910. Исар

Исар. 16/VII 1910

Глубокоуважаемый и дорогой Николай Павлович!

Сердечное спасибо Вам от меня и всей семьи моей за вчера полученное поздравление с днем моего Ангела и за память обо мне.

Ради Бога не вмените мне в непростительный проступок мои редкие и запаздывающие к Вам письма! Я Вам писал после Ваших ценных и многосодержательных разъяснений, и высказывал, как важны они и для меня, и для тех лиц, от которых, гораздо более, нежели от меня самого, исходили недоумения по известным пунктам учения Н. Ф-ча. Не помню теперь, когда именно послано было Вам это мое ответное письмо. А затем, сознаю и каюсь — не писал, но не по нежеланию, а по тому постоянному утомлению, которое чувствую под бременем безостановочного головного труда. Вот уже 3-е лето, как я совсем не отдыхаю: сознание, что недолго времени остается для работы, заставляет отдавать ей все время и все силы; а когда перестаешь дневную задачу делать, чувствуется уже невозможность серьезной письменной беседы и малодушно откладываете такую переписку, которая не есть пустословие, а дело, и серьезнейшее. Вот, и (верьте мне!) только это — причина моих недоимок в переписке с Вами. Как бы мало убедительным

Вам это ни казалось, а это — правда, и я буду глубоко огорчен, если Вы примените ко мне высшую меру наказания, то есть «прекратите переписку со мною». Право на это Вы, может быть, и имейте, но Вам известно, что выше юридических норм стоят этические, а также и то, что еще выше — правила религиозные, среди коих есть и такое: «нет греха, превышающего милосердие»...

Забравшись сюда, я отдался с большим усердием изданию своей книги «о буддизме в сравнении с христианством». Ректор С-Петербургской Академии преосв. Феофан просил меня дать эту работу в орган академии «Христ<ианское> Чтение»; я согласился; усиленно занялся переделкою и перепискою, и в июле-августовской книге журнала уже напечатаны 2 первых главы¹⁵¹. Но затем пришлось столько читать новых для меня материалов и критических работ (для главы об составе и истории будд<ийского> Свящ<енного> Писания), что на это пошло много времени и нелегкого труда. На днях заканчиваю этот (совсем новый в моей книге отдел), отошлю в редакцию и затем присяду на некоторое время за уже начатую переписку отрывков Н. Ф-ча по философии (о разных мыслителях). Как перепишу часть, так пришлю Вам вместе с теми статьями, которые отремингтонировал ранее Михаил Николаевич¹⁵². Я рад, что, судя по упоминанию в Вашем прежнем письме, у Вас есть целая большая статья для II тома¹⁵³; ранее Вы писали, что у Вас почти ничего нет. Истинное несчастье — недостаток времени! Рукописи и письма для II тома требуют того, чтобы все отложить и отдаться на время одному редактированию их, ибо тут нужен не только просмотр и сравнение текстов (вариантов), но и вставные, соединительные и пояснительные тексты свои, иначе от этих ценнейших отрывков получится неясное сочетание. Но исключительной работе над этим делом мешают мои обязанности перед целым рядом лиц, с которыми я связан общою деятельностью. Попробую, сколько смогу, работать урывками. <...>

Прошу Вас передать мой искренний поклон Юлии Владимировне и сыновьям Вашим, а себе самому мою усердную просьбу сменить гнев на милость и не разрывать сношений без действительного к тому повода. Мы еще нужны друг другу для дела! Преданный Вам и уважающий Вас В. Кожевников.

В. А. КОЖЕВНИКОВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ

23 августа 1910. Исар

Исар. 23/VIII. 1910.

Глубокоуважаемый Николай Павлович!

Одновременно с этим письмом отправляю Вам посылкою на три рубля проредактированные мною и переписанные статьи Ник. Ф-ча, предназначенные для II-го тома.

Пока я успел проверить и переписать только 36 статей и статейек. Все они должны, по моему разумению, [пойти] в 1 отдел II-го тома под общим названием «Статьи и отрывки о разных мыслителях». Посылаемое теперь все относится к Канту и только 3—4 последних статьи — к Гегелю. Дальше вышлю несколько статей о разных философах и целую группу статей о Ницше. Затем сюда же присоединим уже отремингтонированные Михаилом Ник<олаевичем>, но потребовавшие многих редакционных поправок, статьи о Ричле. Вероятно, и еще что-нибудь найдется в том же роде, например, статьи о Влад. Соловьеве¹⁵⁴. В общем составитя очень приличный отдел историко-философского и критического содержания. Положим, многие выражения и даже целые пассажи этих статей вошли уже в состав других, более крупных, так что неизбежно получится некоторое повторение. Но это не должно останавливать нас от печатания посылаемых статей. В этих первоначальных набросках и вариантах талант Н. Ф-ча, по мнению не моему только, но и других читавших их, напр<имер> Булгакова и знающих эти отрывки по выпискам в моей книге, — светит еще ярче, чем в больших статьях, и самая их сжатость — большое достоинство в своем роде; особенно после больших статей, в этих читатель найдет, так сказать, конденсированную суть первых; а по слогу эти наброски несомненно нередко сильнее, ярче и прозрачнее выражают великое содержание мыслей. Вчера я опять читал Булгакову многое из них и он от многого был в восхищении. Теперь я должен пояснить о своих приемах работы над этими листками. Их характер набросков, сделанных отрывочно, быстро, недоконченно, иногда обрываясь на полслове, иногда — затуманиваясь в выражении, очевидно под влиянием ночной работы, доходившей до переутомления, — все это заставило меня взять на себя, не скажу право, а обязанность в подобных случаях поступать так, как приходилось много раз, если не всегда, поступать, когда мы, бывало, с Ник. Фед-м днем переписывали то, что он набрасывал ночью, причем сам иногда говорил, что конец какой-нибудь статьи не дописан или брошен по утомлению или что редактирование того или иного выражения не задалось и требует поправки. Я полагаю, что если он сам не только позволял мне (как и Вам, конечно, в сходных случаях) делать необходимые соединительные вставки для связи набросанных главных мыслей или заменять то или иное слово и даже целую фразу там, где иначе получалась неясность, двусмысленность или даже фальшивая постановка мысли (такие факты в рукописях этих статей — налицо!), я полагаю, что в подобных случаях теперь, когда его нет самого для этих необходимых исправлений, теперь не будет непочтением к его текстам внести эти необходимые вставки и поправки там, где иначе должно получиться противоречие или просмотр или опасность быть для него ложно истолко-

ванным читателем или, наконец, быть обвиненным в какой-либо фактической ошибке, по забвению или рассеянности.

Посоветовавшись об этом с людьми, уважающими авторитет Ник. Ф-ча, я пришел к заключению, что иначе поступить нельзя, и я думаю, что и Вы, которому на усмотрение я предлагаю теперь этот вопрос, согласитесь со мною.

Само собою разумеется, что все поправки я допускал лишь в таких случаях, когда усматривал, после внимательного разбора текста, несомненный недосмотр или явно неудачное выражение; внося же поправку, брал ее из ближайших к данному тексту источников, чаще всего из этого же текста или из вариантов и аналогичных ему статей, а вставки редактировал, как и поправки, опять-таки насколько можно, его же собственными выражениями. Если бы воздержаться от вставок, пришлось бы преподносить читателям или нечто бессвязное, разорванное (как это и видно часто в подлинных листках, где оставлены пробелы для соединения частей написанных), или же прямо непонятное. Но, в общем, и поправок, и вставок потребовалось сравнительно немного. Притом же все они (за исключением простых описок) мною обозначены скобками, то есть так: [вставка моя], что должно быть оговорено и при печатании, так что если бы даже редакция вставки и оказалась неудачной, всегда и всюду ясно будет читателю, где подлинный текст и где вставка издателей.

Далее — вопрос о последовательности статей сходного содержания, например, ныне посылаемых. Это — отрывки и наброски, но в общем от расположения их получается в содержании их взаимная связь и подкрепление. Поэтому я так и старался их расположить: и обозначил последовательность статей римскими цифрами. Но это пока — мера временная. Вероятно, найдутся еще статьи, которые по содержанию придется вдвинуть между посылаемыми. Одну такую я уже нашел *post factum*, но не успел переписать. Перед печатанием порядок нумерации статей можно будет, конечно, если нужно, переменить.

Наконец — о заглавиях! Многие даны самим автором; остальные подписал я, по необходимости, когда пользовался этими статьями для своей книги, ибо иначе не было бы возможности цитировать (ведь это все еще не напечатанные вещи, и на страницы ссылаться нельзя!).

Все заглавия, данные мною, взяты из самих статей и почти все в дословных их выражениях. Заглавия дают определенное понятие о содержании статей и многие сами по себе колоритны, так как являются отражениями того остроумия, которым блещут эти статьи (напр<имер>, про Гегеля «Панлогизм или иллюгизм?» — или «Философ — чиновник»). Я поэтому очень стоял бы за сохранение этих заглавий.

Вот и все пока касательно редакционных вопросов, связанных с посылаемым сейчас. В этих статьях, по счастью, не приходилось иметь дела с добавлениями к тексту очень длинными; но в будущих статьях это предстоит. Как тогда поступать? Давать ли варианты один за другим? или сливать самому их воедино?.. Думается, что общей формулы для всех случаев установить нельзя; что можно соединить без особого отягощения хода изложения, лучше было бы соединить, а разросшееся в целый специальный «экскурс», хотя бы иногда и небольшой, лучше давать всегда за статьей, особым добавлением. Местах в двух нечто подобное пришлось сделать и в ныне посылаемых статьях.

Я думаю, что статьи о разных мыслителях составят в печати, когда соберутся все, страниц 150, если не больше. Затем у Вас есть, Вы писали, большая статья «О музее»¹⁵⁵; найдутся и у меня в депозите несколько статей. А кроме того, я очень желал бы, чтобы во 2-й т. вошли заметки и статьи литературно-художественного и критического (по произведениям искусства) содержания¹⁵⁶. Такие есть, и они внесли бы разнообразие в содержание 2-го тома; ибо, после стольких похвал материалам, предназначенным для издания, не следует закрывать от себя и одну теневую сторону их, а именно: повторения, хотя и прекрасных выражений, но очень часто встречающихся, что они при своей многократности принимают уже характер чуть не математических формул, определенных и точных, но сухих, а при очень частом повторении, утомляющих читателя (таковы напр<имер>, «слепая сила природы»; «превращение слепой силы умерщвляющей в воссозидающую»; «объединение всех разумных существ для управления силою неразумною или для обращения слепой силы» и т. д.). Слов нет — все это необходимо, но в мелких статьях, где мыслям не дается просторного развития, эти повторения в конце концов начинают утомлять и ослаблять внимание своею монотонностью. Вот почему было бы хорошо, если бы оказалось возможным рядом со статьями, трактующими главные вопросы по существу, поместить и такие, где излагаются темы несколько иные, хотя к тому же великому делу направляющие. Я помню, такие были, напр<имер>, о пьесах Ибсена, о романе Уйда «В Маремме»¹⁵⁷ и т. п. Они где-то «заложились» среди рукописей: надеюсь, отыщутся. Нет ли чего такого у Вас?

Наконец — о письмах! Я рассчитывал, что у Вас есть немало таких писем, в которых найдется требующее опубликования. Но, к сожалению, Вы писали, что таких у Вас едва ли много найдется.

Из адресованных мне и имеющихся у меня же нескольких писем другим лицам, я убежден, можно почерпнуть немало интересного, заслуживающего печати, тем более что здесь мы будем иметь речи Ник. Ф-ча, так сказать, без малейшей ретушевки и в полной непосредственности. Огромную важность далее представляют письма как

отражение чувства, характера, темперамента; всему этому здесь более простора, чем в статьях. Но, с другой стороны, ясно — не все в письмах подлежит оглашению. Нельзя же предавать печати такие тирады, как напр<имер>, попавшуюся мне сейчас: «Этот осел, Новгородцев (профессор моск<овский>)» или «свинья Ивакин»!..¹⁵⁸, не говоря уже о том, что на долю меня, грешного, да и Вашу также, не раз перепадало! Такое, понятно, придется исключать, а допустимое в этом роде, важное для характеристики человека или в биографическом отношении можно, пожалуй, печатать «прикровенно», как говорит Петр Ив<анович> Бартенев, напр<имер>, опуская имена и фамилии. Это вопрос важный, о котором стоит подумать: именно с точки зрения Н. Ф-ча, для сохранения памяти не о писателе лишь, но и о человеке такие черты (я не о тeneвых лишь говорю, но и прежде всего о световых, проглядывающих часто в таких «нецензурных» тирадах) важно сбечь для будущего. Помрем мы с Вами, исчезнут письма, и скудные и без того биографические материалы канут в забвение! Жаль, горестно об этом подумать! Издатель писем Соловьева¹⁵⁹ находит нужным тискать десятки самых пустых записок, [1 нрзб.] даже чуть не лавочных счетов...

Как нам поступить в данном случае и какую провести границу; вовсе ли опускать все личное, ограничиваясь одним идейным, или с выбором — если 2-е, то до каких пределов? Об этом и обо всем затронутым в этом письме прошу Вас отозваться и вообще поделиться Вашими мыслями о содержании П т<ома> и приемах его редактирования. Труды редакционные этого тома предстоят не меньшие, чем в I-м, и приступать к печатанию можно, лишь когда достаточно сориентируемся в составе материалов. Отдельные вопросы на книгу Н. Ф-ча и мою не прекращаются, и благодарственные и сочувственные отзвывы также. Общее впечатление — то же, что и раньше: специалисты тупы и глупы; добровольцы приемлют и умиляются.

Кое-что важное, проектируемое Булгаковым для распространения идей Н. Ф-ча сообщу в следующем письме. — Я здесь до 25 сентября, затем — в Москве.

Наши все и я сердечно приветствуем Вас и все Ваше семейство. Юлии Владимировне почтительно кланяюсь и особо приветствую Вашего симпатичного Михаила Николаевича.

Преданный Вам В. Кожевников.

Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ

18 ноября 1910. Верный

<...> Прочел в № 12438-м, от 27-го октября, Нового Времени сообщение о докладе Гинкена «Идеальный библиотекарь Н. Ф. Фе-

доров». Кто составляет такие сообщения? И каким мармеладным изображен там Н. Ф-ч¹⁶⁰. Мне думается написать по этому поводу и дать надлежащий образ Н. Ф-ча; но ведь не напечатают, кому нужно знать, что был за человек какой-то никому не известный библиотекарь.

Те три брошюры по поводу книги Родионова «Наше преступление» и по поводу письма Толстого Славянскому Съезду в Софии я послал и ныне покойному Л. Н. Толстому, от которого получил ответ от 5 октября из Ясной Поляны¹⁶¹; копию этого письма Толстого прилагаю. Я думал отвечать на это письмо *многое*, а теперь придется напечатать это письмо и ответ на него, который предполагал послать Толстому¹⁶². <...>

В. А. КОЖЕВНИКОВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ

3 декабря 1910. Москва

<...> Спасибо Вам за 2 Ваши статьи¹⁶³, я нахожу их весьма дельными; тон, быть может, найдут несколько резким, но как гладить по головке тех, о ком Вы пишете! Беда в том, что на серьезные призывы слишком туго отзываются! Впрочем, должен Вас порадовать некоторыми фактами. Ко мне обратился за книгой Н. Ф-ча и моею генерал (бригадный, из Нижн<его> Новгорода) Нечволодов¹⁶⁴, по указанию моего знакомого, Щечкова, члена Г<осударственной> Думы (правого). Генералу этому Высочайше поручено составить общедоступную историю России. Щечков же указал ему ознакомиться с мыслями Н. Ф. об историч<еском> значении и призвании России. Я, конечно, тотчас же послал книги. Оказалось, что Нечволодову они очень понравились и он несколько раз писал, что с упоением читает величавые мысли Н. Ф-ча и будто бы постарается кое-что включить во 2-й т. своих «Рассказов о Русс<кой> Земле» (книга, кажется, не дурная, т. е. 1-й том, вышедший в 1909 г. Издание братства при Свято-Николаевской Церкви 58 пехот<ного> Прагского полка в Николаеве; братство основано этим же генералом, когда он был командиром полка, и ему же он предоставил вырчку из книги). Все это очень симпатично, а принимая во внимание, что 2-й том будет рассылаться в виде премии при «Сельском Вестнике», это обеспечивает распространение в огромном количестве (77 000 экзем<пляро>в). Если бы действительно удалось хотя бы что-нибудь провести из мыслей Н. Ф-ча в такой книге!.. Я сделал, что мог; несколько раз и помногу писал ему, помогал в отыскании материалов и пр. Но мало все-таки надежды на то, что он справится с задачей. Тогда надо было совсем иначе писать книгу. В декабре он хотел быть здесь и захватить ко мне. — Затем, на днях получил просьбу от другого военного, полковника Голеевского, по-

мощника нашего военного Агента в Лондоне, тоже выслать ему книги, о которых он узнал от г-жи фон Цур Милен, которой я уже раньше послал их (она писала, что очень жаждет узнать учение Н. Ф., так как «с тех пор, как стала серьезно мыслить, вопрос о воскресении казался ей самым главным из всех»). Завтра посылаю и этому полковнику. Затем было трогательное письмо от одного священника из Костром<ской> губ., уже отчасти знакомого с книгой Н. Ф-ча и моею. Послал и этому. Много получаю и еще запросов и, сколько могу, удовлетворяю; но многим принужден и отказывать: некоторые, видимо, просят только потому, что книгу можно получить задаром. Сегодня получил письмо из Киева от Кудрявцева (не бывший ли ученик Н. Ф.?), недавно другое тоже из Киева от некоего Гумилевского, ссылающегося на Ваше обещание (в № 18 «Турк<естанских> Ведомостей») высылать книгу тем, кто даст, по прочтении, отзыв о ней¹⁶⁵. Все просьбы невозможно удовлетворять: надо поберечь часть издания для будущ<его> времени. У меня осталось 3 экз<емпля>ра книги. Прошу Вас выслать мне экземпляров десять наложенным платежом, дабы не убытчать пересылкою. Моей книги тоже остается только 30 экземпляров. — Статью Гинкена¹⁶⁶ читал. Этот господин тоже писал мне летом, получил от меня книги и мне прислал в благодарность свое 3-томное сочинение о Бетховене¹⁶⁷. Рецензия о его реферате — ужасная путаница, что я ему и поставил на вид. Затем он обращался с просьбою выслать портрет Н. Ф-ча для петерб<ургских> библиографов. Я ответил, что единственное изображение Н. Ф-ча помещено было в «Весах» (рисунки Пастернака¹⁶⁸). Кстати, на днях Пастернак также просил у меня книгу Н. Ф-ча; дал и ему.

Я сейчас только ненадолго, но освободился от чтения лекций (читаю здесь еженедельно, а затем, по приглашению Ректора Духов<ной> Академии, читал для студентов Академии); печатаю «Буддизм»; перевожу одну книгу с английского для издания¹⁶⁹. Но сейчас несколько поосвободился от срочных дел и займусь перепискою статей Ник. Ф-ча. Надеюсь, несколько статей вышлю Вам еще до Праздников.

Ну вот и Толстой умер! После всего, о нем говоренного и писанного, трудно уже и говорить еще что-либо сейчас. Слышал я от Мих<аила> Н<иколаевича>, что Т<олстой> написал Вам письмо¹⁷⁰, и потому был очень рад получить его копию. Оно очень важное и, в сжатом виде, дает отличные указания на недостатки его учения. Оно должно быть непременно опубликовано Вами, быть может, с предыдущими его письмами и Вашими репликами?¹⁷¹ А что же Ваш сборник?¹⁷² В мое распоряжение отдана рукопись Ивакина: «Жизнь в Ясн<ой> Поляне и воспоминания о Толстом за 1886—89 гг.». Она будет издана; много интересного¹⁷³. Для меня же важнее всего то, что много есть бесед Н. Ф-ча с Толстым и о Толстом.

Мой приятель М. А. Новоселов, которого Вы, кажется, не очень-то жалуете, как и его издательскую деятельность, также получил письмо из Шемардина от Толстого (после многих лет размолвки и разрыва). Из этого письма видно, что Т. предполагал надолго остаться в Шем<арди>не, ибо туда указывал адресовать ответ; но потом его неожиданно увезли оттуда. Он очень одобрил издания Мих<аила> Ал<ександровича> и даже последнее, что он читал в Астапове, были две книжки «Рел<игиозно>-филос<офской> библиотеки». Письмо это (Толстого к Новоселову) будет, вероятно, приложено к речи Булгакова о Толстом в Декабр<ьской> книжке «Русс<кой> Мысли»¹⁷⁴. Много толкуют о произошедшем будто бы перед смертью (в Оптиной и в Шемардине) повороте Толстого к лучшему, в сторону примирения с Церковью. Мне как-то в это не верится, а впрочем — Бог знает? Ужасно, что снят арест с его издания для детей «Учение Христа»¹⁷⁵ и пущено в обращение. Там все догматическое (Богочеловечность и пр.) опущено; опущено и воскресение Христова!.. <...>

В. А. КОЖЕВНИКОВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ

24 января 1911. Москва

Москва. 24/І. 1911

Глубокоуважаемый Николай Павлович!

Еще раз благодарю Вас за поздравление с Нов<ым> Годом; за добрые пожелания, а также и за высылку книг Н. Ф-ча. Хотя Ваша ответная телеграмма и успокоила нас относительно важнейшего применительно к Вам, однако из подробностей Вашего письма и из продолжающихся газетных вестей видно, какое, полное тревог и опасений, время вам приходится переживать — действительно, убедительное доказательство нашей беспомощности перед стихийными силами, впредь до оразумления их человеческим родом! Ваши мысли о выходе в отставку вызывают на многие размышления, которые, впрочем, пока преждевременно высказывать¹⁷⁶. <...>

Сообщу Вам, что за последние два месяца замечается оживленный спрос на книгу Н. Ф-ча и на мою. Я принужден в 1-й многим отказывать, ибо, ясно, — дальше, со временем, книга будет еще нужнее; остается же ее уже не ахти сколько, и раздавать надо бережливо.

Из достойных замечания просителей упомяну о министре Шварце¹⁷⁷, который, прочитавши мою книгу у кого-то, или просмотревши ее, обратился с просьбою прислать ему 2 экз<емпляра> оной, что и было исполнено. — Далее, был у меня генерал Нечволодов,

о котором я Вам писал подробно; говорит, что очень увлечен учением Н. Ф-ча, приемлет и последние его выводы, а исторические взгляды будто бы старался проводить несколько во 2-ом томе своих «Сказаний о Русс<кой> Земле», которые он повез печатать в Питер и по выходе поднесет Государю. Хочет писать о ложном преподавании русс<кой> истории и о желательном, в духе Н. Ф-ча. Как-никак, а все-таки это отрадно.

Выход в свет 2 томов статей Булгакова «Два града», М., 1911, где перепечатана его статья о Н. Ф-че¹⁷⁸, — также оживил спрос на книги его и мою. Свою я должен печатать 2-м изданием, ибо уже все разошлось. — Был у меня литератор Бородаевский¹⁷⁹ (из поэтов «в новом вкусе», но не из «крайних»); просил обе книги (я дал); очень хвалил Н. Ф-ча и сказал, что желал бы написать о нем популярную небольшую книгу и составить «антологию» из его мыслей. Это само по себе было бы полезно, если бы автор был надежный; но из беседы я вынес иное впечатление, допускающее возникновение изложения, искажающего Н. Ф-ча. Он же говорил, что Вячеслав Иванов, признаваемый за лучшего из новых поэтов (это, впрочем — на чей вкус) и за вдумчивого мыслителя (с чем можно согласиться), тоже читал Н. Ф-ча и идею воскрешения отцов не находит неосуществимой, ссылаясь на будто бы «теургические» способности будущего человечества. Боюсь, что в это «теургическое» примешивают нечто магическое на современный теософически-оккультический лад, что, конечно, не имеет ничего общего с учением Н. Ф-ча, научно-трезвым и реалистическим.

Гинкен опять обращался за содействием для получения портрета Н. Ф-ча для библиограф<ического> кружка в С.-Петербурге.

Буду ждать с нетерпением выхода сборника Ваших статей. — Я Вам писал о «Воспоминаниях» И. М. Ивакина о Л. Н. Толстом; в них много есть и о Н. Ф-че, главным образом — в связи с Л. Н-чем; к сожалению, уладить печатание этих «Воспоминаний» пока не удастся. Куча выходящего о Толстом начинает уже порядочно надоедать читателям, судя по тому, что недавно, в Петербурге, говорил мне редактор «Истор<ического> Вестника» С. Н. Шубинский. Удивительно, как неспособна наша «публика» выдерживать сколько-нибудь продолжительное сосредоточение внимания и вкуса на одной и той же теме. По всеобщему отзыву — никогда еще не замечалось такой лени и умственной апатии и равнодушия к чтению, как сейчас: «Ничего не читают!» — вот голоса публицистов, журналистов и книгопродавцев.

Прошу от меня и всех моих передать поклон глубокоуважаемой Юлии Владимировне и Вам самому.

От души желаем, чтобы почва под Верным утихомирилась. Эти пертурбации необычно долги. Будьте здоровы.

Преданный Вам В. Кожевников.

В. А. КОЖЕВНИКОВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ

10 июля 1911. Исар

Исар. 10 июля 1911

Глубокоуважаемый Николай Павлович!

Начиная, как всегда, с извинения за промедление в ответе, сообщая Вам, что Панкратов¹⁸⁰, о котором Вы писали, есть сотрудник «Русс<кой> Мысли». Он, перед отъездом нашим из Москвы, звонил мне по телефону: просил «книжку» Федорова и вообще говорил по этому поводу тоном такого развязного газетного писаки, что, когда выразил намерение писать о Н. Ф-че, я счел долгом предупредить его о важности задачи (он, по-видимому, думал, что дело идет только о «библиотекаре»); книгу ему оставил и просил зайти за нею. Но когда в конце июня был я в Москве, то книга оказалась не взятой. Я позвонил в редакцию: сказали, он в отъезде. Теперь я написал ему, что книга давно его ждет, отзыва пока не имею.

Кто такой В. Ф. Булгаков¹⁸¹ — я не знаю и где дневник получить, не знаю также. Спрошу на днях у одного прибывающего сюда знакомого, который, быть может, его знает. Тогда добавочно уведомя Вас. — Бердяев хочет писать книгу о Н. Ф-че, но С. Н. Булгаков думает, что едва ли Бердяев справится с этою задачей. Он долго (т. е. Бердяев) со мною говорил об этом и я, как сумел, старался разъяснить ему те стороны учения Н. Ф-ча, которые он понимает превратно или не понимает. Он обещал советоваться относительно этого труда со мною. Приступить к работе хотел не ранее осени. — Ив. Ив. Алексеев из Богородска¹⁸² и ко мне писал и был у меня и просил книгу мою. Я ему послал. Недавно он прислал большое и хорошее письмо: говорит, что внимательно прочел; восхищается благородством и шириною взглядов Н. Ф-ча, многое считает безусловно верным, но кое-чего не понимает; в числе этого «кое-чего», однако, встречается существенное: «как практически осуществить воскрешение предков». Еще он удивляется, что Н. Ф. оставил «не затронутым вопроса о поле». Буду ему писать по этому поводу, так как он просит выслать книгу для Богородс<кой> библиотеки. Хорошо, что творения Н. Ф. попадут туда, где он скромно когда-то трудился! — Радуюсь, что она попала даже и в Буэнос-Айрес!.. <...>

В. А. КОЖЕВНИКОВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ

19 августа 1911. Исар

<...> До возвращения в Москву я не имею возможности сообщить что-либо о дневнике В. Ф. Булгакова. — Недавно получил письмо от некоего Дмитр<ия> Михайл<овича> Сомина из Питера:

просил книгу Н. Ф-ча, которую он прочел случайно в Петербургской Публичной Библиотеке и, как он пишет, она «своим духом, глубиной и обоснованностью поразила его и дала новые устои его мировоззрения». Находит чтения одноразного недостаточным, просит прислать ему экземпляр. Я, конечно, тотчас же послал и просил о дальнейшем обмене мнений. Он пишет, что «занимается исследованиями в области активной философии духа и связанного с этим высшего проявления человеческой воли». Все это интересно. Затем здешний священник Щукин, несомненный праведник и глубоко религиозный человек и превосходный священник, хотя из ех-либералов «освободительного» периода, самостоятельно пришел к выводу, что сущность христианства и именно учения Христа как Сына Человеческого — в упразднении болезней, язв и смерти и в воскресении и в достижении бессмертия на земле¹⁸³. Книгу Н. Ф-ча и мою он давно взял у меня, но сказал, что начнет читать их лишь по окончании своих статей. На днях получу эти статьи. Посмотрим? Пишет он иногда очень увлекательно и всегда искренне. Статьи будут напечатаны. <...>

В. А. КОЖЕВНИКОВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ

1 октября 1911. Москва

<...> Я приступаю ко 2-му изданию своей книги о Н. Ф-че¹⁸⁴ и, конечно, сочту долгом в предисловии указать на Ваш сборник¹⁸⁵; сообщите поэтому, когда приблизительно она может выйти? Печатание моей книги этой еще не начиналось, но пойдет, вероятно, быстро, так что, если буду здоров, она будет напечатана к февралю.

Интерес к Н. Ф. в тех скромных размерах, в каких он проявлялся, не ослабевает: по-прежнему получаются письма и посетители являются за расспросами и с просьбами [о] книге. Мы приехали сюда 26, а 28 было в один день трое: одна курсистка, один полковник из Нерчинска и один неопределенный по типу москвич. За малым количеством остающихся книг, принужден часто отказывать. Самое интересное: священник Серг. Ив. Щукин в Ялте, претерпевший большие гонения за якобы вольнодумство в революционную пору, но несомненный праведник и превосходнейший пастырь, ныне восстановленный в должности самим строгим еп. Феофаном Таврическим, очень талантливый писатель, подвизавшийся в либеральном «Московском Еженедельнике» Трубецкого, издатель Чехова, — ныне очень усердный «батюшка», от которого простой народ и «интеллигенты» равно в восторге, — самостоятельно, еще не зная Н. Ф-ча, пришел к признанию необходимости для христианства и Церкви принять учение о необходимости

сти победы над язвами и смертью и о бессмертии и воскресении здесь, на земле. Когда от меня он узнал о Н. Ф., он взял его и мою книгу, но сказал, что не будет читать, пока не закончит своих статей «Божественное и Человеческое», дабы не утратить самостоятельности мысли и изложения. Первую $\frac{1}{2}$ своей работы он мне давал читать: в ней — крупные литературные достоинства (он прекрасно и очень трогательно пишет) и много и по мыслям хорошего, но, конечно, несравненно мельче, поверхностнее, чем у Н. Ф. Притом же 2-й части, где о бессмертии и воскресении, я еще [не] имел в руках. Но уже и то чрезвычайно важно, что священник, и притом превосходный, самостоятельно приходит ко многому сродному мыслям Н. Ф-ча (всех спасти, прекратить смерть, всеобщее воскресение, реальное, а не мистическое). У него все исходит из чувства жалости¹⁸⁶, но нравственная мотивировка слабовата (долг к отцам, кажется, не постигнут). Статьи его, в том числе и эти, скоро начнут печататься в виде сборника в книгоиздательстве «Путь» (Морозова, Булгаков, Эрн и их компания). Я указал ему усиленно на Н. Ф., но он, до времени, уклоняется от чтения.

<...> Вчера, в Университетской библиотеке, Е. И. Соколов¹⁸⁷ говорил, что в библиотеке нередко спрашивают том Н. Ф-ча, но оный исчез из библиотеки!! Поэтому завтра я отнесу туда новый экземпляр. <...>

В. А. КОЖЕВНИКОВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ

21 марта 1912. Москва

<...> Скажу из нового Вам, что требования на книгу Н. Ф. и на мою идут непрерывно, и большею частью теперь от людей серьезных; но многим принужден отказывать за малым количеством экземпляров (моих совсем не осталось, а перепечатку отложил до осени). В числе просивших книгу Н. Ф-ча был Великий Князь Петр Николаевич. Я ему послал; получил от него благодарность и просьбу прислать и мою книгу, и все мои сочинения; на днях некоторые из них пошлю ему.

На собраниях религиозно-философского Общества в память Вл. Соловьева нередко упоминают во время чтений и прений о Н. Ф-че; а только что вышедшая диссертация проф. Булгакова «Философия хозяйства», видимо (да и из беседы я это знаю) навеяна некоторыми мыслями Н. Ф-ча. Было недавно даже одно чтение для учащихся о Н. Ф. некоего Матвеева (учителя), но неумело составленное; однако некоторые слушатели заинтересовались. Если будет напечатано это чтение, — вышлю¹⁸⁸. <...>

Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ

12 мая 1912. Верный

12 мая 1912 г., Верный.

Глубокоуважаемый Владимир Александрович!

Деньги на пересылку книги получил, получил и телеграмму Вашу. Обратиться к Собору считаю необходимым, если Собор будет представлять из себя что-либо серьезное, если же он будет вроде нашей Думы, то обращаться к нему, конечно, не стоит. И во всяком случае прежде, чем сделать такой серьезный шаг, я представлю его на обсуждение Ваше, лиц, близких Вам и, между прочим, Л. А. Тихомирова. Считаю необходимым побеседовать и с Кузнецовым, который прислал мне свою брошюру о Пресвященном Гермогене¹⁸⁹. <...>

Вчера получил письмо, доставившее мне великую радость, от учителя *истории и географии* в Пензенском Реальном училище — Дмитрия Филипповича Попова¹⁹⁰, человека, очевидно, почтенного, потому что в прошлом году он был командирован от округа в качестве депутата на экзамены в прогимназию моей сестры в Нижний Ломов и через мою сестру обратился ко мне с просьбой о высылке ему книги. И вот этот Д. Ф. Попов пишет мне, что понимание Н. Ф-ча христианства, отношений между религией и наукой, природой и человеком — является для читателей подлинным откровением и, нужно думать, истинным светом. Далее он пишет, что по указанию в предисловии он отыскал и все Ваши статьи, печатавшиеся в «Русском Архиве» за 1904, 1905 и 1906 годы, и прочитал их. Спрашивает, напечатан ли 2-й том, и просит оказать содействие к приобретению его. В заключение же Попов пишет: «Знакомство с произведениями Н. Ф. Федорова особенно ценным является для педагогов, чтобы при преподавании, невольно, быть может, не положить ложных основ в миросозерцание юношества». Вот пока все, что имею сообщить Вам.

Вчера вечером прочитал Пресвященному Димитрию статью о выставке 1889 года и произвел на него большое впечатление. 16 мая он приглашает меня ехать с ним к нему на дачу в 10-ти верстах от Верного, и я обещал ему прочитать там статью «Проект соединения церквей» и из статьи «Собор» о парламенте религий¹⁹¹. Преосв. Димитрий прошлое лето заседал в Синоде и будет, конечно, членом собора. Юлия Владимировна и я просим засвидетельствовать наше глубокое почтение Марье Григорьевне и Анне Васильевне и передать наш привет Вашим детям. Душевно Вам преданный и глубоко Вас уважающий

Н. Петерсон.

В. А. КОЖЕВНИКОВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ

25 мая 1912. Исар

Исар. 25 мая 1912. Глубокоуважаемый Николай Павлович! В ответ на сейчас полученное письмо Ваше от 12 мая спешу сообщить, что я намереваюсь уехать отсюда в Москву около 30 июня дней на 5, не более и в первой $\frac{1}{2}$ июля во всяком случае рассчитываю (да и весь июль) быть здесь, и август также; а потому, если приедете в первой $\frac{1}{2}$ июля, то меня наверное здесь застанете, разве только что неожиданное случится. Итак, жду Вас с бумагами, относящимися к Ник. Ф-чу, и будем заниматься, вместе и порознь. Рад буду иметь Вас нашим гостем. Д. Ф. Попов и мне писал, да и вообще из Пензы это уже не первое проявление интереса к Ник. Ф-чу. Еще писал по тому же поводу Яхонтов, автор дельной книги о житиях русс<ких> святых¹⁹². Наши все Вам и глубокоуважаемой Юлии Владимировне кланяются. Кланяюсь также Григорию Ник<олаеви>чу¹⁹³. Будьте здоровы.

Преданный Вам В. Кожевников.

В. А. КОЖЕВНИКОВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ

13 ноября 1912. Москва

<...> Сейчас говорил о Вашей заметке для «Моск<овских> Вед<омостей>» с Никол<аем> Мих<айловичем> Соловьевым (одним из «наших»; он инспектор 2-го реального Училища и очень хорош с Тихомировым). Он весьма заинтересовался Вашим сборником статей, ибо и раньше ему весьма понравилась Ваша «Переписка с Толстым»¹⁹⁴, и он сказал, чтобы я доставил ему Вашу рецензию для просмотра и 1 экземпляр книги Вашей для него, а другой для Редакции «Моск<овских> Вед<омостей>», что он просмотрит и книгу, и статью и напечатает последнюю, вероятно, под своим именем. Но прибавил, что хорошо бы добавить статью кое-какими замечаниями (это он сам сделал бы). Кроме того, просил еще 1 экз. для вручения попечителю учеб<ного> Округа, с которым (попечителем) он очень хорош.

В итоге, я решил, что наилучше было бы Вам самому занести ему 1) свою рецензию (Вы ее можете или получить от меня, или написать заново (это — проще), а во-вторых, четыре экземпляра Вашей книги (1 для Редакции, другую Соловьеву, 3-ю для попечителя, а 4-ю для одного господина, который вместе с Н. М. Соловьевым, вероятно, позаботится об оповещении о книге). <...>

В. А. КОЖЕВНИКОВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ

22 декабря 1912. Москва

<...> Статья Ваша (ответ Матвееву) была напечатана, но с тенденциозным примечанием Редакции¹⁹⁵. Сейчас Матвеев звонил мне и спрашивал Ваш адрес. Он хочет писать Вам извинительное письмо о своих промахах в статье¹⁹⁶. Я поставил ему на вид нежелательность дальнейшей полемики; он понял и обещал вести себя соответственно. И вас я просил бы не отвечать на замечания Тихомирова: нечего раздувать недоумений! Из этой заметки Тихомирова Вы видите, что я прав в своих опасениях относительно гг. ревнителей «чистоты учения». До выхода II тома надо воздержаться от всякой полемики. <...>

Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ

24 декабря 1912. Верный

24 декабря 1912 года

Глубокоуважаемый Владимир Александрович!

Вчера получил номер «Московских Ведомостей», в котором помещено мое возражение на заметку Матвеева с редакционным примечанием, и сегодня же отправил заказным письмом к Л. А. Тихомирову, копию которого Вы найдете ниже сего. Надеюсь, что Вы не осудите меня за этот ответ. Получив номер, как и в первый раз, думал промолчать, но затем решил еще раз написать. Пользуюсь случаем еще раз поздравить Вас, Марию Григорьевну и Анну Васильевну с праздником.

Всею душой Вам преданный, искренно и глубоко Вас уважающий

Н. Петерсон.

Копия

Приношу Вам глубокую благодарность за помещение в № 295 Вашей газеты моего возражения против заметки С. М. в № 293-м «Моск<овских> Ведом<остей>» о моей книге — «Н. Ф. Федоров и его книга “Филос<офия> Общ<его> Дела” в противоположность учению Л. Н. Толстого “о непротивлении” и другим идеям нашего времени». Еще больше благодарю Вас за снятие обвинения с идей Н. Ф. Федорова в неправославности, так как в редакционном примечании говорится, что редакция не может согласиться с православностью многих идей Федорова в моем лишь изложении, тогда как С. М. в своей заметке говорит прямо о самом Н. Ф. Федорове, что будто бы его идеи не могут быть признаны соответствующими

учению православной веры, а меня упрекает лишь в излишнем увлечении философией Н. Ф. Федорова. Но суждение г-на С. М. в счет идти не может потому, что он поторопился высказать свое мнение и о моей книге, не ознакомившись с ней надлежащим образом, с книгою же Н. Ф. Федорова он, конечно уж, не знаком, она вчетверо больше моей.

Но не поторопились ли Вы и меня назвать неправославным? Одинаково с православными я осуждаю Толстого, одинаково с православными смотрю на выступление Гр. Петрова в его письме к митрополиту Антонию, одинаково с православными возмущаюсь нашим, так называемым, освободительным движением и тем положением, в котором оказалась наша православная Церковь. И вот говорят, что я — не православный! Не недоразумение ли это, происшедшее, быть может, от неясного моего изложения, а может быть, и по другим причинам?! И не следовало ли прежде обозвания изложенных мною идей неправославными в газете, т. е. во всеобщее сведение, переговорить со мною, указав, в чем выражается мое неправославие! Обозвать неправославным человека, верующего во Христа и признающего православие высшим выражением христианства, ведь это значит возвести на него самое тяжкое обвинение. Как же можно так обесславить человека, не приняв всех указанных Христом мер, чтобы убедиться, точно ли он заслуживает такой брани. Назвать неправославным — это оскорбительнее всякой брани, всякого ругательства. Не потому ли все наши правые организации быстро распадаются и в вечной вражде друг с другом, что мы слишком скоро на брань, на ругательство, что мы слишком переоцениваем себя и слишком презрительно относимся к другим.

Справедливость требовала бы, чтобы и это письмо было напечатано в ближайшем номере Вашей газеты, но я этого не требую, предоставляя Вам поступить так, как Вы найдете справедливым. Пользуюсь случаем поздравить Вас с праздником Рождества Христова, провозвестившего, что на земле будет мир и между людьми любовь. Когда же это будет? Примите уверение в совершенном почтении. Всегда готовый к услугам Вашим.

Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ

17 марта 1913. Зарайск

<...> 14-го марта были в Зарайске¹⁹⁷, в ночь на 15-ое отправился в Рязань, где пробыл несколько часов, представился только Председателю. Возвращаясь из Рязани, купил на вокзале № 61-й, от 14 марта, «Московских Ведомостей», где статья Тихомирова о 2-м томе «Философии Общего Дела»¹⁹⁸. Нужно ли на нее реаги-

ровать и как, я не успел еще подумать. Во всяком случае, никакого публичного выступления по поводу этой статьи с моей стороны без предварительного соглашения с Вами не будет; а написать только Тихомирову самому, быть может, я напишу, и этого письма он, во всяком случае, не напечатает и никому не покажет. Во всяком случае и это письмо я пошлю Вам на предварительный просмотр. <...>

Город здесь не дурной, старинный с кремлем и имеет тринадцать церквей; здешний Пресвященный именуется Рязанским и Зарайским. Дел, подлежащих моему разбору, не очень много. Квартиру нашли недурную, хотя и дороговато, 35 руб. в месяц; плохо то, что нет при ней ни сада, ни огорода. <...>

В. А. КОЖЕВНИКОВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ

21 марта 1913. Москва

Москва. 21.III.1913

Дорогой Николай Павлович!

Спасибо за скорое уведомление! Приветствую Ваше водворение в Зарайске: дай Бог в час добрый! — Статью Льва, конечно, читал и объясняю ее предшествовавшими стычками с Вами; без этого он, вероятно, просто не обратил бы внимания на книгу. Возражать ему публично ни в каком случае не следует; но я бы рекомендовал и письменно воздержаться. Вы его не переубедите, а только можете подвинуть на вящее выступление против книги; а он уже и своею статьею сильно повредил в правом лагере, среди, напр<имер>, таких людей, как Васнецов¹⁹⁹, С. Н. Фишер, некоторые иерархи и т. д. Конечно, мы можем на это сказать: «Наплевать!», но в деле, о котором говорит Н. Ф., плевать ни на кого нельзя. Вчера у меня был один из провинции, издатель журнала «Ревнитель». Он миссионер в Воронеже (Кунцевич²⁰⁰) и воскликнул: «Каково разделали-то Федорова в “Моск<овских> Вед<омостя>х”!» Вот почему благоразумнее последовать правилу «не связываться!» — Письма Вашего Новоселову еще не мог прочесть: он очень слаб и споры ему вредны. Крандиевский публикацию сделал хорошо²⁰¹; но статьи пока нет; молчат и другие обещавшие написать. Это жаль, промедление вредит распространению книги. Отдельными экз<емплярами> понемногу, впрочем, идет.

Поклон от всех нас и сочувствие Вам и Юлии Вл<адимиров>не. Сердечно желаю всего лучшего. Преданный Вам В. Кожевников. Пишите.

В. А. КОЖЕВНИКОВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ

3 апреля 1913. Москва

<...> В качестве нового по части общих наших интересов сообщая, во-первых, вырезку из «Утра России» о Н. Ф. Федорове по случаю нынешнего юбилея Румянц<евского> Музея²⁰². На это торжество я получил приглашение и почетный билет, но не пошел туда. В статье, конечно, есть ошибки, но все-таки хорошо сделал кто-то, что напомнил о Н. Ф-че. Во-вторых, Д. Ф. Попов пишет, что 10 экз<емпляро>в уже продал²⁰³, а остальные, говорит, наверное, разойдутся скоро, так что он выслал мне деньги за все 20 экз<емпляро>в. Жаль, что у нас мало таких ревностных распространителей идей Н. Ф-ча! От времени до времени обращаются с просьбами о 1-м томе; между прочим, на днях писал об этом мне Коноплянцев, автор хорошей биографии К. Леонтьева²⁰⁴. Я ему послал. Рассылаю I-й и II-й тома по библиотекам. От Академий и Университетов получаю благодарности за присылку книг. <...>

Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ

7 апреля 1913. Зарайск

<...> Очень и очень благодарен Вам за статейку о Н. Ф-че по поводу юбилея Румянцевского Музея, на котором никто и не обмолвился о том, кто был чуть не два десятилетия, и даже больше, душою этого учреждения. В статейке кое-что переврано, но она написана с любовью, а за любовь все прощается; хотя немножко странно, что у любящего такая неосведомленность. Не писал Вам, потому что писать было нечего, и теперь не знаю, что написать о себе. Могу, впрочем, сказать, что стараюсь кратко изложить суть учения Н. Ф-ча, и как будто что-то выходит. Я думаю, что это была бы статейка, подходящая для бюллетеней²⁰⁵, хотя великовата для них. Перечитывая для статьи произведения Н. Ф-ча, вижу, до чего целно его учение и потому его можно принимать и, в таком случае, вполне или же отвергать и, в таком случае, тоже вполне. Смущает, конечно, больше всего то, что как будто в учении слышится искусителево — «будете как божи». И несомненно это слышится, но искусителево ли это?

На 5-й неделе великого поста был у вечерней службы, слушал «Канон Благодарный Пресвятой Богородице», творение Иосифово, в 4-м стихе 4-й песни этого канона говорится: «Законодавец рождающая истинного, радуйся владычице, беззакония всех туне очищающего, неведомая глубино, высоты неизреченная, браконейскуная, ею же мы обожихомся». Что это такое? Или это пустые слова? Но как могут относиться так к этим словам хотящие при-

знать даже имя Божие, имя Иисуса Богом? А что это значит — «да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне и Я в Тебе, — так и они да будут в Нас едино». Ведь это же молитва Нашего Спасителя в важнейший момент Его служения пред вступлением в Гефсиманию и молитва, не сопровождавшаяся оговоркою «Но не так, как Я хочу»²⁰⁶ и пр. Возможно ли, чтобы эта молитва осталась неуслышанною, а если услышана, то останется ли неисполненною? А если она исполнится и мы достигнем единства в Боге, Нашем Отце, то чем же мы тогда будем и что же будет тогда недоступно нашей мощи? И что, наконец, дерзновеннее, — думать ли, что, объединившись, мы достигнем и единства с Богом, обожимся; или же думать, что, оставаясь в розни, как теперь, оставаясь ничтожеством, тою мерзостью, которую каждый из нас представляет, находясь в розни, чтобы нас ради, ради такой дряни, Господь сошел с небес, воплотился, сделался человеком, страдал, умер, был погребен... Если все это совершил Господь, то совершил для чего-нибудь очень большого... А большого мы можем достигнуть лишь при объединении по образу Пресвятой Троицы, а потому и нужно стремиться к такому объединению. <...>

В. А. КОЖЕВНИКОВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ

27 апреля 1913. Москва

Москва. 27/IV. 1913

Дорогой и глубокоуважаемый
Николай Павлович!

Спасибо за интересное письмо! Вы возбуждаете в нем много важных вопросов, требующих серьезных ответов. К сожалению, за скорым отъездом и сборами, сейчас на это нет времени. Я прошу поэтому отсрочить ответ до моего водворения на Исаре. А пока рад сообщить кое-что приятное касательно Н. Ф-ча. Во-первых, посылаю Вам вырезку из «Нов<ого> Времени», статью Креславского²⁰⁷, в общем — очень благоприятную для книги, хотя уж слишком вскользь и мельком только упоминающую о главном. Тем не менее спасибо ему за сочувственное отношение. Эта статья много подействует тому, чтобы обратили внимание «на героя мысли» (надо бы прибавить: «мысли о деле»!). Во-вторых, генерал Нечволодов (автор «Сказаний о Русс<кой> земле», выходящих 4-м изданием в иллюстрированном виде и в громадном количестве экз<емпляров>) прислал мне на просмотр предисловие своей книги, прибавляя, что «одновременно то же предисловие отправлено им Государю Им<ператору>» (который покровительственно относится к его изданию). И вот в этом-то предисловии много говорится

о Ник. Фед-че с великим почтением за его любовь к родине и за его проникновенное, глубокое понимание смысла и ценности русс<кой> истории. Н. Ф. называется здесь «великим среди великих»²⁰⁸. Таким образом, доблестный генерал исполнил свое слово довести о Н. Ф-че до сведения самого Государя. Кроме того, он предлагает рассылать при своем издании объявления о книге Н. Ф-ча. Я заказал 4000 таких объявлений и отправляю ему для вложения в его книги. Это полезно. В третьих: написал статью о Н. Ф-че Цветков для «Нов<ого> Времени»; боится только, что после статьи Креславского его статью не напечатают; но я думаю, что поместят²⁰⁹. В-четвертых. Сегодня более часа сидел у меня главный сотрудник «Русс<кого> Слова» А. С. Панкратов и беседовал о Н. Ф-че; будет писать о нем фельетон в «Русс<ком> Слове»²¹⁰. Он, как заметно, читал оба тома и мою книгу; я дал ему еще Вашу; он спрашивал про газетные статьи; я тоже указал. Конечно, в его статье будет всего довольно и хорошего, и плохого. Но для оглашения это будет все же весьма полезно. Из магазинную книгу вновь у меня не спрашивают (положим, взято было помногу экз<емпляро>в сразу); но вчера Суворин²¹¹ взял за деньги еще 5 экз.; значит, прежние распроданы. Иногда из разных городов письменно спрашивают у меня то 1-й том, то оба, и мою книгу. Я посылаю оба тома (моей книги нет). Третьего дня очень сочувственное было письмо от одного доктора медицины Дмитр<ия> Серг<еевича> Морозова из Кишинева: называет книгу Н. Ф-ча изумительной, необычайно интересной. Писал (как об очень важной) еще петербургский философ барон Таубе²¹². «Глубоко интересной» считает ее и киевский философ Зеньковский. Словом, хотя понемногу, а как-никак интерес растет. Слава Богу! <...>

Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ

10-11 июля 1913. Зарайск

<...> Сегодня получил наложенным платежом 3-ю книгу (май-июнь 13 г.) «Вопросов Философии и Психологии», а дня за два перед этим 25 оттисков моей заметки²¹³. В своем возражении кн. Трубецкой доказывает, что Соловьев не был правоверным учеником Н. Ф-ча и в доказательство этого ссылается на самого Н. Ф-ча, приглашая меня поверить, если уже не Соловьеву, то хотя Н. Ф-чу, указывает при этом на статью, вошедшую в супраморализм — «Супраморализм (т. е. воскрешение) противоположно мистицизму Достоевского и Соловьева»²¹⁴. А затем кн. Трубецкой утверждает, что способы научные, естественные доступны только немногим большим ученым, способы же мистические доступны всем, и проч. безумные глаголы. Думается, что надо обратиться с письмом к Его Си-

ятельству и сказать ему, что он борется с созданными им самим мельницами, я же и не думал никогда считать Соловьева верным учеником Н. Ф-ча, потому что по самой натуре своей Соловьев не мог быть верным чему-либо, для него самое страшное было показаться смешным, и когда, однажды, Н. Ф-ч предложил Соловьеву, очевидно, только что высказавшему Н. Ф-чу полное согласие с его учением, изложить прямо свое верование в возможность воскресения, Соловьев возразил — «а что тогда скажет Михаил Матвеевич (или Михаил Михайлович (хорошо не помню)) Стасюлевич²¹⁵, он назовет меня сумасшедшим и не пустит за свой круглый стол» (за который собирались в определенный день недели избранные, в числе которых был и В. С. Соловьев). Вот каков был Соловьев! <...>

В. А. КОЖЕВНИКОВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ

14 июля 1913. Исар

Исар. 14 июля 1913

Глубокоуважаемый и дорогой Николай Павлович!

Хочу с Вами поделиться следующей новостью. На днях проф. Духов<ной> Академии отец Павел Флоренский прислал мне письмо²¹⁶, в коем сообщает, что у него был бывший студент Моск<овской> Академии Горский²¹⁷ (которого он аттестует с очень хорошей стороны) (студент, окончивший курс). Оный Горский в великом восторге от учения Н. Ф-ча и сообщает, что примкнул в этом отношении к другим, также сочувствующим, из уже известной Вам кучки пресловутого Ионы Брехничева²¹⁸ (журналец коего «Новое вино»?²¹⁹ — кажется так! — вы видали). Оказывается, эти господа ухватились за идеи Н. Ф-ча и теперь организуют пропаганду оных и дело это окрестили именем «Вселенского дела»²²⁰, к участию в коем приглашают желающих. Для начала они намереваются выпустить сборник статей под этим же заглавием, для коего уже имеются и обещаны статьи:

- 1) Дело Иисуса (комментарии к Ев<ан>г<е>л<ия>м).
- 2) Философия воскресения: статья о Н. Ф. Федорове, В. Соловьеве и Анри Бергсоне.
- 3) Археология как попытка к воскресению.
- 4) Медицина и воскресение.
- 5) Лев Толстой в отношении к смерти и бессмертию.
- 6) Мережковский о преображенной плоти.
- 7) Идея воскресения в Талмудической литературе.
- 8) Погребение или сожжение?
- 9) Достоевский и бессмертие.

- 10) Религия свободного человека.
  - 11) Теория относительности как проект победы над временем. Затем они говорят о желательности разработки следующих тем:
    - 1) Учение о воскресении в Библии;
    - 2) То же в мире внехристианском (язычество, магометанство, иудейство);
    - 3) Вселенское дело (Преображение и воскресение всего Космоса);
    - 4) Отцы и учителя древнего Христ<ианства> о воскресении.
    - 5) Положительные и отрицательные течения по вопросу о жизни и смерти во всемирн<ой> литературе;
    - 6) Идея всеобщ<его> воскресения в мировой поэзии;
    - 7) Секты и религиоз<ные> движения — о деле воскресения.
    - 8) История как дело воскресения.
    - 9) Гносеология и метафизика по вопросу о смерти и бессмертии.
  - 10) Идея воскресения в естественно-научной философии (Сведенборг, Мечников, Н. Морозов, Карел, Минковский, Бахметьев, Абдергальден и др.).
  - 11) Социология и дело воскресения и преобразования всего Космоса.
    - 12) Астрология в связи с вопросом о воскресении.
    - 13) Химия и дело воскресения.
    - 14) Идея воскресения и биология.
    - 15) Современ<ная> техника и открытия как симптомы близкой победы над пространством и временем.
    - 16) Идея воскресения и преобразования всего сущего в теософии, оккультизме, спиритизме, ментализме;
    - 17) Идея воскресения в музыке.
    - 18) Идея воскресения в живописи.
    - 19) Идея воскресения в архитектуре и пр.
    - 20) Ритм в искусстве и жизни как система преобразования тела.
    - 21) Причины старости и борьба с нею.
    - 22) Причины болезней и страха смерти по данным психотерапии.
    - 23) Библиография о воскресении.
- «Последний срок для присылки статей (рассказов, стихотворений) 1 сент. 1913. Адрес для корреспонденции: Одесса, Дегтярная, 10, кв. 3. Ионе Пантелеймоновичу Брехничеву». — Сведения эти заимствую из присланного Флоренским «проспекта» издания в Москве (Издание Дорофеевой. М. 1913. Не для продажи. 15 стр. 18°) под заглавием «Вселенское Дело». В этой брошюре взывается: объединиться для общего дела. Таким делом может быть только борьба с общим врагом: «Все его знают. Все его терпят. Не настало ли время всем миром тронуться против него в поход?»

Смертные всех стран, племен, народов, всех занятий, званий, состояний, всех верований, мнений, убеждений, — соединяйтесь!» — Победа возможна только соединенными усилиями. Награда: «мы овладеем своим прирожденным правом — правом на бессмертие.

Возможность или невозможность узнается из опыта. Как судить о ней пока не сосчитаны силы, не испытаны средства. Счастливы уверовавшие в успех еще не видя его. Но и неверующим — отчего не попробовать?... Борьба должна вестись одновременно в созерцании и в действии, в теории и в практике, втайне и наяву, в мистике и в науке».

Затем указывается недостаточность мистиков и их «работы над собой» без ревности о спасении Целого, их «умное делание», не связанное со вселенским делом. Далее — недостаточность материалистов, утверждающих, что мысль есть движение вещества. Вместо того чтобы спорить об этом, «мы приглашаем их доказать это, а доказать это можно единственным способом — превращением всего мертвого вещества в мысль и чувство, воссозданием из праха живых тел, т. е. тем самым делом, которое завещано новому человечеству религ<иозным> преданием и художеств<енным> предвидением минувших веков. Не о чем пререкаться и с обществен<ными> деятелями на всех поприщах, так как все их деятельности получают смысл и оправдание во всеобщ<ем> деле и только в нем. Консерваторы должны сознать, что не охранение смрада и тления и вечного разрушения должно быть их задачей, а восстановление нетленно-целостного. Реформаторы могут ли отрицать, что всякое преобразование явится новою заплатою на старые меха, если оно не будет ступенью к окончательной, радикальной реформе...

Всех, кто считает победу над Смертью, победу не в мистическом только и не в метафорическом каком-либо, а в самом прямом, простом и точном смысле возможной и желательной, — призываем мы к сближению и объединению. Даже если бы кто не решился утверждать возможность, достаточно, если эту цель он находит достойной того, чтобы к ней стремиться. Возможность же или невозможность узнается из опыта» и т. д.

Флоренский пишет, что Горский, как и Брехничев, «страстно увлечен Федоровым, считает его величайшим мыслителем мира и т. п.; говорит федоровским языком и его выражениями». «Неосомненно, — добавляет Фл<оренский>, — что “Вселенское дело” создаст большую известность Федорову и... вульгаризирует его. По крайней мере мне уже стало ясно, что они проектируют будущее воскрешение на почве естествознания, чуть не каким-либо химическим способом». Опасным считает Фл<оренский> участие

в «деле» таких личностей, как Брехничев и Свенцицкий²²¹. Сам же Фл<оренский> такой способ воскрешения считает неприемлемым и учение о нем Федорова неясным и требующим разъяснения, прибавляя, что «в большинстве случаев отдельные мысли Федорова всецело разделяет».

Вот, какие новости обнаруживаются! Огласку это предприятие, несомненно, даст мыслям Н. Ф-ча; но поскольку я знаю свойства Брехничева и Свенцицкого, надо ждать, что к чистоте учения Ник. Ф-ча они примешают кучу своих шлаков. И нельзя не пожалеть, что призыв к «Общему делу» исходит именно от этих лиц. Положим, «Бог и из камней силен воздвигнуть сынов Авраамовых»²²², и все-таки надо ждать и хорошего, и дурного.

Еще сообщу, что ко мне писал некто Михаил Кротков, студент 4-го курса Петерб<ургской> Академии из села Ерахтург Рязанск<ой> губ<ернии> с просьбою выслать ему оба тома Н. Ф-ча и мою книгу: он хочет взять темою своего кандидатского сочинения учение Н. Ф-ча. Я послал ему оба тома; моей книги не имею; Вашей он, по-видимому, не знает. Не пошлете ли ее ему (адрес: Михаилу Кроткову, студенту Дух. Академии. Почтовое отделение Ерахтур, Рязанск<кой> губ<ернии>)²²³. Еще послал 1-й т<ом> некоему Познякову в Харьков, якобы «занимающемуся религиозно-философскими вопросами». Этот спрашивает, что и где писано о Федорове в католической литературе на франц<узском>, немец<ком> и польском языках. Или что-нибудь было? Я не слыхал.

Нет ли чего нового у Вас? Я разослал объявления об обоих томах в большом количестве для вложения в «Рассказы о Русс<кой> Истории» генерала Нечволодова, выходящую в очень большом количестве экземпляров.

Напечатана ли Ваша полемика с Трубецким?²²⁴ Здесь нельзя достать «Вопросов философии». Нет ли у Вас отдельного оттиска?

Возвращаясь к сборнику «Всел<енское> Дело», я думаю, что, как бы то ни было, это пробный шар по отношению к публике, и не будь его руководителями столь скомпрометированные лица, как бы хорошо было, если бы отозвались на подобную программу разработки вопроса о воскрешении люди основательные и дельные?..

16 июля. Сейчас получил Ваше письмо. Сердечно благодарю Вас и Ваших за поздравление. Прошу передать мой поклон и всех наших глубокоуважаемой Юлии Владимировне и Михаилу Ник-чу и таковой же посылаем и Вам.

Преданный Вам В. Кожевников.

Р. S. Пожалуйста, пришлите 1 оттиск Вашей и Трубецкого статьи. О стихотворении²²⁵ — в следующем письме.

В. А. КОЖЕВНИКОВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ

10 августа 1913. Исар

Исар. 10 авг<уста> 1913

Глубокоуважаемый и дорогой Николай Павлович!

Сегодня получил Ваше письмо; сегодня же заказн<ой> бандеролью отослал Вам вырезку из «Вопросов философии». А теперь прошу простить промедление в ответе. Неисправность в корреспонденции — мой старческий, неисправимый грех. Простите великодушно! Медлил из-за желания узнать мнение Булгакова по поводу этой полемики, а свидание с ним все расстраивалось. Теперь, в виду Вашего письма, ждать уже нельзя было, и я отослал Вам сказанное²²⁶.

Должен сказать, что статья князя оказалась, по-моему, лучше, чем я ожидал. И я принужден высказать, что нахожу, что он прав в определении отношения Соловьева к Ник. Ф-чу в двух смыслах: во-первых, что он не был убежденным сторонником Н. Ф-ча, несмотря на высокую похвалу свою ему; во-вторых же, что мотивом отклонения от Н. Ф-ча у него было не одно непонимание и не боязнь только оказаться смешным в салоне Стасюлевича. Думается, Трубецкой правильно определил, что Соловьева не удовлетворяло только рационалистическое (не мистическое) и только материалистическое решение вопроса о воскрешении; не удовлетворяло отсутствие «благодатных» средств в этом процессе. И я нахожу, что такой взгляд нельзя объяснять одним непониманием Н. Ф-ча. Я (простите меня за откровенность) нахожу, что Вы делаете промах в своих полемических статьях, сваливая у противников все на одно «непонимание» и «неспособность понять» Н. Ф-ча. Как же это так, что самая важная, самая нужная истина, для всех предназначенная — и все не понимается! Тогда пришлось бы признать, что изложение ее у Н. Ф. несовершенно или темно по крайней мере! А это признать нежелательно! Вы же этого ни в каком случае не признаете, и вот это-то и побуждает Вас писать так неприемлемо. Но что же получается? Вы форсируете положение, побуждаете противников все резче отклоняться, что они и делают. Вот мы добились обвинения Н. Ф-ча Л. Тихомировым почти в ереси!²²⁷ Далее: 1-я статья Трубецкого (в книге о Соловьеве) и 2-я (ответ на Вашу 1-ю) в «Вопросах» были писаны умеренно и принесли пользу в смысле укрепления в читателях интереса к Н. Ф-чу. На этом пока и следовало, до поры до времени, приостановиться. Вы же написали 2-ю статью²²⁸. Сама по себе она хороша, хотя в вышеуказанном смысле я с Вами не согласен (в объяснении отношения Соловьева к Н. Ф-чу); но не хорошо для хода дела то, что Вы опять форсируете положение по правилу «все или ничего». Ну, вот и дофорсировали: последний ответ Трубецкого вместо похва-

лы Н. Ф-чу (как было в конце предыдущей статьи) оканчивается уже совсем нежелательной дилеммой: «или Федоров, или Евангелие!»²²⁹. Человека, совсем не враждебного Н. Ф-чу²³⁰, Вы вот куда затеснили своим преждевременным «или все, или ничего», желанием доказать, что у Н. Ф-ча — «все», а у других — «ничего»! Я же нахожу, что доводить до такой отчаянной формулы: «или Ф<едоро>в, или Ев<анге>лие!» — прямо обидно для успеха великого дела. Но что же дальше? Вы и тут не хотите прекратить спор, «не пользующий нимало». Вы уже написали 2-й ответ и там сами поставили новую дилемму: или Н. Ф., или ап. Павел! с критикой оного!²³¹

Знаю, дорогой Н. П., что все сие побуждается в Вас самыми лучшими намерениями; но, право, почти до слез обидно, как помотришь на результаты: обострять, вооружать, когда и без того большинство так глухо! Как я радовался тому, что Ваша статья была помещена в «Вопросах» и что ответ Трубецкого вышел сдержанный и, в общем, благожелательный по отношению к Н. Ф-чу! Это было хорошее начало для проникновения в философский лагерь. А теперь дело испорчено. Если пойдут твердить и там: «Федоров или Евангелие», — пользы мало будет. Ужели на Свенцицких и Брехничевых надеяться!.. Простите за эти невеселые мысли, но они непритворным огорчением вызваны и желанием не подливать масла в огонь. Повторяю, что я не статьями Вашими *самими* по себе недоволен, а теми полемическими приемами Вашими, которые доводят до таких обострений. По-моему убеждению: «тише едешь, дальше будешь» — пословица в данном случае применимая.

Все наши и я шлем Вам и глубокоуважаемой Юлии Владимировне и Мих<аилу> Ник<олаеву>чу сердечный привет и наилучшие пожелания.

Преданный вам В. Кожевников.

Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ

20 августа 1913. Зарайск

20-го августа 1913 года

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Александрович!

В тот самый день, когда я получил Ваше огорчившее меня письмо, я имел также радость получить письмо, при сем прилагаемое, от иеромонаха отца Виталия²³², верного последователя учения, которого провозвестником был Н. Ф-ч и которое он назвал *супраморализмом*. Супраморализм же, по объяснению Н. Ф-ча, и есть «само христианство в его нераздельной полноте, когда догматы не отделялись еще от заповедей, а служением Богу призна-

валось не одно только храмовое богослужение, когда не было резкого разъединения между духовным и светским — по крайней мере, не предполагалось, — и было, или должно бы было быть — одно знание, одно дело или искусство, т. е. пока философия, под видом служанки, не внесла в христианство разъединение, узаконившее разъединение и в жизни». Супраморализм, или христианство, есть такое учение, которое «требует для своего осуществления участия светской и духовной властей, полного их согласия», а потому оно «не может быть ни особою сектою, ни партией, ни особою школою. Оно желает потерявшим веру в себя самодержавию и православию дать орудие, которым они могли бы победить всех врагов своих; но эта победа будет бескровною, ибо и самому войску дается бескровная миссия». Эмблемой этого учения, по мысли Н. Ф-ча, должно быть «орудие регуляции неразумною силою» (аппарат Каразина²³³ или змейковый), увенчанное крестом с надписью под ним или над ним: «Дана Мне всякая власть на небеси и на земли»²³⁴ и «Сим победиши». Делаю эту выписку из черногого письма²³⁵, в котором Н. Ф-ч говорит, что супраморализм имеет двух врагов, из которых один сознательно употребит все усилия сделать его орудием современного атеизма, и это говорится о Черногоубове, а другой по неведению, сам того не сознавая, будет помогать первому, бороться же с ним он решительно не в состоянии, и это говорится, к величайшему огорчению моему, обо мне, причем Н. Ф-ч говорит, что он меня знает и что я не сумею, да и не найду выгодным вести так дело, чтобы быть между двух огней. Надо думать, что это письмо было написано после последнего нашего свидания с Н. Ф-м, когда я увез в Асхабад черновик статьи под заглавием «Супраморализм»²³⁶. И это меня заставляет принести Вам мою глубочайшую благодарность за то, что Вы остановили меня от сношений с Черногоубовым. Должен признаться, что это письмо ставит меня в крайне тяжелое, затруднительное положение. Если бы Вы были вполне согласны с учением, так понимаемым, как понимал его Н. Ф-ч, то я по прочтении этого письма ни одного шага не сделал бы без Вашего одобрения; но Вы сами говорите, что Вы не разделяете мнений Н. Ф-ча и притом в самом существенном. А я не в силах был даже Вас убедить в том, что Н. Ф-ч вовсе не отвергал участия благодати в деле, совершаемом Богом, но чрез человека. И как это возможно, что в деле Самого Бога отсутствует Божественная благодать. Сам Н. Ф-ч на замечание, что земля, прежде чем человек станет управлять ходом ее, может потерпеть такую катастрофу, которая уничтожит и землю и всех обитателей ее, — отвечал, что Бог, конечно, не допустит того, чтобы предназначенный Им план не был осуществлен... Да, я чувствую бессилие свое побороть это удивительное недоразумение, которое даже Вы разделяете, а потому для меня весьма дорога

поддержка таких людей, как отец Виталий. Он окончил курс учительской Семинарии, был учителем, а потом стал монахом. В Иссыккульском монастыре подвергался издевательствам со стороны братии, и все это терпел с кротостию, без всяких на кого-либо жалоб, подчиняясь требованиям своих собратий, которые предъявлялись ему только для того, чтобы причинить ему какую-либо боль или другую неприятность, поставить его в смешное положение. Преосвященный Димитрий его знает, он его сделал иеромонахом, и он же отнял его у меня, когда тот сделался моим помощником по школе²³⁷. В настоящее время отец Виталий на посту «Сарай», на границе Бухары с Афганистаном по своему собственному желанию устроил школу, завел при школе огород, который обрабатывает со своими учениками, и получаемые с него плоды отдает ученикам; устраивает на свой счет метеорологическую станцию, — обратился было с просьбой в Главную Физическую Обсерваторию о высылке инструментов, но ему сообщили, что вышлют только за деньги, и он отправил деньги, которые от него требовали; выслали пока только дождемеры, термометры еще проверяются в Обсерватории. Только отец Виталий, Д. Ф. Попов, В. Н. Хомуцкий²³⁸ и мой сын внушают мне некоторую бодрость и уверенность, что и мои усилия могут быть полезны, и я могу действовать не во вред учению. Считаю своим долгом послать Вам письмо отца Виталия, из которого Вы увидите, что есть люди, понимающие учение Н. Ф-ча так, как он его понимал, и эти люди не профессора, не ученые, как князь Е. Трубецкой, а люди простые и искренно верующие, и в то же время эти люди не говорят, что нужно делать выбор между Федоровым и Евангелием, напротив, они думают, что только путь, указываемый Федоровым, и ведет к осуществлению *Благой Вести*, заключенной в Евангелии.

Юлия Влад<имировна>, сын Михаил и я просим засвидетельствовать наше глубокое почтение Марье Григорьевне и Анне Васильевне и передать наш привет Вашим детям.

Душевно Вам преданный Н. Петерсон.

В. А. КОЖЕВНИКОВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ

20 августа 1913. Исар

Исар. 20.VIII.1913

Глубокоуважаемый и дорогой Николай Павлович!

Вчера получил Ваше письмо; сегодня же отвечаю. Очень и я огорчен, если невольно огорчил Вас предыдущим письмом. Но Вы сами пишете: «надо говорить то, что думаешь». Вот я и должен был высказать Вам свои соображения относительно обострения

полемики по поводу Н. Ф-ча. Вы, как всегда, сочли это (как и всякое частичное возражение, касающееся учения Н. Ф-ча) за мое отречение от него и очень еще раз ошиблись. Учение Н. Ф-ча мне в высшей степени дорого и ценно; но если бы неизбежна была альтернатива «Евангелие или Н. Ф.?», я так же, как и Трубецкой, не колеблясь, выбрал бы 1-е. Но, к счастью, нет надобности ставить такой альтернативы, и только об этом я и забочусь, только в этом смысле и сожалею, что полемика к такой постановке вопроса уже привела. Это плохо, это вредно, и еще раз в этом смысле не одобряю *ничьей* полемики.

Но как избежать такой альтернативы? Я вижу впереди две перспективы, открывающиеся для судьбы учения Н. Ф-ча: одна — принятие его в натуралистически-материалистическом смысле, усвоением его рационалистической научной стороны при очень равнодушном отношении к его нравственной и религиозной стороне. Это путь, по которому пойдут Свенцицкий, Брехничев и, как думает (и, по моему мнению, основательно думает) Булгаков, неверующие в будущем, которые используют в учении то, что им на руку, т. е. естественные средства устройства рая материального на земле, и отбросят то, что им в учении чуждо: его священный, нравственный долг и общий благоговейный, как раз *антиматериалистический* смысл. Это будет, конечно, грубое искажение учения, но возможное и даже, к несчастью, вероятное. Возможность и вероятность эту допускал сам Н. Ф., когда говорил мне и писал, что он веряет именно мне рукописи главным образом для того, чтобы они не были использованы Черногубовым и другими неверующими, которые (писал он) «не преминут пожаловать меня в атеисты». Вторая перспектива для учения — уберечь его от этого гнусного искажения. Как же уберечь? — Правильным истолкованием учения. Вам кажется, что истолковать его правильно и правильно понять *не трудно*; и в то же время постоянно, с Вашей точки зрения, оказывается, что его, за единичными, очень редкими исключениями, *никто* не понимает. Но на это Вам уже возражали, что если *столько* не могут понять, значит, есть что-то недоясненное или недосказанное (нельзя же всех этих г<оспод> считать за бестолковых или за умственных лентяев!). И я признаю, что это действительно есть; есть и недосказанное, а потому и недоясненное. И осмелюсь добавить: и слава Богу, что есть! Ибо продумывая и развивая *далее* то, что высказано, и *пополняя недоразработанное*, дополняя и развивая *не по букве* учителя, а *по духу его*, не на основании только *записанного*, а *[в] совокупности* его писаний, писем, бесед, его поведения, его характера, его симпатий и антипатий, то есть признавши, что *не весь* Н. Ф. в I-м и II-м томах «Философии общ<его> дела» и что учение его не исчерпывается даже всем написанным им, что оно способно к расширению

и пополнению, — если действовать так, вторая перспектива, правильного принятия его учения, станет возможною, *постепенно*, по мере этого развития и расширения. А в то и другое должно на *первом месте* войти выяснение *возможности сочетания естественных, научных средств решения его задачи с благодатными путями и средствами*; этого Вы не отрицаете, но упорно твердите, что все существенное, сюда относящееся, уже выражено в напечатанных статьях Н. Ф-ча и что дело — только за непонятливостью читающих. Я же говорю: если Вы будете на этом настаивать, Вы закрываете вторую, то есть хорошую, перспективу для судьбы учения; ибо верующие в *церковном смысле* не удовлетворяются в этом отношении тем, что пока напечатано, и вправе сказать, что *этого* недостаточно. И говорят они это не по бестолковости, а потому, что, действительно, о помощи Божию благодатию, о ней самой, о грехе, о таинствах церковных как средствах и проводниках ее, об Искуплении нас Спасителем и т. п., несомненно, очень мало говорится или ничего не говорится не только в доселе напечатанном, но и написанном Н. Ф-чем. Поэтому и не удовлетворяются, и основательно, с церковной точки зрения, не удовлетворяются. Не удовлетворяюсь и я, *если ограничиться только записанным и напечатанным*. Если этим ограничиваться, как Вы делаете в Вашей полемике, получается дилемма, которая и привела Трубецкого к злополучному вопросу: «Или Евангелие, или Федоров?» То же получилось и у покойного Петра Ив<ановича> Бартенева. То же и у Хомякова, то же и у Тихомирова. А мне, еще когда печатались статьи мои в «Архиве», читатели, *восхищаясь* мыслями Н. Ф-ча, все таки твердили: «однако успокойте нас относительно сомнения в согласии с учением Церкви». Вот и теперь Флоренский пишет мне, что требуется такое разъяснение, что обнародованное недостаточно и что отказ от во всех отношениях ему любезного и «родного» его духу учения Н. Ф-ча он не решится сделать, пока не дано будет такого разъяснения, а если окажется, что учение осуществимым надо считать одними естественными, человеческими средствами, если воскресение должно свершиться только химически, физически, лабораторно, то он в ужасе отвернется от этого величайшего торжества материализма²³⁹. Что же делать, не потому чтобы Флоренский или Трубецкой так ставили вопрос, а потому что, при вдумчивом отношении, этот вопрос *неизбежно* должен возникать для верующего не в новом каком-то смысле, а в старом, в *православном*, — что же, спрашиваю, тут делать? Я отвечаю: допустить, что Н. Ф., озабоченный необходимым подъемом естественных средств спасения, не успел или в свое время не считал еще нужным доразвить свое учение в сторону соглашения этих средств с Божественною помощью средств благодатных, как и вообще слишком занятый подъемом коллективного элемента в спасении, не дораз-

вил учения о субъективном, духовном процессе спасения, в котором на 1-м плане стоит сознание своей греховной немощи и необходимости спасения Благодатию Христовою.

Признавши это, надо попытаться доказать согласимость этого с напечатанными статьями. И тогда трудность, хотя и великая, может со временем быть побеждена. Если же отказаться от того и другого и сказать: «все уже есть, все уже выражено; дело только за пониманием слушающих и читающих», — тогда дело проигра-но для верующих, а махать руками на них нельзя, с точки зрения Н. Ф., как нельзя пренебрегать и текстами Св. Писания, хотя бы автором их был ап. Павел, — для православного верующего, а не для протестантского критика, который и перед евангельскими текстами не стесняется.

Вот мое посильное разъяснение к предыдущему письму. Практически это сводится к следующему: 1) Если полемика приводит к таким обострениям, как «или Еванг<елие>, или Фед<оров>?» — горе такой полемике. 2) Если же Вы считаете, что молчать на выражения Тр<убецко>го и иных претит совести Вашей, — я *очень, очень прошу Вас*, — печатайте ответ Ваш и, пожалуйста, из-за меня не отступайте: ведь я могу ошибаться в своих предположениях, а затем — вообще верно сказано: истина останется, а ошибки рано или поздно обнаружатся; солома сгорит, а золото уцелеет. Итак, повторяю, если совесть Вам говорит, что Вы должны продолжать полемику, — продолжайте ее и письменно и печатно. На столько-то уж Вы меня знаете, что не должны допустить во мне желания притворяться и маскировать истину или кому-либо подслуживаться! С другой стороны, я лишен того олимпийского самомнения, какое, например, есть у Сережи Северова²⁴⁰, который обзывает без колебаний таких людей, как Булгаков, Самарин и т. п., чуть не идиотами, если они затрудняются кое-чем в учении Н. Ф-ча. Цель Н. Ф. — не обострять, а примирять, не отгонять, а привлекать. Но так как взгляды на способы примирения и привлечение различны, то я не настаиваю на своих применительно к Вашим дальнейшим действиям, а в третий раз говорю: *действуйте по убеждению и по совести*. Что касается Ваших строк об ап. Павле, то на это должен ответить следующее: писания ап. Павла для меня — часть Священного Писания, богодухновенного и мною за таковое приемлемого, а потому трудности в его текстах встречающиеся (напр<имер>, о предопределении) не дают мне, как верующему, отбрасывать эти тексты. Трудности есть, их не мало, а все-таки это — непреложное Слово Божие и ставить со Словом Божиим на равную степень я никакое иное писание не могу. И это — не измена Н. Ф-чу, а правильная на него точка зрения. Н. Ф. был православный, а не протестантствующий критик тюбингенской школы и не ученик новых гг. Вреде и иных, для коих

Павел есть основатель особого христианства, не Иисуса Христова. — Лучше хочу умереть в заблуждении относительно православности Н. Ф-ча и согласимости его учения с православием, нежели разочароваться в этом отношении и быть вынужденным тогда — *только тогда, а не теперь*, отказаться от учения Н. Ф-ча.

Дружески искренне обнимаю Вас и прошу от меня и всех наших передать привет и поклон Юлии Вл<адимиров>не, Мих. Ник-чу.

Любящий Вас и преданный Вам В. Кожевников.

В. А. КОЖЕВНИКОВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ

10 октября 1913. Москва

<...> Интерес к Н. Ф-чу, по-видимому, растет понемногу, судя по частым письмам и личным просьбам о I томе. Сообщаю следующую выписку из письма некоего Яковлева Владим<ира> Ив<а-нови>ча из Харькова (впрочем, уезжающего на службу куда-то «в провинцию»). Он узнал о Н. Ф-че из каталога новых книг Харьков<ской> Обществ<енной> Библ<иоте>ки, куда я послал оба тома. Он пишет: «Теперь я не отрываюсь от чтения бессмертного “Общ<его> Дела”. Я совершенно подавлен и поражен бесконечными горизонтами, раскрываемыми этим пророком Будущего. Фед<оро>в глубже, чем кто-либо до него из философов, проник в сущность всеобщей жизни. Его учение — ни философия, ни наука, но живой факел проникновенной мысли, которая освещает путь к конечным целям бытия и приводит к принятию “общего дела”. Знание человеческое никогда еще не поднималось так высоко, как у Фед<оро>ва. Теперь оно переступило естественный свой предел и живую мысль подводит к постигновению Откровенной Правды. Философия совершила свое историческое дело подготовительного знания и через Фед<оро>ва человек<еское> просвещение доходит до осязаемого познания и раскрытия сокровенного смысла мира и от абстрактного познания переходит к сознательному делу». — Обещает сообщить «свое продуманное суждение относительно учения Ф<едоро>ва». Я, конечно, послал ему I том, но ответа пока не получил. Еще один студент Киевск<ого> ун<иверсите>та Буйницкий очень просил I т<ом>, обещая ревностно распространять среди товарищей студентов идеи Н. Ф-ча. Послал и ему; ответа тоже пока нет. Вчера 2 здешних студента-филолога приходили за I т<омом> (2-й имеют). Я указал им на Городские Библ<иотеки>, куда послал оба тома; уверяют, что трудно добиться: «всегда в спросе». Я сказал, что, проверивши это, дам в 2 библиотеки еще по 1-му экз<емпля>ру. Летом, судя по словам Мих<аила> Н<иколаеви>ча, в книжн<ых> магазинах не спраши-

вали. Но по приезде моем Вольф²⁴¹ для Питера взял еще 5 экз<емпляр>в.

Булгаков будет в Филос<офско>рел<игиозном> Об<щес>тве имени Соловьева читать о Федорове (когда — еще неизвестно). Тогда выпишу Вас на этот вечер, чтобы защищаться, в случае нападений; Вы гораздо тверже меня помните, где какие тексты. В. В. Розанов на днях прислал мне новую свою книгу «Литературные изгнанники» с надписью, в коей изъявляет глубокую благодарность именно за ознакомление его с Федоровым. Кстати, читали ли Вы его превосходную статью по поводу юбилея «Русс<ких> Ведомостей» в «Нов<ом> Времени» от 11 сентября?²⁴²

Вы, конечно, знаете, что у меня был Хомуцкий; трогательно беседовал и благодарил. Я его убедил написать откровенное изложение его прежнего духовного развития, перелома, в нем произведенного Н. Ф-чем, и тех впечатлений, которые вызывают мысли Н. Ф-ча в других лицах, которым он их сообщил. Он обещал²⁴³. Советовал ему заехать к Вам и, по-видимому, он у Вас уже был. Присланное Вами старое письмо Н. Ф-ча по поводу помощи больным²⁴⁴ — настоящая жемчужина. Если нужно вернуть, я вышлю. <...>

В. А. КОЖЕВНИКОВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ

5 марта 1914. Москва

Москва. 5/III-1914

Глубокоуважаемый и дорогой Николай Павлович!

Получивши Вашу статью²⁴⁵, я прочел ее и вполне одобрил для напечатания. Поджидал приезда Флоренского, но таковой состоялся лишь третьего дня. Я передал Ф<лоренско>му рукопись с просьбой напечатать. Но тут пришлось узнать неожиданную, дурную новость, а именно: февральская книжка «Бог<ословско> Вестника» задержалась выходом потому, что в ней было набрано 2 листа работы Голованенко о Н. Ф-че²⁴⁶, а епископ Федор²⁴⁷, просмотревший эту статью, сказал, что он не разрешает ее печатания, и потому статью пришлось выключить из книжки и заменить какую-то другою. Это явилось совершенною неожиданностью для Флоренского.

На вопрос о причине воспреещения статьи Голованенки отец Ректор сказал, что из нее он усматривает, что учение Федорова не сходится с православным. Флоренский пояснил, что Голованенко, хотя и относится почтительно к Федорову, но все же не примыкает к нему, а в дальнейших статьях возражает против него (первая статья носила хар<акте>р простого изложения идей Н. Ф-ча). Но

епископ нашел, что и это обстоятельство не меняет дела, и что он находит неуместным печатание в академич<еском> Органе статей, распространяющих идеи, несогласные с некоторыми истинами христианского учения. Таким образом, статья Голованенко была изъята и в «Бог<ословском> В<естни>ке» не появится. Какая будет ее дальнейшая участь — не известно. На основании такого отношения даже к работе, не примыкающей к Н. Ф-чу, нет никакой надежды, чтобы Ректор разрешил поместить в том же журнале статью, вполне одобряющую учение Н. Ф-ча и превозносящую его. Бесплезно даже и спрашивать его об этом. Тем не менее Флоренский сказал мне, что если допустить мысль, что у Вас могло бы запасть какое-либо подозрение относительно того, что только по этой причине не придется печатать Вашу статью, он, для удостоверения, готов, если Вы пожелаете, представить статью Вашу епископу и выслушать его запрещение, в котором нельзя сомневаться после того, что произошло со статьею Голованенки. Я выразил мысль, что не допускаю, что Вы стали бы сомневаться в точности слов и прямоте действий Флоренского, и хотел уже взять у него обратно статью, но Флор<енский> все-таки оставил ее пока у себя, сказавши, что ему жаль, что она не будет напечатана, что она содержит много ценного фактического материала, уясняющего взаимные отношения Н. Ф-ча и Соловьева. И тогда я оставил ее у него. Я думаю, не попробует ли он все-таки поговорить о ней с епископом Феодором? Я в недалеком будущем рассчитываю быть в Посаде и тогда опять справлюсь об этом вопросе. Вот какие неожиданные осложнения возникли! Убеждать епископа Феодора в том, что он ошибочно понимает Федорова, было бы бесполезно. Удивительно, что в двух других академиях смотрят снисходительнее, так как и в Петербургской и в Киевской пишут курсовые и кандидатские сочинения о Ф<едоро>ве; положим — не знаем, как и в каком духе пишут?..

До свидания, глубокоуважаемый и дорогой Н. П. Крепко жму Вашу руку и кланяюсь глубокоуважаемой Юлии Владимировне.

Наши все приветствуют Вас.

Преданный Вам В. Кожевников.

Прошу Вас написать Ваши соображения по поводу происшедшего и дальнейшего.

Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ

12 мая 1914. Зарайск

<...> А затем приношу Вам глубокую благодарность за «Богословский Вестник» со статьей Голованенко²⁴⁸. Что это значит и как это случилось, что Преосвященный ректор разрешил печатание

этой статьи? Я прочитал статью бегло и пока не вижу, что бы можно было возразить. Изложение краткое, но верное, как мне кажется. Судя по первым строкам статьи, нужно ожидать еще четыре статьи; будет интересно прочитать их, и я надеюсь, Вы мне пришлете те номера «Богословского Вестника», где будут помещены следующие статьи Голованенки.

Вместе с присланным Вами номером «Богословского Вестника» получил письмо Кроткова (студента IV курса С.-Петербургской Академии) и оттиск его статьи из февральского номера «Странника» под заглавием «Философ<ия> Общего Дела (к 10-летию со дня смерти Н. Ф. Федорова)»²⁴⁹. Статьйка небольшая, ничего особенного в себе не заключающая, но очень симпатичная. Вероятно, Кротков и Вам пришлет ее, если еще не прислал. Кротков пишет, что кандидатская работа его кончена и сдана профессору, говорит, что вышла книга в 211 печатных страниц, и прилагает оглавление книги, всего 14 глав, из которых общего характера: 1. Биографический очерк; 2. Общий характер Философии Общего Дела; 3. Философия Общего Дела и ее задачи; затем под общим заглавием — «Вопрос о небратстве и о неродственном состоянии мира» — пять глав (с 4 по 9), и под общим заглавием «Супраморализм» — 4 главы (с 10 по 13) и 14 глава заключительная²⁵⁰. — Я хочу просить Кроткова прислать мне его диссертацию.

Раньше еще получил от Вас I-й выпуск «Вселенского Дела», и когда начал читать «От Редакции» и «Дело Иисуса» — Ионы Брихничева, пришел в ужас, что в такую компанию мы поместили статью Н. Ф-ча о письме Достоевского и письмо его о Больнице²⁵¹. И дальнейшее знакомство с этой книгой меня не успокоило, так что я удивлялся, почему этот сборник статей, в большинстве противоречащих призыву Н. Ф-ча, посвящен памяти Н. Ф-ча. Статья Хлудова²⁵² сначала мне показалась ничего, но когда он стал объяснять, что такое Царствие Божие, я только руками развел. И только одна статья мне показалась терпимой и относящейся к Н. Ф., — это какого-то Горностаева под вычурным заглавием — «Тяга земная»²⁵³; некоторые выписки из Н. Ф-ча сделаны, по-моему, хорошо, хорошо сопоставлены с Соловьевым, и для человека думающего свидетельствуют, как Н. Ф-ч неизмеримо был высок в сравнении с Соловьевым. Но кто это Горностаев, не знаете ли Вы; как будто он знал лично Н. Ф-ча? Но сколько опечаток, гораздо больше и грубее, чем в моей книге. <...>

Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ

10 июля 1914. Зарайск

<...> Давно не имею от Вас никаких известий; не отвечаете мне и по поводу письма моего относительно 2-ой статьи Голованенки.

Неужели же Вы не заметили в ней искажений?²⁵⁴ — Кротков прислал мне свое сочинение, представленное им профессору Миртову; это — тетрадь в четверку писчей бумаги, ремингтонированная, содержит в себе 209 страниц. Изложение учения сделано прекрасно, хотя и не исчерпывает вполне содержания произведений Н. Ф-ча, но их и исчерпать довольно мудрено. Есть неверности и странности в биографическом очерке, но тут Кротков не виноват; критика учения слаба и очень коротка, очевидно, только для формы.

Вот о Кроткове не могу сказать, что он не познакомился с учением Н. Ф-ча, нет, он с ним знаком и понял его. Кротков хотел побывать у меня в Зарайске. Это было бы очень хорошо. Писал ли я Вам, что 27 мая у меня был Н. Н. Гусев, бывший секретарь Толстого, которого сыслали в Чердынь, и что я прочитал ему статью о Толстом и Болдыреве?²⁵⁵ Он нашел, что статья написана очень живо, но возбуждает много возражений, хотя ни одного возражения не сделал. <...>

В. А. КОЖЕВНИКОВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ

7 ноября 1914. Москва

Москва. 7/XI-1914

Многоуважаемый и дорогой Николай Павлович!

Сейчас только окончил чтение Вашей статьи²⁵⁶ (читал мне ее Мих<аил> Ник<олаевич>), а затем получил Ваше письмо. От статьи я в восторге: Вы исполнили, наконец, мое желание — написать о Н. Ф-че не его буквальными словами только, но выводом излагаемые мысли из его учения по его же текстам, т. е. показывая не только то, что содержится в нем по уже напечатанной букве его, но и то, что содержится в нем несомненного, хотя и не выраженного буквально, целиком в том виде, в каком Вы излагаете.

Это было необходимо для опровержения подозрений в не-религиозности или недостаточной религиозности мыслей Н. Ф-ча. Ныне, в Вашей статье, Вы дали не столько полемический отпор Голованенке (это уж и не так важно!), сколько положительное изложение религиозности философской мысли Н. Ф-ча, и без присутствия Вам иногда полемического задора.

А потому:

Я желал бы издать Вашу статью отдельною книжкою, давши ей более общее и значительное заглавие, вроде следующего:

О религиозном характере философии Н. Ф. Федорова.

(По поводу статей Голованенки о философии Федорова в «Бог<ословском> Вестнике»).

Это проще будет и целесообразнее, чем печатать в «Бог<ословском> Вестнике». Там — не то напечатают, не то — нет. Выйдет

хорошая книжечка (много экз<емпляро>в не будем печатать, — сот 300 или 400, я думаю, довольно!) и живо будет готова.

Согласны ли Вы на это?

Но я нахожу нужным исправить одну положительную ошибку в Вашем изложении на стр. 21-й: «Свободное существо создано быть не может» и т. д. Надо сказать «Абсолютно или безусловно свободное». А далее Вы говорите: «чтобы не быть тварью, а *таким же* совершенным Существом, как и сам Бог». Если это так оставить, да еще в связи с предыдущими словами, где Вы сами говорите, что *Бог* «вложил в это Свое создание *все* необходимое, чтобы созданное сделалось самосозданным или самовоссозданным», — это будет крупная ошибка, даже в чисто-логическом смысле. Ведь даже и воссоздающее существо останется по происхождению своему не самосущим, а сотворенным, следовательно, тварью же; тварь же никогда не будет «*такая же*» как Творец ее — по совершенству; она, как Вы сами выше говорите, непременно и тогда будет «низшее», чем Творец. Я бы исправил так: «чтобы не быть прежнею, ограниченною тварью, а существом, уподобляющимся самому Богу, существом, в своем самосовершенствовании стремящимся до некоторой степени приблизиться к ее всесовершенному Творцу».

Другое, что следовало бы не переменить, а пояснить, — это вопрос о понимании «целостности Природы». У Г<олованен>ки этот термин оставлен в большой темноте; не разъясняете и Вы, как понимаете Вы его у Г<олованен>ки, а прямо оперируете сами с этим неясным у *него* термином, вследствие чего и Ваши возражения остаются неясными (стр. 13 на обороте).

В письме трудно объяснить, как это надо поправить (да и глаза у меня очень болят, а послезавтра уезжаю дня на 3 в Тамбов и Козлов). Но исправить можно, если, во-первых, отметить неясность у Г<олованен>ки; во-вторых, обозначить, как Вы ее сами толкуете, а затем уже изложить Ваше мнение. Здесь можно понимать трояко «целостность»: 1) как совокупность того, что сейчас есть; 2) как совокупность и сущего сейчас и могущего (долженствующего) быть; и 3) наконец, в богословском и архаическом смысле «целый», т. е. «здравый, неповрежденный, нормальный». В 1-м смысле Ф<едоро>в конечно «не видит природу в ее целостности». Для него целостность не в том состоянии (дурном), в каком сейчас она есть, а в том, потенциальном, в каком она может и должна чрез нас стать. Г<олованен>ко же, кажется, под целостностью природы (во взгляде, им приписываемом Н. Ф-чу) понимает природу как целостную в смысле нормальности, здоровости ее, — и этокое воззрение приписывать Н. Ф-чу, конечно, ложно.

Жду Вашего ответа по поводу всего сказанного. <...>

Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ

9 ноября 1914. Зарайск

9 ноября 1914. Зарайск.

Глубокоуважаемый Владимир Александрович!

Не могу выразить, как я рад, что моя статья Вам понравилась. С замечаниями Вашими на статью я вполне согласен и покорнейше прошу Вас исправить в ней все, что найдете нужным, и печатайте ее так и там, где считаете лучшим. Но для меня было бы приятнее и для реабилитации Н. Ф-ча после статьи Голованенко гораздо полезнее, если бы Вы еще дополнили эту статью и выпустили ее не за моею только подписью, но и за Вашею. Тогда на первой странице надо будет сказать не о *моей* обязанности говорить по поводу статьи Голованенко, а об *нашей*. — Если Вы думаете напечатать эту статейку отдельной брошюрой, то не найдете ли Вы возможным присоединить к ней и мою статью по поводу кн. Е. Н. Трубецкого²⁵⁷. Говорил ли мой сын Вам, что она была в редакции «Вопросы философии и психологии» и будто бы сам Лев Михайлович²⁵⁸ признал ее очень интересной, но затруднился ее поместить потому, что полемике с Трубецким там приходится уделять уж слишком много места. Впрочем, может быть, «очень интересна» — это только позлащение пилули. И эту статью, — если Вы согласитесь ее присоединить к статье по поводу Голованенки, — Вы можете исправить, как найдете нужным.

Вчера получил письмо от студента Киевской Духовной Академии Сергея Флоринского, — тема, взятая им для сочинения, утверждена Советом Академии и формулирована так: «Личность и мировоззрение Н. Ф. Федорова». Сообщая об этом, Флоринский пишет, что он почему-то думает, что Н. Ф-ч родился в Москве в 1825 г., и спрашивает меня, верно ли это и в какой церкви он крещен, чтобы можно было получить оттуда метрику. Затем он пишет, что достоверно узнал, что Н. Ф-ч поступил в Ришельевский лицей осенью 1843 г., а вышел из него (по окончании полного курса, с аттестатом) 15 июня 1846 г. Годы преподавательской деятельности 1854—1868 гг. Где же находился Н. Ф-ч по выходе из лицея и до поступления на училищную службу? — спрашивает Флоринский. Но я думаю, что в 1846 г. кончил не Н. Ф-ч курс лицея, а тот Федоров, который потом служил в Таможне, как это дознались издатели «Вселенского Дела»²⁵⁹.

В начале декабря Флоринский думает быть в Москве и спрашивает меня, может ли он явиться к Вам. Из Москвы он думает захватить ко мне в Зарайск и прочитать мне все, что собрал о Н. Ф-че и что думает писать о нем. В заключение он говорит, что за время знакомства с «Филос<офией> Общ<его> Дела» и ее необыкновен-

ным творцом он всей душой привязался к глубоким и оригинальным мыслям проекта всеобщего спасения, и его теперь пламенное желание — получить и изложить в возможно полном виде жизнь и учение великого мыслителя. — Кстати, надо будет попросить Алексеева списать точную копию формулярного списка Н. Ф-ча, хранящегося в Архиве Богородского Уездного Училища. Не откроется ли что-либо там для нас с Вами, что Алексееву могло показаться не имеющим особого значения.

Флоринскому думаю сообщить адрес моего сына, чтобы он через него узнал, когда может явиться к Вам.

Забыл сказать, что заглавие, которое Вы хотите дать моей статье, превосходно. Приношу Вам глубокую благодарность за Ваше долготерпение и прошу извинить меня.

Еще раз повторю мой вопрос о С. М. Северове, — что с ним? Юлия Владимировна и я низко кланяемся Вам, Марье Григорьевне и Анне Васильевне и шлем наш сердечный привет Вашим детям. Душевно Вам преданный и благодарный Н. Петерсон.

Если согласитесь присоединить к статье о Голованенке и статью о кн. Трубецком, сообщите, я Вам ее вышлю, она вдвое меньше первой; эти статьи дополняют одна другую.

В. А. КОЖЕВНИКОВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ

2 апреля 1915. Москва

Москва. 2 апр<еля>1915

Многоуважаемый и дорогой Николай Павлович!

Я все Пасхальные дни провел под тяжелым впечатлением не столько от статьи Голованенки²⁶⁰, сколько от того, что ею восхищался С. Н. Булгаков, а Флоренский, видимо, с ее выводами согласен, хотя и признаёт, что автор впал в крайности и преувеличения. С обоими друзьями я имел по этому поводу серьезный разговор; они, как очень добрые и любящие меня люди, видимо, жалели о происшедшем, но не думаю, чтобы убедились тем, что я говорил. А говорил я, что подлог Г<олованен>ки состоит в том, что он из молчания Н. Ф-ча кое о чем или из недостаточного раскрытия неких богословских «тайн», или из уклонения вдаваться в расследование их выводит заключение об отрицании этого всего Н. Ф-чем или о принижении значения онного. Сделавши такое ложное и научно не оправдываемое предположение, он, при его помощи, остающееся у Н. Ф-ча легко может исказить в то, во что и исказил, и т<аким> о<бразом> оперируя, хотя и логично, но над фиктивным составом учения, может последовательно привести к тем скверным выводам, до коих он довел предполагаемое, а не действительное учение Н. Ф-ча. На не знающего же или не понимаю-

щего последнего такие выводы могут иметь отталкивающее влияние. В этом — во-первых, методологическая ошибка; во-вторых, произвол и в результате 3) искажение и 4) великая клевета и хула. На это мне ответили, что я принимаю всегда во внимание метод психологический и исторический, а догматический оставляю в стороне. Сей же последний якобы оправдывает выведение следствий, хотя бы и невыведенных самим автором учения, и восполнение еще им не сделанного (восполнение на основании сделанного), и что этот метод-де применим по праву и в данном случае. Я же возражу, что это будет так, если, кроме высказанного автором, будет тут принято во внимание и все остальное, ему присущее по убеждениям и даже чувствам и делам, хотя бы все это и не входило в состав высказанного. Так, напр<имер>, если бы нигде не было сказано у какого-либо автора о необходимости Св. Причастия, нельзя было бы и при догматическом методе приписывать отрицание этой необходимости до тех пор, пока не было бы это установлено и из добавочных сведений о его взглядах на это, хотя бы и не записанных, а также и о его жизненной практике в этом отношении. Если же окажется, что он сам-то причащался и высоко ценил это таинство, то заключать о противоположном к оному отношению из умолчания в оставшемся письменном от него наследии не вправе никакой метод, хотя бы и догматический. Между тем так именно поступает Гол<ованенко>, когда говорит, что «сыновство И<исуса> Христа остается туманным, отвлеченным и загадочным у Н. Ф-ча». Так поступает он, когда приписывает Ф<едоро>ву «неосознанную антиномию» «равенства Бога и Сына, равенство мира и Сына», и когда за «нераскрытие Ф<едоровы>м тайны личности Богочеловека» обвиняет его в ограничении значения Сына Божия, в подмене «учения о Богочеловеке учением о Богочеловечестве и дела Богочеловека делом естественно бого-человеческим».

Так же точно, теми же фальшивыми приемами построены обвинения в «затенении личности Богочеловека», в отрицании смысла Вознесения, в «непринятии тайны воплощения Христа» (!!!), в сведении «личности Христа на загадочный проект воскрешения мира», в «неразличении Бога и мира, Троицы нераздельной в Себе и нераздельной с миром». — Следствием таких приемов в изложении и критике убеждений Н. Ф-ча является просмотр (не усматривание) того, что в них есть, а затем противопоставление его предполагаемым ошибочным взглядам других взглядов, правильных, которые (незаметно для Г<олованен>ки) оказываются как раз взглядами самого Н. Ф-ча. Так, напр<имер>, якобы в противоположность Н. Ф-чу, будто бы не различившему Бога от мира, противопоставляется различение оных, тогда как Н. Ф-ч никогда панте-

истом не был. Так еще поучительным тоном (стр. 512) Н-ю Ф-чу внушается, что «дело Богочеловека и тайно, и явно объединится с делом богочеловеческим, как благодатно-естественным», тогда как Н. Ф. на этом-то совпадении и строил все свое учение. Так, Н. Ф-ча поучает Голованенко, что «прошлое — не мертвым должно быть для нас, а живым» (513), тогда как именно к живому отношению к прошлому и к живому его восприятию все время взывал он. Так еще (и это главное!) Н. Ф-чу приписывается «неосознание тайны Богосыновства» и греха. Это — арианство, тогда как именно потому, что Н. Ф. признавал такие процессы, как Богосыновство, Троицизм за неразъяснимые обычными ресурсами богословствования и философствования, он и смотрел на них (в пределах богословия и философии) именно как на «тайну» и уяснения ее искал поэтому в иной области — активного проявления этой тайны в жизни и делах Христа и Его последователей. Точно так же «рождение Сына и исхождение Духа не выяснены Ф<едоровы>м»; но не из пренебрежения к этим тайнам и не по отрицанию их, а именно потому, что он их считал за «тайну». Точно также из нерассмотрения Ф<едоровы>м евхаристического значения Тайной Вечери (или слишком сжатого упоминания об этом ее значении) выводится (507) заключение, будто «весь» смысл Тайн<ой> Вечери раскрывается для Ф<едоро>ва в «воскрешении всех Лазарей», тогда как «тайное воскресение Христа едва ли имеет для Ф<едоро>ва должное значение» (507). Т<аким> о<бразом>, Ф<едоро>ву приписывается почти духоборство во взгляде на Духа Святого (507) и арианство во взгляде на воплотившегося Сына Единородного (506 и 507).

Отнявши т<аким> о<бразом> у Н. Ф-ча и Христа в правоверном смысле, и Духа Святого, Г<олованенко> в заключение поучает, что «дело Христа не дело воскресения *только*, а дело *откровения и прославления Отца*». Просто смешно читать эту клевету против того, кто сотни раз подчеркивал *особо важное* значение текста «Шедше научите...»²⁶¹, который и есть выражение признания, что дело Христа не в одном воскресении, но и «в откровении и прославлении Отца», без чего и осуществление самого воскресения немислимо.

Этот прием уже венец всего виртуозного искусства критика: 1) игнорировать то, что сказано положительного по известному пункту, 2) вывести из этого (на самом деле не существующего) отсутствия заключение об отрицании положительного тезиса и 3) наконец, предполагаемому (выдуманному) отрицанию противопоставить якобы свое положительное утверждение, которое, однако, оказывается как раз утверждением критикуемого — это уже венец диалектической, вернее же софистической техники!

Вот, дорогой Н. П., по моему убеждению, в чем слабость и провал статьи Г<олованен>ко, и на это именно, и только на это, думаю, и надо напирать в ответе на его quasi-критику.

К сожалению, в Вашей статье²⁶² я не вижу, чтобы Вы на *этом приеме* построили Ваше возражение, а почему-то предпочли повторять оправдывать Н. Ф-ча из разъяснения доброкачественности того, что не отрицается в нем и Голованенкою (напр<имер>, оправданием нравственного смысла догматов и т. д.).

Я думаю, Ваша статья, так построенная, является недостаточным ответом на вымыслы и хулы Г<олованен>ки. Я очень желал бы поэтому, чтобы Вы еще раз написали статью на тему, изложенную мною в настоящем письме. *Руководиться* здесь надо прежде всего следующ<им> соображением: *не Ник-я Ф-ча оправдывать*, доказывая доброкачественность его учений высказанных, а *разоблачать фальшивый прием критика*, мною указанный, причем надо, где можно, указать, что многое отрицаемое им у Н. Ф-ча у него есть.

Я очень прошу Вас попробовать написать статью *такого* содержания. Мне самому писать сейчас нельзя, вследствие того очень сложного положения, которое создалось после вышеупомянутых бесед с Булгаковым и Фл<оренски>м (о чем я подробно говорил Мих<аилу> Ник<олаевы>чу и что он разделяет): сводится это затруднение к тому, что они, не меняя своего взгляда, чувствуют, однако, некое сожаление о происшедшем и о том, что это меня огорчило, и поэтому, я уверен, без возражений, примут сейчас мою статью, но готовность сделать по-моему и отсутствие возражений, после происшедшего, мне сдается, будут носить с их стороны характер *какого-то жалостливого отношения ко мне*, словно будут щадить неумышленно ими раненого, по нежеланию бередить нанесенную нечаянно ему рану. А вручать *мою* статью при таком, мною предполагаемом отношении, я не считаю приличным для дела. И потому статью придется писать Вам, и от Вашего лица (когда она будет готова) придется и посылать ее.

Не знаю, уяснил ли я Вам мои мотивы, но Мих<аил> Ник<олаевич> их понял и разделяет как правильные. Итак, посылаю Вам обратно Вашу статью и буду ждать вновь присылки как ее, так и иной, другой статьи, написанной в духе, в каком, мне кажется, она только и может иметь воздействие. Хотелось бы надеяться, что Вы придете к соглашению с моим взглядом. Дружески Вас обнимаю и прошу передать мой поклон Юлии Вл<адимиров>не.

Ваш сердечно В. Кожевников.

Если будете писать, держитесь тона спокойного: это гораздо действеннее, чем горячность в таких случаях.

Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ

8 апреля 1915. Зарайск

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Александрович!

Вместе с сим заказною бандеролью посылаю Вам мою статью, которая во 2-й части есть не что иное, как переписка Вашего письма, которое мне показалось прекраснейшею статьею, написанною с большим подъемом, человеком, которому нанесена рана в самое сердце... Я сделал только некоторые добавления, но если Вы найдете их ненужными, — вычеркните лишнее, добавьте недостающее, измените неверное и пришлите мне статью в таком виде, чтобы я, переписав ее, мог — без возвращения Вам на просмотр — отправить ее в редакцию «Богословского Вестника». Но мне хотелось бы оставить первую часть статьи в таком виде, как она есть. Хотя Вы и говорите, что оправдание нравственного смысла догмата не отвергает и Голованенко, но в приводимых выписках защищается не нравственный смысл, а дело; не отвергать в догмате только нравственный смысл значит видеть в догмате только мысль, идею и не видеть в нем заповеди. И Ваши друзья, которым так понравилась статья Голованенки, оправдывая его, указывают, что Вы руководствуетесь не догматическим, а психологическим методом, что значит в данном случае, что Вы руководствуетесь не словами только, но и делами, им же важны только слова, мысли, идеи, до дела же им никакого дела нет.

Во всяком случае, присланное Вами я перепису в *точности* и за своею подписью пошлю в «Богословский Вестник», потому что знаю и не сомневаюсь, что Вы лучше меня напишете то, что будет полезно для реабилитации Н. Ф-ча, которая после статей Голованенки необходима.

Получил открытку от Флоринского, в которой он извещает меня о высылке 2-х выпусков «Толкового Типикона» (и типикон получил налогом платежом за 4 р. 50 к.)²⁶³ и между прочим пишет, что Голованенко — совсем не понимает и потому искажает Н. Ф-ча. Вот мнение человека, который хорошо, как Вы сами убедились, познакомился с произведениями Н. Ф-ча; гг. же Булгаков и Флоренский, конечно, с ними не знакомы. Булгаков, хотя и написал статью «Загадочный философ», но для написания ее он только поверхностно познакомился с произведениями Н. Ф-ча, иначе он не был бы для него загадочным и он не сказал бы, что книга написана *корявым* языком, — если бы Булгаков познакомился надлежащим образом с произведениями Н. Ф-ча, он не позволил бы себе относиться к ним свысока, как относится. Булгаков и Флоренский познакомилась с Н. Ф-чем лишь настолько, чтобы увидеть его некоторое будто бы расхождение с ортодоксами,

к которым сами причисляют себя, как, напр<имер>, в мнении об условности Страшного Суда; им, по-видимому, хочется не блаженства только, но и созерцания мучений грешников, которых за близких себе они не признают... Простите за этот невольный выпад.

Юлия Владимировна и я свидетельствуем наше глубокое почтение Вам, Марье Григорьевне и Анне Васильевне, детям Вашим и шлем сердечный привет.

Всею душою преданный Вам и любящий Вас Н. Петерсон.

8 апреля. 1915.

г. Зарайск.

Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ

10 мая 1915. Зарайск

<...> 4 мая я отправил статью заказным письмом П. А. Флоренскому²⁶⁴, но уведомления о получении до сих пор не имею. Надеюсь, что они пришлют мне несколько оттисков, если статья будет помещена. Очень Вам благодарен за присылку апрельской книжки «Богословского Вестника», — надеюсь, что и первые две книжки по возвращении в Москву Вы передадите моему сыну Михаилу, а он доставит их мне. Читаю «Толковый Типикон» Скабалановича с большим интересом: типикон и построение храмов-школ-музеев и есть то произведение, в котором могут объединиться ученые и художники и о котором мечтал Николай Федорович; это и есть то произведение, которое будет строиться всеми и в конце концов станет Царствием Божиим.

Какое время переживаем! И неужели же и теперь не будет обращено внимание на произведения Н. Ф-ча. Если уже не теперь, то можно опасаться, что и никогда. — Какие вздорные толки по поводу переустройства средне-учебных заведений. Очевидно, ни у Министра и ни у кого ничего нет руководящего. А когда, как не теперь, возможно понять и почувствовать, что власть должна быть представительницею не живущих только, а главным образом умерших, — тех, которых она, т. е. власть, призвала и послала умирать. Ведь это допустимо лишь в том случае, если эти, отдавшие по призыву власти свою жизнь, не будут забыты, если защиту их интересов возьмет на себя власть. А в чем заключаются их интересы? Кто ответит на этот вопрос, кроме Николая Федоровича? Теперь надо все забыть, все оставить и заняться одним вопросом, в чем интерес тех, которые отдают жизнь, защищая наш покой; а разрешив этот вопрос, надо будет отдать и свой покой и все свои средства на то, чтобы уплатить долг страдальцам за нас. Как уплатить этот долг — тоже указывает только один Н. Ф-ч. <...>

Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ

2 июня 1915. Зарайск

2 июня 1915 года

Глубокоуважаемый Владимир Александрович!

Тотчас за Вами я отправил Вам письмо на Исар, в котором благодарил за деньги, возвращая которые 1-го мая, забыл поблагодарить Вас за одолжение их. Сообщал и о том, что отправил статью в «Богословский Вестник». От Вас никаких известий до сих пор не имею, не имею и известий из редакции «Богословского Вестника»; но вчера был удивлен, получив непосредственно от редакции майскую книгу «Богословского Вестника»; думал, что там напечатана моя, т. е. *наша* общая статья, но нет, статьи нет. Что это значит? Вероятно, я Вам этим обязан! А сообщал ли Вам Флоренский о получении статьи и обещал ли ее напечатать и когда?

Получил, наконец, ответ от Ф. Д. Самарина²⁶⁵. Выражая свое уважение к Н. Ф-чу, слово которого никогда не расходилось с делом, он признает, что стремления Н. Ф-ча истинно христианские, но способы, предлагавшиеся для осуществления намеченной цели, он находит совершенно нехристианскими. Я тотчас же ответил Ф<едору> Д<митриеви>чу, копию, или черновик, моего ответа прилагаю; при переписке некоторые выражения изменены, но по существу осталось все так, как в черновике. Не помню, писал ли я Вам, что послал было Розанову статейку о *Воскресении* и *Господи, помилуй* с просьбой устроить их, если нельзя в «Новое Время», то куда-нибудь²⁶⁶. В письме, между прочим, говорю, что не хотел было его больше беспокоить моими просьбами в виду его полного равнодушия и замалчивания предмета, о котором прошу, и что это в последний раз его беспокою и буду считать некоторым ко мне вниманием, если он возвратит мне статейку, которую посылаю. Розанов статьи мне не возвратил, а прислал прилагаемое при сем письмо, на которое я, конечно, уже не отвечал²⁶⁷. Между прочим, заметили ли Вы, что отд. X последней статьи его книги «*Война 1914 года и русское возрождение*» весь — мое к нему письмо и приложения к этому письму?²⁶⁸ <...>

Неужели же и совершающиеся события не обратят внимания на произведения Н. Ф-ча; а когда, казалось бы, могло быть понятнее, если не теперь, что законною властью может быть названа лишь та, которая блюдет интересы не живых только, но и всех прошедших поколений, — как это говорится в первых строках стр. 276 I-го тома, — всех умерших, всех убитых. Неужели же можно допустить, что миллионы положивших души свои в борьбе, которая все сильнее разгорается, положили свои души только за нас, живущих, за нас, пользующихся за их спинами спокойствием? Ведь

это было бы чудовищно! Если же власть должна блюсти интересы и их, убитых, то явится вопрос, в чем заключаются их интересы и как блюсти их? От разрешения этого вопроса и будет зависеть дальнейшее направление нашей жизни. Но возможно ли решить этот вопрос, не обратившись к произведениям Н. Ф-ча? Просматривая его произведения, я напал, между прочим, на такое место — «Учение о Св. Троице не нуждается ни в защите его самого, ни в опровержении противных ему учений, — достаточно показать то дело, которое требуется этим учением, чтобы привлечь к нему сердца всех без исключения» (стр. 634-я I-го т<ома> в конце). Разве это не то же — *не доказывается, а показывается*. А дальше на той же странице — «Основною является... не мысль или понятие лишь о Боге, а дело Божие, соединяясь в коем, *все люди* как один Божий человек, как единый пророк, *будут чувствовать самое присутствие Бога*, а не признавать лишь мысленно его бытие, как ученый профессор богословских наук». А между тем Ф. Д-ч Самарин в своем письме говорит, будто у Н. Ф-ча нет речи «о духовном возрождении человечества».

Юлия Владимировна и я, свидетельствуя Вам наше глубокое почтение, просим засвидетельствовать таковое же Марье Григорьевне и Анне Васильевне, а детям Вашим передать наш привет. Как Вы чувствуете себя в Крыму, — скоро месяц, как Вы там. Видали ли Щукина? В письме Розанова вложен черновик моего к нему письма, на которое получен посылаемый ответ. Скажите, неужели мое письмо могло вызвать такой ответ.

Душевно Вам преданный и глубоко благодарный

Н. Петерсон.

Черновик письма к Ф<едору> Д<митриеви>чу прошу возвратить.

В. А. КОЖЕВНИКОВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ

5 августа 1915. Исар

Исар. 5 авг<уста> 1915

Глубокоуважаемый, дорогой Николай Павлович! Простите промедление в ответе! Было очередное, спешное писанье и надо было вчитаться в статью Голованенки²⁶⁹. Она важная, но далеко не равноценная: то, что писано о догмате и символе, весьма содержательно и нелегко опровержимо по отношению к Николаю Федоровичу. Зато о самодержавии и народности — слабо, а по отношению к Николаю Федоровичу прямо карикатурно. Но об этом — после. Теперь же о тех разъяснениях, которых Вы просите. Ответить на них нелегко, потому что требовало бы пространныго пояснения, в пись-

ме не мыслимого да и приходится выписывать Ваши вопросы и толкования и Голованенкины. Попробую дать лишь кое-какие пояснения.

Вы спрашиваете: «Догмат — догма<т>-заповедь (стр. 295) что это — так должно быть, или это так у Н. Ф-ча?..» Думаю, это так у Н. Ф-ча, но и Г<олованенко> это допускает с оговоркою: «Как формально-прагматическое требование» (стр. 294). Однако с этой оговоркою значение «догмата как заповеди» у Г<олованен>ки будет означать меньше, чем у Н. Ф-ча, хотя то значение, какое дает Н. Ф-ч «догмату как заповеди», опять представляется Г<олованен>ке недостаточным. Он упрекает Н. Ф-ча в «односторонне>-этическом понимании догмата» (294). И, как это ни досадно, я склонен думать, что *доля* правды тут есть. Догмат, понятый *лишь* как заповедь или даже как преимущественно заповедь, не исчерпывает именно той стороны его, которая называется догматической, — то есть научающею не о нравственной лишь, но и об идейно-богословской истине. Не хочу сказать, чтобы Н. Ф. таковую игнорировал совсем в догмате, но он ее в *богословском* смысле (отвлеченно-схоластическом) мало ценил; оживить же идейное содержание догмата думал сообщением ему значения заповеди, то есть нравственного смысла. Но по Г<олованен>ке, да и по-моему, в идейной стороне догмата есть *независимое от нравств<енного> элемента содержание доктринальное, научающее истине богооткровенной, иным путем недостижимой*.

Ее-то Г<олованенко> и силится обозначить термином «онтологической» истины, истины бытия, т. е. относящейся уже не к отвлеченному богословствованию, а к основам жизни. Обе стороны так<им> обр<азом> стремятся оживить понятие догмата; но Н. Ф. довольствуется низведением его на нравственную сущность заповеди, а Г<олованенко> требует признания еще особого от сего идейного содержания, тоже жизненного, но самостоятельного от этического смысла. Такое содержание, думаю и я, в догматике есть, и это ее специфическое отличие от этики. Вот существование и заслуживающее серьезного обдумывания в §-е «Догмат» и в §-е «Символ веры», несмотря на многое смутно и непонятно выраженное. В § о Символе Г<олованенко> силится показать, что «проект» (вообще и у Н. Ф-ча) не исчерпывает богатого содержания «Символа веры», ибо «проект весь в будущем», Символ же содержит нечто относящееся и к прошлому, и к настоящему, а именно некоторые учительные (доктринальные) истины религиозн<ого> свойства (о природе Христа и т. д.), которые в нем (Символе) раскрываются для верующего независимо от доказательств осуществлением «проекта» и, во всяком случае, ранее этого осуществления. Принципиально это — верно, иначе пришлось бы признать, что Отцы, редактировавшие Символ (Афанасий Вел<икий> и т. д.),

и святые, воспринимавшие в благодатном мистическом озарении тайну догмата Пресв. Троицы, не имели ее доказательного восприятия, ибо (с противоположной точки зрения Н. Ф.) доказательство в исполнении проекта — в будущем.

Но если *принципиально* мысль Г<олованен>ки здесь верна, то в применении к Н. Ф-чу с его стороны перехватка, что, по Н. Ф-чу, «проект *весь* в будущем». Нет, по Н. Ф-чу, *корни* проекта в прошлом, и не только в *человеческом* прошлом, но и в *Божественной* предвечности, соответствующей прошлому, понимаемому по-человечески, то есть основания проекта *в свойствах* того Божественного образца, по которому строится, создается и выполняется проект, т. е. в свойствах Троицы и в свойствах Лиц Пресв<ятой> Троицы. Этого не замечает Г<олованен>ко, и это — большая его несправедливость по отношению к Н. Ф-чу.

Но, с другой стороны, несомненно, что это догматическое — учительное, идейное — содержание Символа у Н. Ф. подчинено этическому значению его и отодвинуто на 2-й план. Однако это никак не дает права приписывать ему тех промахов (крупнейших, если бы они были действительно!), которые выводит отсюда Г<олованенко> у Н. Ф-ча на стр. 301—302 своей статьи.

Наоборот, не совсем лишены оснований упреки об овнешнении и в некотором роде оматериализовании значения таинств (стр. 302—303). В частности, на Ваш вопрос: «Что значит (298) “догмат как догмат жизни” и “догмат — лишь субъективно-психологическое требование”?» — я уже ответил указанием на идейно-онтологическое содержание догмата (это и будет, по Г<олованен>ко, «догмат жизни», данный независимо от требований психологического состояния и настроения отдельной личности; и его этическое содержание, которое совпадает с этим, 2-м, субъективным требованием). Если это деление признать нужным и верным, дальнейшее «расчленение» и т. д. (стр. 295) станет «понятным и приемлемым». Отсюда же можно понять и смысл выражения «гносеологическая ценность догмата»: если за догматом признать не одно значение заповеди (*нравственного поучения*), но и раскрытия идейной жизненной истины (истины о жизни, о смысле жизни), то есть значение и *научения*, то получится в догмате ценность *гносеологическая*, т. е. относящаяся к области науки или искусства познания, так как догмат своею благодатно действующею силою *научит* верующего таким истинам, которые иным путем (даже и этическим) получить нельзя. Мысль эта *в общей форме* верна (299): верно то, что Символ в этом, гносеологическом смысле, дает нам такое знание, которое не может быть исчерпано знанием только *естественным* и делом *только естественным*, Символ *веры* есть символ не только волевого (человеческого) проекта религиозного дела, но и Символ Богом открываемого (независимо от человеческой науки)

религиозного знания (299). Г<олованенко> хочет сказать, что Н. Ф. прекрасно понял значение Символа веры как проекта дела, но недостаточно — как религ<иозного> знания, самостоятельного и независимого от этого дела. И в этом доля правды, мне кажется, есть; но то, что дальше Г<олованенко> говорит (299 стр.), между прочим, о том, что «мир — символ Бога», и темно и спорно, а по отношению к Н. Ф-чу утверждать, будто у него есть смешение мира с Богом, совсем грубая ошибка. <...> Вот, приблизительно, беглые разъяснения относительно упоминаемых Вами вопросов.

В итоге повторяю, что в §§ о догмате и символе есть, по моему мнению, верные мысли и небезосновательные возражения Г<олованен>ки Н. Ф-чу, но вместе с тем есть много неверно ему приписываемого, есть много преувеличений — и во всем, как всегда, — куча неясного и недоопределенного, темного.

§ об обряде слишком поверхностно написан; в § о Соборе есть доля правды по части низведения Н. Ф-чем роли Собора на дело скорее научное, чем церковно-религиозное; однако опять мысли Н. Ф-ча поняты слишком поверхностно. Наконец, истолкование мыслей Н. Ф. о самодержавии и народности совсем карикатурно.

Вопрос о воскрешении изложен бегло. — Целью Г<олованен>ки, очевидно, было указать, что Н. Ф. чересчур обмирщает дело спасения рода человеческого, слишком гуманизирует его и сциентифицирует, т. е. излишне полагается на естественные ресурсы человечества и знания, самый процесс воскрешения понимает лишь как естественный и умаляет значение Божественной помощи в процессе спасения, а именно значение Христа, Благодати, Тайнств и веры сравнительно со знанием. Те опасения, которые задолго до статей Г<олованен>ки я высказывал о том, что изложение у Н. Ф-ча может подать повод к такого рода обвинениям, оправдались. Г<олованенко> явился их выразителем в сгущенном, преувеличенном виде со множеством перехваток и недохваток, с часто очень поверхностным пониманием или непониманием речей Н. Ф-ча — и притом в очень темном, афористическом стиле изложения, затрудняющим уразумление мыслей и самого Г<олованен>ки, и его критики. За всем тем я считаю, что появление этих статей полезно для *непредубежденных* потому, что выясняется им *огромное значение*, глубокая содержательность учения Н. Ф-ча. Как-никак это все-таки хороший ответ на пренебрежительные отзывы вроде Незлобина о ничтожестве писаний Н. Ф-ча или Лопатина и других о нефилософичности Федорова... Для *предубежденных* против Н. Ф-ча это, конечно, вящее укрепление их в их предубеждении. Для широкого круга читателей, если бы таковой находился, статьи недоступны и от себя отталкивают. Это я уже от нескольких слышал. В итоге я

думаю, все-таки лучше, что эти статьи появились, чем если бы их не было.

Возражать на них не вижу сейчас возможности для Вас: ввиду признаваемой Вами «недоступности» богословско-философской техники голованенковского изложения (по Вашим о том отзывам) полемика была бы трудна на этой почве, а предпринимать самостоятельную критико-разъяснительную систематическую работу о Ф<едоро>ве было бы огромным трудом, который мне, при моих настоящих силах и возрасте, не по возможностям. Важно то, что интерес к Ф<едоро>ву не затихает.

Вот Булгаков сообщает, что в июльской книжке «Русской Мысли» появилась большая статья Бердяева о Ф<едоро>ве²⁷⁰. Я еще не достал ее. Булгаков говорит, что она «не яркая»; что воскрешения Бердяев не приемлет вследствие общих спиритуалистических предубеждений против тела. На днях прочту, тогда увидим.

По осени начнем печатание III тома и предоставим дело его собственной силе и — времени. Если успех возможен для учения Н. Ф-ча в *ближайшем* будущем, я жду его с практической стороны (напр<имер>, под влиянием доказательств, данных войною, немец<кою> «культурой» и т. п.), а не с принципиальной, и сочувствия жду не от профессиональных ученых и мыслителей, а от людей жизни.

Вся моя семья и я приветствуем Вас, дорогой Н<иколай> П<авлович>, многоуважаемую Юлию В<ладимиров>ну и Мих<аила> Ник<олаевич>ча и сердечно желаем всего наилучшего. Преданный Вам и любящий Вас В. Кожевников.

От Флоренского все лето — ни строчки; Новоселов писал, что он уехал отдыхать куда-то в глушь. Летом в «Бог<ословском> В<естни>ке» бывает перерыв двухмесячный.

Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ

21 августа 1915. Верный

21 августа 1915.

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Александрович!

Я думаю, что Г<олованенко> совершенно прав, обвиняя Н. Ф-ча в односторонности с его, Голованенки, точки зрения, но в этой, по мнению Г<олованен>ки, односторонности, заключается *все*. Действительно, Н. Ф-ч признает только нравственное, — что, по его мысли, значит *родственное*; для него красота и истина в одном, это жить вкупе, все же, что свободно и освобождается от нравственного, все это вздор или величайшее зло. Какое значение, *чего стоит идейно-богословская истина*, если научение этой истине не ведет к

нравственному совершенству; а если научение этой истине ведет к нравственному совершенству, то догмат не преимущественно лишь, а именно только заповедь. «В идейной стороне догмата есть независимое от *нравственного элемента* содержание *доктринальное*, научающее истине *богооткровенной*, иным путем недостижимой», — говорите Вы. Но неужели же истина, открытая нам Богом, имела в виду лишь наше *научение*, независимо от того, какое нравственное значение или влияние будет иметь на нас это научение, — а если это научение имело в виду подвигнуть нас на нравственный подвиг, то какое значение, для чего нужно это расчленение догмата на нравственный и доктринальный элементы и для кого такое расчленение нужно, кроме тех, которые знание отделяют от дела, мысль от ее осуществления, разум теоретический от практического. И как может *жизненное* содержание идеи быть самостоятельным от этического смысла, неужели же жизненное содержание может быть безнравственным, т. е. независимым от нравственности? — «Проект не исчерпывает богатого содержания Символа веры, ибо проект весь в будущем, символ же содержит нечто, относящееся и к прошлому и к настоящему, а именно некоторые учительные (доктринальные) истины религиозного свойства (о *природе* Христа и т. д.), которые в нем, в символе, раскрываются для верующего, независимо от доказательств осуществлением “проекта” и во всяком случае ранее этого осуществления». Вы говорите, что Г<олованен>ко это именно силится доказать, — но не значит ли это ломиться в открытую дверь? Разве Н. Ф-ч отвергал, не признавал, что во Христе два естества, две воли? Разве он не говорил, что он верует так, как это выражено в Символе веры, но он прибавлял к этому, что эта вера требует осуществления, что признание во Христе двух естеств (божеского и человеческого), двух волей, обязывает нас к делу, нашему человеческому, но такому делу, которое было бы исполнением воли божественной, и понятый так проект неужели же только в будущем, неужели же в нем нет относящегося к прошедшему и настоящему? В будущем он осуществится, в настоящем он осуществляется, а в прошедшем он видит указание на то, что должно быть осуществлено.

Точно так же догмат Пресв. Троицы: разве Н. Ф-ч не верил, что святые имели благодатное, но не мистическое озарение, в котором и восприняли тайну догмата Пресв. Троицы, он верил в это так же, как верил в то, что апостол Павел в таком же благодатном озарении видел Самого Господа Иисуса Христа, но для нас это только вера, вера же Н. Ф-ча была так жива, что он указал путь, как мы сами и притом все, а не исключительные лишь люди, каковы святые, как мы все, соединившись в деле Божиим, которое и есть осуществление проекта, мы все, все люди, «как один Божий человек, как единый пророк», будем «чувствовать самое при-

сутьствие Бога, а не признавать лишь мысленно Его бытие, как ученый профессор богословских наук» (стр. 634-я I т<ома> Ф. О. Д.²⁷¹). Это будет при окончательном осуществлении проекта, но и в настоящее время, осуществляя проект, разве мы, по временам, по крайней мере, не ощущаем в слабой, конечно, степени, того, что ощущали в благодатном озарении святые; и как бы возможно было призывать к осуществлению проекта, если бы не верить, что святые в благодатном озарении имели доказательства того, что ими раскрыто в догмате Пресв. Троицы? И как же возможно говорить, что проект только в будущем? Этот проект осуществляется и в настоящее время, но, к сожалению, осуществляется нами бессознательно и помимо нашей воли. В осуществление этого проекта входит даже та страшная борьба, которая ныне происходит. Будем надеяться, что эта борьба прояснит, наконец, наше сознание.

Затем Вы находите не совсем лишенными основания «упреки об овнешнении и в некотором роде о материализировании значения таинств». Этот упрек делает и Бердяев в своей статье (впрочем, все упреки, которые делает Бердяев, — после поверхностного ознакомления с этой статьей, мне кажется, — сводятся главным образом к этому одному упреку), но при этом не принимается в расчет, как смотрит Н. Ф-ч на материю: по его взгляду, материя так преобразуется, что она будет иметь все свойства духа, будет подобна телу Христа по воскресении, которое тем не менее оставалось (вопреки мнению Бердяева) тем же телом, какое он имел и до воскресения. Эти упреки Н. Ф-чу — остатки (или, как ныне говорят, пережитки) взгляда, по которому тело человека есть футляр для его души, ничем или очень мало с душою связанный; но ведь этот взгляд, недопустимый в настоящее время, противоречит догмату, признающему во Христе два естества, — во Христа два естества, но они в Нем не отделены и человеческое так проникнуто божественным, что неотделимо от него, человеческое обожествлено во Христе, и как человеческое во Христе обожествлено, так и плотское в человеке при воскресении будет одухотворено. Все это взгляд, т. е. остатки взгляда, по которому на материю смотрят как на зло, — но ведь материя создана Богом, неужели же мы осудим Бога, сказав, что он создал злое. Материя — это среда, в которой только и может действовать человек, которую он и должен преобразовать, одухотворить, — мир еще не создан, он создается, и в настоящее время в этом созидании должен принимать участие и человек, и не бессознательно, как до сих пор, а сознательно... Можно бы еще много сказать по этому поводу, но пока ограничусь этим. Статьям Голованенки я значения не придаю, их немногие и прочтут, а большинство, начавши читать, не дочитают, но вот статья Бердяева, она прочтется многими и привлечет к Н. Ф-чу многих, так как изображен Н. Ф-ч в этой статье вели-

ким, возражения же против него, которые делает Бердяев, почти для всякого сколько-нибудь вдумчивого, покажутся ничтожными. Не потому ли Булгаков и говорит, что статья не яркая, — нет, статья Бердяева чрезвычайно яркая. Я выписал тот номер «Русской Мысли», где она помещена, изучу эту статью и постараюсь отозваться на нее.

Не на все письмо Ваше отвечаю, но на главное ответил, и этот ответ достаточно ясно говорит и о том, что бы я ответил на все остальное. Мне очень горько, что мы так расходимся, но что будешь делать: что есть, то есть, этого уже никак не скроешь. Все возражения меня только еще больше убеждают в величии Н. Ф-ча, недостижимой для признаваемых в настоящее время самыми великими. Каким жалким пред ним является Бердяев, и это видно из собственной статьи Бердяева.

Прилагаю Вам копию моего письма к Флоренскому, которым я отвечал ему на письмо от 28 июля, которое тоже прилагаю²⁷². Ответ Флоренскому писал с помощью моего сына Михаила. <...>

Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ

22 декабря 1915. Зарайск

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Александрович!

Юлия Владимировна, я и сын наш Михаил поздравляем с наступающим праздником Рождества Христова Вас, Марью Григорьевну, Анну Васильевну и детей Ваших и всем вам желаем доброго здоровья и всего наилучшего.

Струве возвратил мне статью²⁷³, предлагая написать не полемическую, не полемизируя с Бердяевым, игнорируя его, изложить учение Н. Ф-ча так, как я его понимаю, «отправляя от самого Федорова», как выразился Струве. Размер статьи д<олжен> б<ыть> приблизительно такой же, как и возвращаемой. Я, конечно, не премину воспользоваться этим предложением и постараюсь написать статью, согласно указаниям Струве. Но мне не хотелось бы, чтобы статья уже написанная, окончательно пропала, а потому я думаю послать ее Бердяеву, но для этого мне нужно знать его имя, отчество и адрес; Бердяев бывает у Вас, и Вы, конечно, знаете его адрес, а поэтому я и прошу Вас сообщить все это мне. Не найдет ли Бердяев возможным сам опубликовать эту статью со своими на нее возражениями, как это сделал Е. Н. Трубецкой. Правильное разрешение вопросов, поднимаемых статьею, я полагаю, и для Бердяева представляет большую важность, если только он собственные решения не считает непогрешимыми. Или же не возьметесь ли Вы передать мою статью Бердяеву, передав ему и мою благодарность за статью его о Н. Ф-че, которая мне пред-

ставляется важности чрезвычайной, так как освещает Н. Ф-ча, вопреки автору, не как фантазера и чудовищную двойственность, а как реалиста, только высшего порядка, и моноидеиста, не разрешающего, так называемые, проклятые вопросы, а указывающего лишь путь к разрешению их. Что касается Ваших замечаний, переданных мне сыном, был ли человек создан совершенным и свободным и как смотрит на грехопадение Н. Ф-ч, на эти вопросы дается ответ в моей статье выписками из произведений Н. Ф-ча. На стр. 331—332 I-го тома Ф. О. Д. говорится: «Мир, каким он был изначала, мы не можем, конечно, знать, потому что мы знаем его только таким, каков он есть теперь; но, судя по Творцу, мы можем себе составить хотя отчасти и хотя некоторое только представление или предположение об этом мире невинности и чистоты. Не должны ли мы себе представить отношения первых людей к миру подобными тому отношению, в коем находится ребенок к своим органам, — которыми еще не владеет, не научился еще управлять ими; т. е. не были ли первые люди существами, которые должны были (и могли это сделать без страдания и боли) создать себе органы для существования во всех мирах и во всех средах, и таким образом сделаться существами всеобщими, способными жить всюду. Отдав предпочтение наслаждению, человек не принял в обладание этих органов и не создал себе органов, соответствующих средам; и они, эти органы, т. е. все стихии, миры, атрофировались, парализовались, земля обратилась в резко изолированную планету» и т. д. Прошу Вас, умоляю, — прочтите теперь же, не откладывая в дальний ящик, всю 332 стр. и 333-ю до 1-го абзаца. Затем прочтите на 336 стр. абзац, начинающийся словами, «Свободными делаются, а не рождаются», и затем на стр. 344-й со слов — «Человек не приобрел себе полноты органов» — и так дальше до конца и всю 345-ю. А если бы Вы прочитали все, начиная с указанного на стр. 336-й абзаца до конца 345 стр., то Вы увидели бы, что понимает Н. Ф-ч под словом теургия, и получили бы истинное наслаждение. При чтении этих страниц открывается такой горизонт — дух захватывает. По крайней мере я испытываю такое чувство. — Что касается мистицизма, — Н. Ф-ч различает мистицизм народа, верящего в чудеса, строящего обыденные храмы, молящегося о дожде и т. п., от мистицизма, о котором говорит Бердяев. Первый мистицизм — здоровый, вызванный нуждою, крайней необходимостью и весь может перейти в реальное, позитивное дело. Сам Господь снисходит к такому мистицизму, посылая нередко просимое. Мистицизм же, о котором говорит Бердяев, совсем другого сорта, это явление болезненное, искусственное, в реальное дело перейти не может. Можно сказать, люди с жиру бесятся. Простые люди просят, молятся, сокрушаются и знают: если просимое будет дано, то во благо. Мистики же, о ко-

торых говорит Бердяев, совсем другого сорта, в них сокрушения не чувствуется, молитва их равняется требованию, они считают себя выше других, дважды рожденными. Сам Бердяев, хотя и лучше, по-видимому, других, называя Н. Ф-ча гениальным и проч., все-таки думает, что сам он куда выше его, т. е. Н. Ф-ча. Бердяев поучает. А у Н. Ф-ча замечаете ли Вы где-нибудь поучение?! Он не учит, а зовет, умоляет вступить на путь, который приведет, должен привести к разрешению всех проклятых вопросов. Около этого пути мы и теперь постоянно блуждаем, Н. Ф-ч призывает вступить на этот путь сознательно и тогда мы уже не сойдем с него.

Обратили ли Вы внимание на толкование выражения «Царство Божие внутри нас»? Чтобы оценить это толкование, прочтите из Евангелия от Луки гл. XVII, ст. 20—21. Еще раз поздравляю Вас с великим праздником и желаю всего, всего наилучшего и прежде всего здоровья.

Всею душой Вам преданный Н. Петерсон.

25 декабря 1915 года.

В. А. КОЖЕВНИКОВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ

8 января 1916. Москва

<...> Сегодня был у меня Мих<аил> Ник<олаевич>, и мы говорили по поводу Вашего письма и Ваших поручений.

1) Печатные статьи Н. Ф. у меня есть, но они в стальной комнате Моск<овского> Купеч<еского> Банка; на днях вынул их оттуда и передал Мих<аилу> Н<иколаевичу>²⁷⁴. 2) Флоренского в Посаде видел, но он ни слова не говорил, что Вы прислали ему статью «Свобода совести»²⁷⁵; я также узнал об этом лишь сегодня. 3) Бердяев перед праздниками у меня был, после многомесячного перерыва сношений (он остался недоволен моими публичными возражениями против него на одном собрании в прошлом году); был, сверх ожидания, очень любезен; много говорил о значительности Ник. Ф-ча как мыслителя и человека и принес оттиск своей статьи с надписанием. Мой отъезд помешал мне быть у него. Надеюсь завтра зайти к нему и передам ему Вашу статью, которую сегодня получил от Мих<аила> Н<иколаевича>. Передам для прочтения; о напечатании же чрез его посредство нечего думать. Он человек без всяких денеж<ных> средств и на свой счет ничего печатать не может, а поместить Вашу статью со своими замечаниями ему решительно негде, раз в «Русск<ой> Мысли» печатание оказалось неудобным, по мнению редакции. Я и не буду ему говорить об этом пока. О результате беседы с ним завтра напишу на этом же письме.

Вообще же я очень рад предложению Струве Вам написать статью не полемическую, а «по существу» о Ник. Ф-че. Этим случаем надо непременно воспользоваться и постараться изложить именно без всякой полемики основные мысли Н. Ф-ча и *мотивы* к мыслям этим (разумею нравственное обоснование учения: недостаточность гуманистического обоснования общего дела и экономического и юридического обоснования, необходимость возврата к естественной родственной основе; вытекающий отсюда долг; широкая и универсальная постановка *общего* дела и т. д.).

Необходимо подчеркнуть религиозный характер всей основы учения (Троичность как образец, необходимость спасения многих, большинства согласно желанию *Спасителя* (а не *Карателя*) и т. д.). Держитесь главных и основных мыслей, не отвлекаясь детальными подробностями. Статья во всяком случае принесет большую пользу. Что касается предубеждений против учения Н. Ф-ча, вытекающих из *церковно-религиозных* мотивов, то устранение их не легко по причинам, о коих не раз уже мы говорили. Вы напрасно думаете, что я не помню или не принимаю во внимание сказанного на страницах 331—336-й I тома и на стр. 344—345. Из выражений Вашего письма можно даже, пожалуй, подумать, что я и вовсе никогда не читал этих страниц; но в этом Вы глубоко ошибаетесь. Я ими (по рукописи) пользовался уже и в своей книге. Они превосходны и поистине величавы, но спора о понимании свободы и совершенства в первоначальном человеке (до грехопадения) даже и они не решают. Правда, и Н. Ф. сам говорит, что этого первоначального мира (а следовательно, и первоначального человека) мы не можем знать (331 стр.). Но в церковном предании есть некоторые принятые Церковью взгляды на этот предмет, и вот, затруднение в том, что эти взгляды не совсем совпадают с предположением Н. Ф-ча, высказанным вверху 332-й страницы, а отсюда возникает расхождение церковного взгляда и на дальнейшую задачу человечества, на то именно, к какой цели надо стремиться.

Говорю не про мое личное затруднение в данном случае, а про то, которое есть у более упорных поклонников церков<ного> толкования о «состоянии невинности, свободы и чистоты».

Господа эти не согласятся и с тою квалификацией мистицизма, которая дается Вами в последнем Вашем письме, и в этом 2-я крупная помеха для их соглашения с Н. Ф-чем. Отказаться же от помощи Св. Предания при истолковании Св. Писания они не могут, ибо, с их точки зрения, это было бы равносильно признанию протестанского принципа субъективного (произвольного) толкования, то есть безавторитетного и меняющегося, сообразно с личными утверждениями толкователя. Вот я и думаю, что бесполезно и натягивать искусственно тексты Николая Ф<едоровича> для подведения их к *полному* согласованию с церковно-традиционным

толкованием целого ряда вопросов. Те тексты, которые есть, не достаточны для недвусмысленного обоснования такого полного согласия. Надо признать, что свобода обращения Н. Ф-ча с текстами шире, чем та, которую позволяют себе типичные церковники, и что, сообразно с этим, у Н. Ф-ча менее придается значения и толкованию Писания «отцами Церкви». Надо, следовательно, или признать право на расширенное (не буквальное) понимание текстов Св. Писания, или же большую свободу личного истолкования их, несмотря на авторитет святоотеческого предания; или же, наконец (и я стою за это последнее), надо признать, что Н. Ф-чу не представилось повода и случая еще раз продумать некоторые выводы из своих мыслей под впечатлением сличения их со святоотеческими взглядами (с Церковным Преданием) и, в частности, с творениями православной аскетики и мистики, и потому в этом смысле (в смысле случайного пробела или недосказа) и получилось кажущееся несогласие. Я же верю, что если бы уже при жизни его возникла полемика в этом направлении, он углубился бы в эти вопросы и при своей гениальности сумел бы примирить кажущееся несогласие, ибо при своей добросовестности он тогда глубже бы вчитался и больше вчитался и в святоотеческую литературу (в том числе и мистическую) и увидел бы в ней несравненно более реального, чем могло ему казаться при сравнительно равнодушном отношении к ней, о каковом он мне не раз говорил.

9 янв<аря>. Заходил к Бердяеву; не застал его; зайду завтра (он живет очень недалеко от меня); о беседе с ним сообщу добавочно; а пока до свидания, дорогой Николай Павлович! Рад был бы еще побеседовать с Вами, но письмо уже и без того длинно, да и мигрень донимает...

Будьте здоровы и счастливы, насколько это при нынешних обстоятельствах возможно. Мой почтительный поклон глубокоуважаемой Юлии Владимировне и общий Вам и ей от Марии Гр<игорьевны> и Анны Вас<ильевны>. Преданный Вам В. Кожевников.

Р. S. Вот Вам еще маленькая иллюстрация к вопросу о расширяемости или нерасширяемости взгляда на всеобщее спасение у людей строго-традиционного церковного типа:

В Братстве Святителей Московских приезжий из Петрограда Ю. А. Колемин (одна статья его о католичестве была в «Бог<ословском> В<естни>ке»²⁷⁶) читал и беседовал на эту тему, и хотя не знаком с идеями Н. Ф-ча и числит себя в лагере самых церковных мыслителей, однако не мирился с перспективою гибели большинства и в виде предположений и упований высказывал надежду на то, что, может быть, и они спасутся и что «при последних концах» правда и мир на земле наконец восторжествуют. Но за эти мысли, очень, очень предположительно лишь высказанные, он подвергся

суровой полемической экзекуции со стороны Н. Д. Кузнецова, со стороны священника Востокова²⁷⁷ и иных... Ясно, что для верующих традиционно-церковного типа упования на оптимистический конец мировой истории не по вкусу и кажутся им неправдоподобными: постоянно подчеркивается тенденция пессимистическая, о катастрофическом конце мира, о том, что спасется лишь малое стадо.

При таких перспективах реалистический способ спасения, конечно, должен казаться неправильным, «грубым», «материалистическим», как некоторые про него и говорят и, с этой предвзятой точки зрения, все учение Н. Ф-ча представляется им учением секулярным, не-религиозным по тенденции, по приемам и по цели. Это напоминает предсказание Н. Ф-ча о том, что саддукеи окажутся отзывчивее фарисеев. Но я никак не могу считать указанных лиц за фарисеев — и потому-то трудность эта так меня и печалит.

Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ

17—23 января 1916. Зарайск

17 января 1916 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Александрович!

Простите меня, но не смогу умолчать, что письмо Ваше глубоко огорчило меня. Хотя Вы и оговариваетесь, что излагаете не свое [мнение], а мнение упорных церковников, тех, которые тексты понимают буквально и не позволяют себе такого широкого толкования, как Н. Ф-ч, но в конце концов Вы склоняетесь на сторону этих буквальных толкователей, пришедших к убеждению в неизбежности катастрофического конца нашего земного мира, причем от этой катастрофы спасется лишь малое стадо, пришедших к убеждению, следовательно, в том, что Бог увидел ошибочность своего творения, которое при создании казалось Ему таким прекрасным, и Он раскаялся в том, что сотворил наш земной мир, а потому и ведет его к гибели. Сам Господь Наш Иисус Христос приходил не спасти мир, а лишь объявить, что мир должен погибнуть. Но как же с этой точки зрения объясняется — «клянется Господь и не раскается»?!

Прочитав Ваше письмо, я не хотел было отвечать на него *по существу*, так и написал сыну моему. Не хотел препираться по существу, потому что дело не во мнениях, а в деле, только дело приведет нас и к единомыслию. Но затем я никак не мог отделаться от мыслей по поводу Вашего письма, мысли эти сверлили мне голову, и я принял это за указание, что должен писать Вам по существу

Вашего письма; необходимо это и потому, что мнения Н. Ф-ча не мнения только, все им сказанное побуждает, нудит к делу, тогда как мнения верующих в катастрофический конец мира отбивают от всякого дела, заставляют опускать руки, а если кто из них и делает что-либо, то это по недоразумению.

Вы пишете, что из выражений в моем письме можно заключить, будто Вы вовсе и никогда не читали приведенных мною страниц, а между тем Вы ими пользовались уже в своей книге, когда они не были еще напечатаны. Но, по всей вероятности, рукопись, которою Вы пользовались, написана моею рукой? И я все это писал и переписывал не один раз, и тем не менее, когда я прочитал эти страницы недавно, они поразили меня как нечто новое; хотя я и не могу сказать, чтобы я забыл их, нет, я помнил даже некоторые выражения и общий смысл этих страниц, искал их, а когда нашел, восхитился. Поэтому только просил и Вас прочесть эти страницы. После уже отъезда моего сына из Зарайска, я указывал ему и тоже просил прочитать стр. 64—68 I-го тома, т. е. это то, чем начиналась рукопись, которую в начале января 1882 г. прочитал В. С. Соловьев. Место это слишком известно, и тем не менее, прочитав его, я не мог не написать сыну, чтобы и он перечитал его, таким глубоким оно мне показалось. Между прочим, я прочитал там: «Бог, не имеющий равного, кажется нам не настолько могущественным, чтобы проявиться в равном себе, достойном любви существе, т. е. не всемогущим, потому что создание ограниченных существ не может быть выражением всемогущества». И тогда только *вполне* понял, как я был неправ, сказав, будто Бог не мог создать свободное существо, и как были правы Вы, возразив на это. В настоящее время к этому месту сделано добавление (на обороте страницы) и с этим добавлением, я полагаю, мысль Н. Ф-ча выражена надлежащим образом. Затем на 67-й стр. *пункт* 4-ый — ясно, мне кажется, указывает, что нужно понимать под трансцендентностью и имманентностью Божества, в настоящее время при чтении этого места мне особенно стало понятно, что вопрос о трансцендентности и имманентности Бога может разрешиться только тогда, когда слово Божие делается в нас делом Божиим, т. е. когда люди в своей совокупности делают сознательным орудием Бога в деле всеобщего воскрешения. Тогда только мы узнаем и о том состоянии, в каком человек был при сотворении. Впрочем, что человек не был совершенен, когда был сотворен, это несомненно уже из того, что он пал, — совершенное падать не может. Кроме того, это видно и из повествования в книге *Бытия*: в гл. I ст. 28 «Бог говорит сотворенным Им мужу и жене — *«раститеся и множитесь»*; — кому нужно расти, тот еще не вырос, следовательно, не достиг совершенства. В ст. 29 той же главы Бог предназначает людям в снедь траву, сеющую семя; опять-

таки, кому нужно подкреплять себя пищей, может ли быть назван совершенным? Точно так же не может быть совершенным и тот, кому нужен помощник, — а из главы 2-й видно, что сначала Адам был сотворен один, но Бог нашел, что ему нужен помощник, и сотворил ему жену Еву. И наконец, если бы люди при самом создании были совершенны, а не должны были сами, своими силами, хотя и при помощи Божией, достигать совершенства, то они были бы и всеведущи, и тогда как бы могла соблазниться Ева словами диавола, что, нарушивши заповедь Божью, у них отверзнутся очи и они будут как боги, ведающие добро и зло? Может ли церковное предание противоречить книге Бытия, и в чем же противоречит взгляд Н. Ф-ча, изложенный вверху 332-й страницы, тому, что изложено в книге Бытия, в книге, которая признается каноническою и, следовательно, никакое предание устранить изложенное в ней не может; а если и есть такое предание, которое противоречит книге Бытия, то оно есть лишь гадание, которое не должно и не может заграждать пути и другим гаданиям. <...>

Вы говорите, что свобода обращения Н. Ф-ча с текстами шире, чем та, которую позволяют себе типичные церковники, и что сообразно с этим у Н. Ф-ча придается менее значения толкованию Писания отцами Церкви. О каких толкованиях отцов Церкви здесь говорится, — о тех ли, которые не были рассмотрены и подтверждены вселенскими соборами, или же о тех, которые были подтверждены вселенскими соборами. Тому, что принято семью вселенскими соборами, Н. Ф-ч не противоречит, а текстам из творений отцов церкви, вселенскими соборами неподтвержденным, — он придает меньшее значение, чем текстам евангельским.

Надежда на то, что не будет катастрофического конца земли, основывается на буквальном тексте молитвы Господней, полагая, что Господь не стал бы учить нас молиться о том, что не осуществимо, а потому возможно ли не верить, что Царствие Божие на землю придет; а если придет, то как же согласить это с катастрофическим концом земли? И неужели же текст молитвы Господней может быть опровергнут какими бы то ни было текстами из творений отцов Церкви? — Личный произвол в толковании недопустим, если вопрос рассмотрен вселенским собором, если состоялось постановление вселенского собора. Если же вопрос вселенским собором не рассмотрен, то и толкования отцов Церкви есть толкования произвольные и у каждого из них может быть свое, они могут быть и не согласны друг с другом, как не соглашались и спорили апостолы Петр и Павел, и выбирая мнение кого-либо из отцов, мы тоже поступаем произвольно, по-протестантски. Самый яркий пример того, к чему ведет преувеличенное значение святоотеческих мнений, это спор об именовании.

Кто из спорящих прав, — как это решить? И зачем спорить о мнении, которое никакого влияния на наш образ действия, на наше поведение иметь не может. И как вооружаться против мнения, которое хотя и не согласно с нашим, но ведет к жизни истинно христианской?!.. Истинно православный путь как противоположность протестантскому — это рассмотреть и испытать все существующие по определенному вопросу мнения церковью, т. е. вселенским собором, и принять лучшее; и притом если это не мнение только, а такое положение, которое указывает, что мы должны делать, определяет образ нашего поведения, как догмат о Пресв-*<той>* Троице, учение о двух естествах в Господе Нашем Иисусе Христе. Придавать же значение мнению, бездейственной мысли, и есть протестантство, православие же требует дела, а дело определяется долгом. В чем же долг не верующего только, а верного Христу — Нашему Спасителю, а не Карателю, как Вы справедливо выразились.

Но от чего приходил Христос спасти нас? Может ли быть какой-либо спор при разрешении этого вопроса? Неужели же найдется кто-нибудь, кто скажет, что Христос приходил спасти нас не от смерти? А если от смерти, то не от духовной только, но и телесной, как это установлено вселенским собором, признавшим во Христе два естества. Если же, чтобы спасти нас, Христос принял естество человеческое, то это значит, что без приобщения к делу спасения самого человека невозможно спасти человека, существо разумное и свободное. Отсюда и следует, что долг *верных* Христу, а чрез Него и всем отцам и братьям нашим, заключается в том, чтобы мы отдали себя, друг друга и всю жизнь нашу делу спасения, делу воскресения всех отцов и братий наших умерших. Забота о личном только спасении есть тоже протестантство, православие же есть долг воскресения всех отцов и братий, прежде нас умерших; вера православная есть осуществление чаемого (Евр. XI, 1), т. е. единое дело воскресения. Православие, как дело воскресения, «налагает на всех один общий труд, в котором соединяются и знание и дело, немислим он и без веры; потому-то этот труд и имеет полную доказательную силу, потому-то он и спасителен, что есть осуществление чаемого, ожидаемого, что и самую мысль об отцах, представление их, делает видимою, осязаемою, т. е. православие ведет к истине и благу, ведет к истинному, действительному спасению» (Т. 1-й, стр. 359). И на чем основана мысль, будто спасется лишь малое стадо? В XII гл. 32 ст. сказано: «Не бойся малое стадо, ибо отец ваш благоволил дать вам царство». И это сказано Господом, как видно из стиха 22 той же главы ученикам Его, которые тогда представляли, действительно, малое стадо. Но откуда же мысль, что это малое стадо малым и останется? Если бы это было так, то какое же Царство мог Господь обещать

своему малому стаду? И не значит ли такое обетование, что малое стадо, — *подобное* зерну горчишному, которое, будучи посажено в землю, выросло и стало большим деревом, и птицы небесные укрывались в ветвях его; подобное закваске, от которой вскисает все тесто (Луки, XIII, 19—21), — предназначено быть *всем во всем* и *во всех*, — предназначено водворить Царство Божие на земле, и не вдруг, приметным образом, а постепенно, устройство Царства Божия во вне будет соответствовать внедрению его *внутри* нас, как это нужно понимать согласно Евангелию Луки (XVII, 20, 21).

Скажите, согласно церковному толкованию, будет ли прощен грех распятия Христа тем, кто и чрез кого он совершен, и за которых Сам Христос молился: «Прости им, не ведают бо, что творят»? Действительна ли эта молитва Нашего Господа и действительны ли молитвы за умерших нераскаявшихся во грехах, по мнению упорных поклонников церковного, т. е. будто бы буквального толкования текстов? А если молитвы за умерших во грехах, а также молитвы Богоматери и святых действительны, то за кого же они не приносятся? По крайней мере я, кончая молитву за живых и испрашивая милость Божию всем православным христианам, молюсь также за всех на поле брани за веру, царя и отечество подвигающихся; оканчивая же молитву за умерших, прошу об упокоении *всех* на брани убиенных, разумея не одних наших убитых и наших союзников, а также и врагов наших, потому что и они принесены в жертву, в видах того, чтобы мы пришли, наконец, в разум истины*. И если мы, следуя наставлению Господа в молитве Им данной, прощаем согрешивших против нас, то неиссякаемая глубина милосердия Божия к своему же созданию может ли примириться с вечными мучениями хотя бы кого-нибудь? И какою фальшивою звучит «суровая полемическая экзекуция» бедного Колемина со стороны юриста-адвоката, специализировавшегося на бракоразводных процессах, и священника, идущего против своего епископа²⁷⁹. Оптимистический конец мира им не по вкусу, они желают катастрофического конца, надеясь, конечно, что будут в числе малого стада, а такой человек, как Н. Ф-ч, который, по их мнению, неправо мыслил и других учил тому же, должен погибнуть, хотя жил праведником, а учение его ведет и других к праведной жизни. Ну, если они, этот юрист и священник, правы, то я лучше желаю погибнуть с великим праведником Н. Ф-чем,

* Пишу об этом, имея в виду синодики, о которых говорится на стр. 523 и 524 т<ома> I-го, где такое полное перечисление всех умерших, начиная с Адама и прабабы Евы. Сохранились же и теперь такие синодики. Но Господь, научивший нас прощать согрешивших против нас, не может и Сам не простить даже тех, за кого нет ходатаев, которые и сами не просят о помиловании.

чем спастись в их малом стаде. И неужели же такая жертва, как крестная жертва Нашего Спасителя, принесена не за весь мир, а ради спасения лишь малого стада, в котором окажутся Н. Д. Кузнецов и св<ященник> Востоков? Во что же они обращают дело Нашего Спасителя? И как они представляют себе Божество? Что же, по их мнению, Бог — всемогущ Он или нет? Если всемогущ, то как же Он мог создать существа, предназначенные к гибели, к вечным мучениям? Или же, может быть, они представляют себе Бога, как мусульмане, всемогущим, но не благим?! Нужны не те или другие мнения, нужно предаться делу *всеобщего* спасения, к которому мы призваны Нашим Господом Иисусом Христом, тогда и не будет между нами никаких споров. А что Христос приходил призвать нас к делу *всеобщего* спасения от смерти, которое невозможно без нашего в нем участия, кажется, споров тут быть не может. Православные, признающие во Христе два естества, не могут спорить и против того, что спасение должно быть не духовное только, но и телесное, а такое спасение требует управления всеми силами слепой материальной природы, требует соединения знания и дела под руководством веры, а это и приведет к спасению действительному, не духовному только, но и телесному, материальному, что устранит все мистическое, совершающееся вне разума, способами для нас непонятными, устранить все непознаваемое, так как все признаваемое ныне непознаваемым будет познано.

Простите, Владимир Александрович, если сказал Вам что-либо неприятное. Был бы счастлив, если бы никогда не приходилось Вам противоречить. Прошу прислать печатные статьи из «Дона», «Асхабада», «Туркестанских Ведомостей» и те, которые подписаны мною, так как и эти последние написаны мною под диктовку Н. Ф-ча, но по обстоятельствам разного рода и по желанию Н. Ф-ча подписаны мною. Статьи эти нужны мне для статьи, которую готовлю в «Русскую мысль» и которая весьма подвинулась, — недели через две, Бог даст, кончу. <...>

Мою статью, когда возвратит ее Бердяев, передайте сыну. Получил ли Флоренский мое письмо со статьей Н. Ф-ча о свободе совести?²⁸⁰

В. А. КОЖЕВНИКОВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ

18 января 1916. Москва

Москва, 18 января 1916

Глубокоуважаемый и дорогой Николай Павлович!

Не заставши Бердяева в 1-й раз, пошел к нему вторично и передал Вашу статью. Он благодарил; сказал, что ему интересно прочесть ее, что и сделает, и тогда вернет мне. Сомневаюсь, чтобы он,

однако, стал сопровождать чтение письменными заметками. Он, говорят, довольно-таки ленив на работу и потому, вероятно, предпочтет сказать что-нибудь на словах. Спросил, будет ли печататься статья? Я ответил: «едва ли». О дальнейшем сообщу. Печатные статьи Н. Ф-ча подыщу и передам М<ихаилу> Н<иколаеву>чу. Здесь сейчас есть кое-что интересное в философ<ских> кругах по части интересующих нас вопросов, но все не в ту сторону, в какую бы желательно. Однако спрос на Н. Ф. (I и II т.) растет. За эту неделю взяли 17 экз<емпляров> 2-го тома. Привет и поклон Вам и глубокоуважаемой Ю<лии> В<ладимиров>не. Сердечно Ваш В. Кожевников.

В. А. КОЖЕВНИКОВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ

26 января 1916. Матвеевское

Москва. 26 ян<варя> 1916

Глубокоуважаемый и дорогой Николай Павлович!

Вчера получил Ваше письмо²⁸¹, — одно из лучших Ваших писем, с большею частью содержания коего я согласен. Но все-таки скажу, что обвинение на меня Вы воздвигли, думается, напрасно и без достаточного основания. Ведь то, что я излагал в своем предыдущем письме, я излагал не в качестве *своего* мнения и убеждения, а в качестве мнений и убеждений других лиц, определенного церковно-традиционного типа. С ними я далеко не со всем согласен, в том числе и в отношении к вопросу о толковании Писания в некоторых неопределенных Церковью пунктах. Кроме того, кое-что и из *обсужденного* Церковью, но *еще не зафиксированного догматически, хотя и уже осужденного*, меня не удовлетворяет. Таков, например, вопрос об осуждении оригенистической надежды на спасение большинства. А потому и упреки Ваши мне за противоположные якобы взгляды неосновательны. Я говорил только, что *со своей точки зрения* православные такого типа имеют достаточные основания считать толкования и задачи Николая Ф-ча расходящимися со взглядами некоторых Отцов Церкви. Я очень рад был бы удовлетворить немедленно Вашу просьбу о сообщении указаний, где и какими Отцами высказано такое расхождение с взглядами Н. Ф-ча. Но отыскать точные ссылки в необъятном море святоотеческой литературы сейчас не имею возможности. Постепенно же сам и при содействии знатоков патристики постараюсь это сделать. А пока скажу, что, хотя идти против святоотеческих толкований и мнений принципиально с Вашею смелостью я не могу, тем не менее согласен с Вами, что и святоотеческие мнения и решения впредь до утверждения их соборным решением

всей Церкви — только мнения, хотя и высокоавторитетные, с которыми нельзя православному не считаться, но которые все же не так обязательны, как соборные решения. Вот почему я думаю, что и мнение о пределах возможности и успешности земного устройства силами человечества нуждается в соборном рассмотрении, а до тех пор мнения об этом вопросе, высказанные не догматическим тоном, а проблематическим, осуждены быть не могут. Тут именно вопрос о пределах и способах, ибо принципиально «церковники» никогда не отрицали и не отрицают необходимости активного участия человека и человечества в деле спасения; но взгляд их на характер, силу и способы этого участия едва ли совпадет со взглядами Н. Ф-ча.

Пока об этом довольно! А теперь, во-первых, поздравляю Вас с блестящим окончанием Михаилом Ник<олаев>ичем магистерских экзаменов. Он зашел ко мне прямо с последнего, и я был обрадован этим так же искренно и сильно, как если бы дело шло о моем собственном сыне. Слава Богу! Слава и Вам, воспитавшему такого сына — истинного работника на ниве просвещения и с такими хорошими, положительными основами.

Во-вторых, пораду Вас вестью о том, что за последние дни замечается спрос на 2-й том Н. Ф-ча: в одну неделю затребовали и купили 22 экземпляра. Затем было у меня двое прапорщиков; один, главный, Щербаков из Балашова, химик по специальности, самостоятельно додумался до задач, сходящихся с Н. Ф-выми; о нем не знал, но попал на Вашу книгу и явился купить ее у меня. У меня нашлось только 3 экз<емпля>ра, каковые я ему отдал, получил за них 3 р. (деньги эти передал Мих<аилу> Ник<олаев>ичу), а затем сему доблестному воину дал 1-й том Н. Ф-ча и 3 экз<емпля>ра Вашей брошюры «о религиозном характере его учения» (даром). Он был очень счастлив и думает о распространении взглядов Н. Ф. на отношения к природе. <...>

Вырезку пришлю Вам обратно в непродолжительном времени²⁸². Также и печатные статьи Н. Ф-ча и Ваши о нем, когда подберу их, что надеюсь выполнить на днях: они разрозненно хранятся в разных местах, между прочим — в негораемых ящиках в Купеч<еском> Банке. Флоренского не видал и не знаю, получил ли он Ваше письмо со статьей Н. Ф-ча «О свободе совести». Напрасно Вы извиняетесь за причинение мне огорчения высказыванием Ваших мнений о моих мнениях. «Мнения» — свободны, и высказывать их — право и долг совести. Если Вы нередко неправильно укоряете меня (как мне кажется), это — ничуть не обидно, а только ошибка мнения же; то же и я делаю, конечно, нередко. Дружески жму Вашу руку и прошу передать наш общий поклон Юлии Владимировне и самому Вам.

Преданный Вам В. Кожевников.

Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ

31 января 1916. Зарайск

Глубокоуважаемый и дорогой
Владимир Александрович!

Меня очень и очень порадовало Ваше письмо — я очень был рад, что мое письмо не произвело на Вас дурного впечатления; и чтобы еще подкрепить доводы, изложенные в этом моем письме, я позволю себе сослаться на конец Крещенского тропаря — «явился, Христе Боже, и мир просветил, слава Тебе!..» А если мир просвещен, зачем ему погибать, зачем катастрофический конец его, возможен ли он?!.. А ведь этот тропарь принят и освящен всею церковью.

Затем я был обрадован Вашим отношением к окончанию экзамена моим сыном. Приношу Вам мою глубокую благодарность за поздравление с этим событием. Из всех моих детей только он один предался единому на потребу, а потому и не могу приписать себе это обстоятельство, не я в нем воспитал это, а так уже Богу угодно было.

Теперь мой сын стал получать стипендию Грановского, и у нас освободились деньги, — мы хотим их употребить на напечатание статьи по поводу статьи Бердяева. Нельзя ли будет выручить поскорее эту статью от Бердяева. Мне хочется напечатать ее в таком же формате и виде, как Вами напечатанная брошюрка — «О религиозном характере учения Н. Ф. Федорова»²⁸³. Не знаете ли Вы, как по отчеству зовут Струве, зовут его Петр, а как по отчеству, не знаю. Скоро кончу статью, которую пишу по его предложению, и придется ему писать, хорошо бы назвать его по имени и отчеству, а не просто Милостивый государь.

Юлия Владимировна и я свидетельствуем Вам, Марье Григорьевне и Анне Васильевне наше глубокое почтение и просим передать наш сердечный привет Вашим детям.

Душевно Вам преданный и любящий Вас Н. Петерсон.

31 января 1916 года.

г. Зарайск.

В. А. КОЖЕВНИКОВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ

22 февраля 1916. Москва

Москва. 22 <февраля> 1916. Глубокоуважаемый Николай Павлович! Посылаю заказ<ую> бандеролью «Бог<ословский> вестник» с Вашей статьей²⁸⁴. Не знаю, дадут ли Вам отдель<ые> оттиски? Булгаков говорил, что теперь, по случаю типограф<ского> кризиса, перестали их давать (ему, по крайней мере). У меня был

один прапорщик, Анатол<ий> Антон<ович> Дементьев (пензяк, ученик Д. Ф. Попова), приобрел 5 экз. 2-го тома (1-й и 2-й — 1 экз. — и вашу брошюру 5 экз. — «О рел<игиозном> хар<акте>-ре» — я ему дал бесплатно); он искал еще неск<олько> экз<емпляро>в Вашей книге (но у меня не было). Говорит, «в окопах и в госпиталях мысли Н. Ф-ча имеют большой успех как русская и православная философия», и вообще много интересного сообщал по поводу Н. Ф. Требование на 2-й т. продолжается. От всех нас примите наилучшие пожелания Вам и глубокоуважаемой Ю<лии> В<ладимиров>не. Преданный Вам и любящий Вас В. Кожевников.

Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ

18 марта 1916. Зарайск

18 марта 1916 г., г. Зарайск

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Александрович! Не знаете ли Вы, как зовут по имени и отчеству профессора Петроградской Духовной Академии Бронзова; если не знаете, не можете ли узнать. Мне хочется написать ему по поводу его заметки в № 14366-м «Нового Времени» под заглавием «Что же нужно?», в которой он требует от Академии наук указания, в чем заключается смысл жизни по научному представлению?..²⁸⁵ Мне хочется ему сказать, что вопрос о цели и смысле разрешается только религиею, наука же, освободившись от религии, признала бесцельность и бессмыслие существования и все последствия, вытекающие из этого... Затем думаю написать Высокопреосвященному Кириллу, архиепископу Тамбовскому и Шацкому, по поводу известия в № 55 «Русского Слова» о пастырском собрании под его председательством по вопросам приходской жизни, причем признано необходимым «широкое привлечение прихожан к непосредственному участию в жизни прихода» и «самый приход предположено *сконструировать* по образцу древнерусского прихода»²⁸⁶. Мне хочется сказать о нынешних заботах законодательным актом установить нормы прихода, о требовании признать приход юридическим лицом и т. п. Св. апостолы не нуждались в законодательных актах для создания церкви, а мы, чтобы устроить наш приход, ждем законодательного акта от нашей думы, которая состоит, не говоря уже об иноверных и инославных, из большинства не признающих никакой религии, и только в Тамбове додумались, что к жизни прихода нужно привлечь прихожан. Но в чем же должна заключаться жизнь прихода? Не очевидно ли, что жизнь прихода должна заключаться в том, чтобы накормить алчущего, напоить жаждущего, одеть и согреть нуждающихся в том, позаботиться о больных и проч., и проч., словом, нужно, чтобы все средства, собирае-

мые приходом, принадлежали бедным. И зачем для устройства такого прихода нужен законодательный акт? Я хочу послать архиепископу Кириллу копию письма Николая Федоровича, которое напечатано на стр. 97—98 «Вселенского Дела»²⁸⁷, этого ужасного «Вселенского Дела», которое даже с внешней стороны мне показалось сегодня отвратительным. Архиепископу я не скажу, конечно, что письмо это напечатано во «Вселенском Деле». <...>

Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ

8 апреля 1916. Москва

Глубокоуважаемый и дорогой
Владимир Александрович!

Принося Вам благодарность за поздравление с наступающим праздником, я, Юлия Владимировна и сын наш в свою очередь поздравляем Вас, Марью Григорьевну, Анну Васильевну и милых детей Ваших с праздником Светлого Христова Воскресения и желаем Вам всем доброго здоровья и всего наилучшего.

Итак, мое письмо к Бронзову Вас не удовлетворило, хотя Вы и прочли его с интересом. Я не могу, однако, догадаться, о какой последней части этого письма Вы говорите, находя ее особенно удавшеюся? Неужели — только о том, где говорится о неудовлетворительности нынешней науки, противопоставляющей себя религии? Но наука другою и быть не может, пока сама религия не признает нужным какое-либо участие науки в деле всеобщего спасения, которое должно совершиться не только без всякого участия науки, но и вообще без всякого нашего в том участия, чем и обесценивается не только наука, но и вся наша земная жизнь, так что совсем становится непонятным, зачем мы живем здесь. Такой взгляд, обесценивая земную жизнь нашу, вместе с тем и узаконяет то состояние мира, в котором он ныне находится, ибо, оставаясь в религии только при храмовой литургии, мы не можем, конечно, всю жизнь нашу проводить в храме, и не только всю жизнь, но даже и большую часть жизни приходится проводить вне храма, даже школу устраивать в храме считается не пристойным, и мы должны оставаться при заповеди: шесть дней делай все дела твои, а седьмой Господу Богу Твоему; да и из этого седьмого Господу Богу только немножко, а большую часть развлечениям. Этим узаконяется то состояние, которым восхищался ныне восстанавливаемый из забвения Леонтьев, преклонявшийся перед барыней, которая на масленицу отдавалась всем масленичным удовольствиям и развлечениям, а как в четыре часа в воскресенье масленицы ударяли в колокол, она садилась в возок и отправлялась к Троице, чтобы каяться в том, что делала, и не для того, чтобы совсем отказаться от своих масленичных дел, — когда приходила новая

масленица, она делала то же, что и раньше, и опять отправлялась к Троице. Словом, мы обречены на то, чтобы одну свечку ставить черту, а другую Богу; а в конце концов ставим свечки только черту, а о Боге забываем... Вот те размышления, на которые навела меня Ваша записочка.

В новом письме Мощанский обратил мое внимание на письмо Соловьева от 16(28) декабря 1888 г. (стр. 15—16-я «Богосл<овско-го> Вестн<ика> № 1-й с<его> <года>»); о каком «вздорном» будто бы поступке Н. Ф-ча говорит тут Соловьев?²⁸⁸ Не знаете ли Вы, нельзя ли спросить об этом С. М. Соловьева или же М. С. Соловьева, если он жив? Не откажите сообщить об этом все, Вам известное. Не знает ли об этом Лопатин или Е. Н. Трубецкой? <...>

Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ

14 апреля 1916. Зарайск

Воистину Воскресе Христос!

Глубокоуважаемый и дорогой
Владимир Александрович!

Получив Вашу поздравительную открытку, и мы считаем долгом повторить наше поздравление, принесенное в письме, отправленном вечером в Страстную Пятницу. <...> Не нахожу слов благодарить Вас за присылку номера «Утро России» со статьей Бердяева²⁸⁹. Признаюсь, первая большая часть этой статьи мне кажется бессодержательной болтовней, но 2-ая часть, где говорится о Н. Ф-че, очень хороша; надо бы выкинуть из нее слова: «Сам проект воскрешения, как он развивается Н. Ф. Федоровым, может казаться безумной утопией и отталкивать...» Удивляюсь, как такой талантливый человек, как Бердяев, не может понять, что только способом, указываемым Н. Ф-чем, и может выразиться участие человека в деле всеобщего воскрешения.

Получено уведомление редакции «Русской Мысли», что редакция могла бы воспользоваться моею статьею на условии больших сокращений и время напечатания не может быть определено даже приблизительно²⁹⁰. Я пишу Струве, чтобы редакция сделала все сокращения, какие найдет нужным и возвратила бы мне статью, а я, если окажется возможным напечатать статью в таком виде, то доставлю ее опять в редакцию²⁹¹, и в то же время сообщаю, что произведения Н. Ф-ча, в сущности, не философия, а религиозное учение, раскрытие евангельских истин, а дело, к которому призывает Н. Ф-ч, — внехрамовая литургия, которая должна захватить все действия каждого и всех, религиозизовать всю нашу жизнь. А затем говорю, что только внехрамовая литургия разрешит все антагонизмы — между религиею и наукою, между учеными и неуче-

ными, между интеллигенциею и народом, что антагонизм между религиею и наукою произошел в то время, когда вера была искренна, потому что знание естественных условий жизни было слабо, бессильно, а когда естествознание стало входить в силу, вера, вследствие бесплодных усилий, стала неискреннею, признала возможным удовлетвориться только мыслью, не выражающеюся в действительности, на самом деле. Отсюда и странное понимание выражения Христа — Царство Божие внутри Вас есть. Так что так называемые нынешние верующие обратились в фарисеев, которые тем лишь отличаются от саддукеев (все наши левые партии), прямо отрицающих воскресение, что признают воскресение лишь на словах, а на самом деле не верят, да и не желают его. И вот эти-то фарисеи (все наши правые партии) и саддукеи держат в своих руках ключи разумения (газеты и журналы), и сами не входят, и других не пускают. Да, это будет, вероятно, неприятно выслушать г-ну Струве, но я считал нужным быть с ним вполне откровенным.

Жду от Вас ответа и на письмо, посланное вечером в Пятницу Страстной недели, если Вы его получили. Юлия Владимировна, я и сын наш Михаил свидетельствуем Вам, Анне Васильевне и Марье Григорьевне наше глубокое почтение, детям Вашим шлем наш сердечный привет. Вашего приезда ждем с величайшим нетерпением, в письме всего не скажешь, а накопилось многое уже, о чем следовало бы побеседовать. От Мощанского получил уже три весьма содержательных письма, а на Пасху приветствие. Мощанский хорошо понял Н. Ф-ча, лучше, чем кто-нибудь из известных нам почитателей Н. Ф-ча. Душевно Вам преданный, глубоко уважающий и любящий Вас Н. Петерсон.

14 апреля 1916 года.

В. А. КОЖЕВНИКОВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ

20 мая 1916. Москва

Москва. 20 мая 1916. Глубокоуважаемый и дорогой Николай Павлович!

Поездка в Крым и нездоровье не дали мне возможности приехать, как хотелось, в Зарайск; а завтра, 21-го все уезжаем на Исар. Все складывается не так, как хотелось бы; но что делать! Я совсем стал слаб силами и мне необходим отдых. Попробую, против воли, дать его себе по приезде на Исар; а во второй половине лета, окончивши указатель к своей книге²⁹² и отдохнувши, попробую приняться за «Воспоминания о Н. Ф.». К тому времени попрошу выслать переписанное Вами²⁹³, а пока не посылайте, поберегите у себя. Дружески Вас обнимаю и желаю Вам и глубокоува-

жаемой Юлии Вл<адимиров>не от себя и своих, а также и дорогому М<ихаилу> Н<иколаеву>чу всего лучшего.

Преданный Вам и любящий Вас В. Кожевников.

В. А. КОЖЕВНИКОВ — Н. П. ПЕТЕРСОНУ

20 августа 1916. Исар

Исар. 20.VIII.1916. Глубокоуважаемый и дорогой Николай Павлович! Письмо Ваше получил. Майскую книжку «Бог<ословского> Вестника» вышлю из Москвы, куда надеемся прибыть 28 августа, а затем надеюсь как-нибудь увидаться и с Вами, хотя мне еще необходимо в начале сентября съездить в Петроград. Указатель к своим книгам я сделал, и если Мих<аил> Ник<олаевич> не откажется мне помочь проверить его по части транскрипции санскритских слов на русский, то я немедленно сдам его в печать и так<и> обр<азом> будет закончена последняя работа и я смогу, наконец, [быть] свободен. Но беда-то в том, что здоровье мое очень плохо; желудок не варит и тошнота донимает; опасаясь, нет ли рака?²⁹⁴ На все, конечно, воля Господня, и слава Богу за все его великие милости, но работа в таком состоянии бывает трудна. Может быть, дальше будет лучше? На Ваше предыдущее письмо я отвечал, но забыл написать, что статьи (дублетной или вариантной) о «Падающ<их> звездах»²⁹⁵ здесь нет. (Поищу ее в Москве; она была). О quasi «нелепом случае» с Н. Ф-чем, упоминаемом В. С. Соловьевым²⁹⁶, я поручил навести справки у его племянника С. М. Соловьева. Ответа не имел. Статью в «Нов<ом> Времени» о «москвичах» (Розанова)²⁹⁷ читал как раз в момент получения Вашего письма. Щукин Вам кланяется; Н. Ф-ча вряд ли вновь читал; он подавлен пастырскою работою. О злополучном своем «Буддизме» пока получил 2 чрезвычайно лестных отзыва от Булгакова и, в особенности, от проф. С. С. Глаголева²⁹⁸. — Кажется, я неправомо болен, но остаток сил отдам охотно работе по III тому; вот почему, хотя и чрез силу, спешил освободиться от другой работы. Наши и я приветствуем Вас и всех Ваших. Любящий Вас В. К.

Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ

31 октября 1916. Зарайск

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Александрович!

Мне все хочется убедить Вас, что Николай Федорович не только не отвергал, но прямо признавал Божественное участие в жизни человеческой, и вот, перечитывая те рукописи, которые у меня, в статье о Предкремлевском Музее я встретил такое выражение:

«Император-сын поместил Музей — отчий, или памятник матери, при храме святого, тезоименитого его отцу; намеренно или ненамеренно это со стороны создателя Музея, *но не без воли Божией состоялось такое помещение*»²⁹⁹. Неужели же после этого возможно сказать, что Н. Ф-ч не признавал участия Божественной благодати, что он недооценивал участие божественной благодати?

Да, Н. Ф-ч думал, что мы слишком много надеемся на божественную благодать, а потому сами ничего не делаем; ходим до того, что считаем противлением Богу расширение нашей деятельности на управление, например, метеорическими явлениями — как признал это арх. Амвросий Харьковский в своей известной речи, произнесенной в харьковском университете...³⁰⁰ Ввиду такого положения Н. Ф-ч напрягал все силы на то, чтобы пробудить нашу собственную деятельность, но деятельность не своекорыстную, которая направляется к ограждению только себя и своих ближайших, а такую деятельность, которая направлена на общее дело спасения от общих всем бедствий. Без Божией помощи мы тут, конечно, обойтись не можем; но чтобы получить божественную помощь, надо самим давать; если мы сами ничего в этом направлении не будем делать, то в чем же будет помогать нам Бог?

Простите, если и это Вас как-либо расстроит. Пишу это не для того, чтобы Вас расстроить, а напротив, чтобы настроить. Очень был огорчен смертью Ф. Д. Самарина — он умер, думая, что произведения Н. Ф-ча противны христианству. Это очень жалко. Сын нам пишет, что Ф<едор> Д<митриевич> был у Вас за пять дней до смерти. О чем Вы говорили? Был ли болен Ф<едор> Д<митриевич> или смерть настала совершенно неожиданно? Я думаю, что и меня ждет неожиданная смерть, — сердце у меня не в порядке.

Юлия Владимировна и я свидетельствуем Вам, Марье Григорьевне и Анне Васильевне наше глубокое почтение, детям Вашим просим передать наш сердечный привет.

Всею душою Вас любящий

Н. Петерсон.

31 октября 1916 г.

В двадцатых числах ноября думаю побывать в Москве.

Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ

Между 31 октября и 10 ноября 1916. Зарайск

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Александрович!

Ваше письмо ко мне от 31 октября³⁰¹ написано, очевидно, до получения моего последнего письма, в котором я стараюсь Вас убедить, что Н. Ф-ч признавал благодать, признавал необходимою и действительною Божественную помощь в деле, в труде самого челове-

ка, направленном к спасению всеобщему. Вот нашлось и еще к тому доказательство: в статье о книге М. Хитрова — «Святой благоверный князь Александр Невский» говорится: «Вспомоществуемый в борьбе с Западом своими сродниками, святыми Борисом, Глебом и Владимиром, Александр Невский сам помогал своим потомкам в борьбе с Востоком Дмитрию и Иоанну, надеемся, что не оставит он и нас, когда наступит час спора, борьбы с Западом»³⁰². Кроме того, благополучный выход России из разрухи смутного времени Н. Ф-ч приписывает помощи преп. Сергия Радонежского.

Что касается неортодоксальности взглядов Н. Ф-ча, обнаруженных Вами в его переписке, то интересно знать, в чем эта неортодоксальность выразилась. Если Вы видите его неортодоксальность в отрицании возможности спасения в одиночку, то признание такой возможности равняется отрицанию церкви и, больше того, отрицанию Божественной Троичности. Если Вы видите его неортодоксальность в том, что для спасения он требует участия самого рода человеческого в устройении всеобщего спасения, и не молитвою только, но самым делом, устройением Царства Божия на земле, которая ортодоксами предназначена к гибели, то такое предназначение противоречит молитве, которой научил нас Господь, и словам Господа, который Сам сказал, что Царство Божие нудится, силою берется. <...>

Одно уже то, что Н. Ф-ч смотрел на род человеческий как на орудие Бога в деле сотворения мира, которое, по его мысли, еще не окончено, свидетельствует уже, что Н. Ф-ч не только не отрицал, но и не мог отрицать, не противореча себе, божественного действия, участия благодати в трудах человеческих, вернее сказать, в едином деле исполнения воли Божией.

Мощанский присылал мне на просмотр статью о Константинополе, написанную им по произведениям Н. Ф-ча. Статья эта, мне кажется, будет хорошим дополнением к его статейке «Пророчества Н. Ф-ча о нынешней войне»³⁰³, напечатанной в № 12-м «Русской мысли» 1914 года, и я посоветовал ему послать и эту статью в «Русскую мысль», но он опасается, что там статью не напечатают, так как редакция не сочувствует Н. Ф-чу. <...>

Н. П. ПЕТЕРСОН — В. А. КОЖЕВНИКОВУ

3—4 марта 1917. Зарайск

3-е марта 1917 года
Глубокоуважаемый и дорогой
Владимир Александрович!

Я извинялся, т. е. просил Вас извинить меня, что надоедаю Вам моими письмами, моими рассуждениями, которые не могут быть

Вам приятны, а может быть, доставляют Вам даже неудовольствие и большое, в оправдание же свое выставлял то, что у нас обоих на руках одно дело, и больше это дело в Ваших, а не моих руках, потому что большая часть документов у Вас, есть и такие, которых я не видел, письмо Соловьева и письма, в которых резкие порицания меня; от этого дела (кажется, я так выразился) зависит, не скажу спасение рода человеческого, но ускорение этого спасения или дела спасения, а потому и хотелось бы мне быть с Вами в полном согласии, поэтому я и позволяю себе обременять Вас моими рассуждениями, — не нападу ли я, наконец, на такой довод, который заставит Вас пересмотреть свое отношение к тому, что оставлено Николаем Федоровичем и согласиться с ним вполне, а тогда и со мною. А мой сын пишет, что Вы подумали, будто я говорю о деньгах? Как можно было это подумать? Если бы Вы и отказали в деньгах на третий том, деньги найдутся, но документы, которые у Вас в руках, если вы, будучи несогласны с Ник. Ф-чем, не захотите опубликовать их, никогда света не увидят. Нехорошо будет и то, если, публикуя эти документы, Вы будете сопровождать их Вашими возражениями. Явится даже вопрос: зачем публиковать то, что неверно, что может только ввести в заблуждение? Вот что меня огорчает и крайне печалит.

Не могу не отозваться в этом письме на статью Булгакова «“Проект” воскрешения в уч<ении> Н. Ф. Федорова»³⁰⁴. И в этой статье Булгаков говорит ни два, ни полтора, — называя проектируемое Н. Ф-чем воскрешение адским измышлением, отвратительною подделкою под воскресение, в конце концов не хочет окончательно и бесповоротно отвергнуть этот адский и отвратительный проект, признавая это «неуважением к мудрецу и неразумием того вещего и нового, о чем он миру поведал»; а для того, чтобы уразуметь это вещее и новое, нужно понять проект этого мудреца не так, как хотел сам мудрец, т. е. буквально и реально, а «по духу, не натуралистически, а религиозно-символически». И к каким передержкам прибегает Булгаков, утверждая, будто Лазарь не умер, «уснул». Да, Христос сказал: «Лазарь, друг наш, уснул», но потом Христос сказал прямо: «Лазарь умер» (Иоанн. XI, 14). Что же, по Булгакову, Иисус не воскресил ни дочь Иаира, ни Лазаря? Христос, следовательно, не воскреситель, Он не спас нас от смерти, так как «воскресение, как и рождение, есть творческий акт Божьего всемогущества», и этот творческий акт с воскресением Христа не совершился, а когда-то, быть может, совершится. И между смертью Лазаря и крестною смертью Христа существует будто качественное различие? Что это, откуда все это. И почему «ранее исключается допустимость того, что душа, прошедшая чрез врата смерти, вообще не может возвратиться в отжившее и разрушенное смертью тело». Христос не воскресил

тель, а между тем ученикам Иоанна он велел сказать Иоанну — «мертвые воскресают» (по славянски — «восстают») (Матф., XI, 5). Или и слова Христа нужно понимать не в том смысле, как их понимали те, к кому они были обращены, а в каком-то другом смысле?

Статья Булгакова произвела на меня впечатление чего-то возмутительного. Признаюсь, если бы это был не друг Ваш, я бы выразился еще гораздо резче.

Простите, пожалуйста, меня за все это; больше писать Вам по поводу Н. Ф-ча я ничего не буду, потому что вижу, что к добру это не приводит, а только к охлаждению.

Сегодня я особенно расстроен: после прочтения газет, вышедших в Москве 2-го марта у нас взбунтовались войска, арестовали всех полицейских, стали арестовывать и всех служащих, арестовали и меня. Под арестом я послал телеграмму Родзянке в сто с лишком слов, и часа через три меня освободили, хотя ни расписки в принятии телеграммы, ни сдачи с десяти рублей, которые я дал на телеграмму, мне не принесли. Солдаты избili двух офицеров и старшего военного врача; избili ужасно. При полковнике солдаты курят и ведут себя свободно; в гимназии изорвали портрет Государя, а в Городской Управе потребовали снять портрет Государя, и Управа исполнила это требование. Авторы «Вех» должны радоваться, что учение их оказалось плодотворным.

Юлия Владимировна и я свидетельствуем Вам, Анне Васильевне и Марье Григорьевне наше глубокое почтение, детям просим передать наш сердечный привет. Любящий Вас Н. Петерсон.

4-ое марта

Приходится дополнить письмо, — в одиннадцать час^{ов} вечера с 3-го на 4-ое марта раздался сильный стук во входную дверь, стучались солдаты, заявили, что они раненные, куда-то им надо ехать и они просят пособия; пришлось дать три рубля, чтобы избежать насилия, которое могло напугать нашу 9-тимесячную внучку и искалечить ее на всю жизнь. Таковы проявления нового режима, — старый был плох, а новый с Чхеидзе и Керенским во главе?

Не могу не остановиться еще на одном месте из статьи Булгакова: «Души усопших, “в Бозе почивших” (как и неродившихся) пребывают в руке Божией, они находятся за гранью нашего времени, проходя там свой таинственный и неведомый путь». — Если все это за гранью нашего времени, а следовательно, и за гранью нашего понимания, на каком же основании мы можем думать, что они проходят там какой-то путь, — а может быть, они никакого там пути и не проходят. И почему же мы знаем, дано или не дано их тревожить там воле человеческой какими-либо методами «регуляции природы». Однако православная церковь не только допускает мо-

литвы за умерших, но молитва за умерших есть самое существо церковной службы; православная церковь не только молится за умерших, но некоторых и проклинает, как известно. А если воскресение есть новый творческий акт, то как профессор Булгаков не догадается, что такое воскресение не воскресение, а создание нового существа, и это будут именно только двойники прежде живших и умерших, а не сами умершие; воскресение только и может быть таким, как представляет его Н. Ф-ч. И говорит такой вздор, несогласный ни с православием, ни с здравым рассудком, профессор, призванный учить других, и ему не стыдно выступать с такими статейками, как в № 16.118 «Бирж^{евых} Вед^{омостей}». Все мною здесь сказанное лишь после беглого знакомства с этой статейкой и притом в том расстроенном состоянии, в котором я теперь.

